

Терман Кирсанов

Вьетнамские
каникуды
или
Записки
дауншифтера

SURF
BOARDS
RENTAL
WELCOME!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Герман Иванович Кирсанов Вьетнамские каникулы, или Записки дауншифтера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42921551

SelfPub; 2023

Аннотация

Почти любовный роман о том, как руководитель крупной компании, оставшись без денег, жены и любовницы, уезжает во Вьетнам, где начинает жизнь с нуля. Работая гидом, барменом, директором русского ресторана в стране так и не построенного социализма, герой попадает в разнообразные, не всегда весёлые истории. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Вао nhiêu?	6
Глава 2. «Золотая жемчужина»	9
Глава 3. Болезнь любви	13
Глава 4. Саша	23
Глава 5. «Cherchez la femme»	27
Глава 6. Близость	35
Глава 7. Внезапные неприятности	48
Глава 8. Влиятельный человек	60
Глава 9. Удар в спину	71
Глава 10. «Я буду жаловаться Берлускони!»	75
Глава 11. Блаженный плач	90
Глава 12. Партнеры по бизнесу	97
Глава 13. Последняя встреча	110
Глава 14. Малайзия	114
Глава 15. Прощай турбизнес	171
Глава 16. Вьетнам. Первое знакомство	182
Глава 17. Эмиграция	208
Глава 18. Welcome to Vietnam!	226
Глава 19. Бар	236
Глава 20. Ева	243
Глава 21. «Красные фонари»	250
Глава 22. «Миллионерская дочь»	257
Глава 23. Ресторан	289

Глава 24. «Миллионерская дочь» – 2	333
Глава 25. Возвращение блудного сына	347
Глава 26. Роман Сергеевич	375
Глава 27. Аня	387
Глава 28. Возвращение домой	397

Герман Кирсанов

Вьетнамские каникулы, или Записки дауншифтера

В произведении все имена вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Глава 1. Bao nhiêu?

«Finish Mister!» – послышалось откуда-то сверху. Голова разламывалась, ожидая очередную порцию алкоголя. Осмотрелся по сторонам. Тусклый розовый свет. Маленькая комната для массажа с грязным низким потолком, в которой еле умещалась кровать. Из-за перегородки, словно чья-то голова, торчала половина кондиционера, который был задействован сразу на две комнатухи. Массажистка сидела на краю кровати и напевала песенку на родном мяукающем языке. Взглянул на часы. Три часа дня. «Что-то сегодня рановато я начал терять связь с реальным миром!». Нащупал под кроватью бутылку, в которой осталось немного спасительной влаги. Допил одним присестом, чтоб хоть как-то погасить головную боль. Вьетнамка перекривила милое, почти кукольное лицо, представляя, что твориться внутри меня.

– Бань ёу? – спросил я по-вьетнамски.

– Мот чам нгин! – выдохнула из себя азиатская красотка с глазами, как у Бемби.

Я сделал над собой усилие и поднялся. Достал из сумки сто тысяч донгов и кинул на кровать.

– And tips, – продолжила она, перейдя на английский.

Я, молча, добавил еще двадцать тысяч. Массажистка, оттопырив пухлую нижнюю губу, изобразила недовольную гримасу, показывая всем видом, что эта сумма ее никак не

устраивает.

Денег я дал «выше крыши», потому как массаж в этом месте стоил восемьдесят тысяч, а если учесть, что, скорее всего меня вообще не массировали, то ее вымогательства были откровенной наглостью. После того, как я почти на карачках, заполз в это заведение с бутылкой в руке и через минуту заснул, вряд ли, кто-то мучился, чтоб вдохнуть в меня жизнь.

– Хоть бы поспать дали изверги, все равно клиентов нет! – возмутился я зачем-то по-русски, – за эти деньги можно было вообще снять номер на сутки!

– I don't understand you, tips please, – не унималась вьетнамка.

– Поверь мне, деньги портят людей! – продолжал я на родном языке и, не смотря на протесты труженицы массажного фронта, натянув шорты, качаясь, вышел вон.

Подойдя к мотику, стоявшему возле салона поймал себя на мысли, что не помню, как приехал в «массажницу». А ведь до этого я был на берегу в баре. Как я вообще ехал по дороге? Ведь можно было не только убиться, но и кого-нибудь сбить. Осмотрев колёса и не найдя на них крови, частично успокоился. Прежде чем двинуться в путь, опять напрягся. Почти три недели я пил. Связь с действительностью еще не была утрачена, но многие мыслительные процессы давались с трудом. Достав из глубин пропитанного алкоголем сознания, остаток здравого смысла, задумался. Жизнь «подшофе» вечно продолжаться не могла. Рано или поздно

с этим нужно было заканчивать.

А ведь еще пять лет назад я был успешным бизнесменом, носил дорогие костюмы и ездил на престижной машине. Что случилось? Почему теперь я ищу успокоения в поганом вьетнамском «бардаке» в обнимку с бутылкой? Любовь! Всему виной любовь!

Глава 2. «Золотая жемчужина»

Встретились мы случайно летом 2002 года. Мне было тридцать пять. Дела опять пошли в гору. Появились деньги и время. После посещения Франции и Испании, собрался в Италию, страну, манящую с детства. Решил не экономить и направился в самое большое турагентство нашего города.

Солнечным июньским утром, мой автомобиль подкатил к зданию бывшей городской студии кинохроники. На сером унылом фоне барельефов сочетающих в себе смесь античности и соцреализма расположилась вывеска: «Золотая жемчужина». Чуть ниже весел плакато-лозунг: «Вкладывайте деньги в воспоминания!».

Недолго любуясь преимуществом поколений, шагнул к входной двери. Звякнул колокольчик. Внутри оказалось достаточно большое для турагентства помещение, которое пестрило сувенирами, привезенными со всего мира. Девушки, продающие незабываемые впечатления, занимались утренним макияжем и были явно удивлены столь раннему посетителю. Я бодро и громко сообщил, что мне нужно срочно вложить немного денег в воспоминания. Явно не разделяя моего радужного настроения, милая, но совершенно невеселая девушка пригласила меня за свой стол. Пока мне монотонно сообщали о красотах Рима и Флоренции, я шарил взглядом по сторонам и наткнулся на холодный, безразлич-

ный взгляд одной из работниц, сидевшей неподалеку. Она повернулась за какими-то бумагами и на секунду взглянула на меня. Я успел рассмотреть только неопишуемой красоты глаза, хотя, как позже выяснилось, у нее было много других достоинств. Но глаза! Какие это были глаза? Серо-голубые. Порочные и целомудренные одновременно. Те, что сразу вызывают ступор, восхищение и слепое поклонение. Причем, чтоб подчеркнуть их цвет, хозяйка красила ресницы темно-синей тушью.

Моя личность никак ее не заинтересовала, и она продолжила заниматься своими делами. Возможно, если бы на моем месте был новый кулер для воды, она потратила больше времени, рассматривая его.

Я настолько был ошарашен этим взглядом, что далее мои действия «не шли ни в какие ворота». Почти мгновенно я поглупел до первобытно-быдличего состояния. Логика и здравый смысл, спешно покинули голову, оставив мозг один на один с накатившим безумием.

Подписав договор, я демонстративно, по-киношному, достал из внутреннего кармана пиджака пачку стодолларовых купюр и, обратившись к хозяйке голубых очей, спросил:

– Девушка, не хотите со мной в Италию?

Надо заметить, что в этот момент, передо мной на столе лежали два загранпаспорта, один из которых был моей жены!

Работницы «Золотой жемчужины», привыкшие к подобным спектаклям, не проявили интереса к моей выходке, по-

тому что видимо, знали, что будет в конце. Обладательница серо-голубого «зеркала души», повернула ко мне голову. Складывалось впечатление, что я был тысяча третьим, кто делал ей подобное предложение. С дежурно-театральной улыбкой она произнесла:

– Меня мама за границу не пускает.

В мгновение ока, вернулась логика и рассудок, притащив с собой остатки здравого смысла. Кровь прилила к голове, руки вспотели! Я понял насколько глупо и нелепо выгляжу. На что я надеялся? Что при виде пачки долларов она согласится и тут же побежит паковать чемоданы?

Потоптавшись на месте, я почти бодро произнес: «Видно не судьба! Все ясно и понятно. Да, да! Маму надо слушать! Мамы они такие!». Стараясь не смотреть окружающим в глаза, я быстро направился к выходу.

Несмотря на небольшой рост и невзрачную внешность, у меня всегда было много женщин. К моменту моей встречи с незнакомкой из «жемчужины», помимо жены, у меня было несколько женщин «под ружьем». В то время мой моральный облик не был образцом для подражания. Не понимая, куда ведет эта дорога, я грешил направо и налево. Всё двигалось спокойно и неторопливо. Меня развлекали новые знакомства и утомляли старые связи. Раз в полгода происходила ротация кадров. Любовницы хотели долгосрочных, скрепленных печатью отношений. Я врал, что еще не созрел. Плача и обвиняя меня во всех смертных грехах, женщины ухо-

дили из моей жизни. На их место приходили новые жертвы моего эгоизма, ожидавшие счастья и марша Мендельсона. Увы, но через полгода, а то и раньше, звучал траурный марш Шопена. И так продолжалось с завидным постоянством. Но потихоньку, примитивные отношения, замешанные на инстинкте размножения, мне начинали надоедать. Я, все чаще и чаще, ловил себя на мысли, что хочу любви. Хотелось чувств, которые захватывают целиком, а не только ниже пояса. Хотелось сходить с ума, совершать необдуманные поступки. Хотелось опять, как в юности заболеть любовью.

Глава 3. Болезнь любви

Прошел месяц. Мысли о красотке из турагентства не покидали. Выдержав небольшую паузу после возвращения из Италии, я решил навеститься в «Золотую жемчужину».

Видя меня с улыбкой и бутылкой граппы, работницы «жемчужины» обрадовались. Любому турагентству приятно лицеизреть своих клиентов после поездки на позитиве. Хуже когда в дверях появляются мрачные люди, по которым сразу видно, что им чего-то не досталось за пределами нашей родины.

Высказывая свою благодарность девушке, которая меня отправляла, я постарался рассмотреть голубоглазую злюку.

В этот раз, помимо роскошных глаз я увидел, правильные черты лица, тонкую шею, длинные густые каштановые волосы. Невольно поймал себя на мысли, о её сходстве с молодой Клаудией Кардинале. Когда она встала из-за стола и прошлась по офису, моему взору открылись длинные ноги и значительная грудь.

Прошлый раз на ней был какой-то балахон, да и смотрел я только в глаза, но в этот раз приталенная блузка, расстегнутая чуть больше чем надо, направляла взгляд на соблазнительную ложбинку, подчеркивающую внушительный бюст. Фигура ее была не совершенна, но высокий рост все компенсировал. Признаюсь, меня всегда тянуло к высоким женщи-

нам. Что-то в них есть магическое.

Надо заметить, что эта девушка даже при «беглом осмотре», сильно отличалась, от тех с кем я общался. Гордая осанка, циничный взгляд. Во всем чувствовалась независимость от обстоятельств и мужского пола. Несмотря на то, что она держалась строго, в ней было столько порочности, как мне казалось, столько внутренней необузданной страсти.

Непонятная сила волоком тащила меня к ней. Я не понимал, не отдавал себе отчет, какой опасности начинал подвергать себя!

Пошел обратный отчет! Еще можно было убежать, чтоб спасти свой покой и сон! Но увы, греховная страсть была сильнее! О, Афродита, Богиня Любви: «идущие на смерть приветствуют тебя!».

В конце своего визита, раздавая работницам «жемчужины» свои визитки, я как бы случайно затеял разговор с возмутительницей моего душевного равновесия.

– Если Вам что-нибудь понадобится в области транспорта, обращайтесь. Все сделаем по высшему разряду, – сказал я как можно тверже, стараясь скрыть свое учашенное сердцебиение и внезапно образовавшуюся сухость в ротовой полости.

После идиотской выходки: «девушка поехали со мной в Италию», мне хотелось реабилитироваться, но пока все получалось достаточно коряво.

В этот раз она чуть дольше посмотрела меня своим стран-

ным, колючим взглядом и без особого энтузиазма взяла визитку. Выдержав небольшую паузу, добавила:

– Возможно, скоро, мне ваша помощь понадобится.

– Как вас зовут? – вежливо поинтересовался я.

– Алена, – спокойно ответила она, но через секунду, вернувшись к строгому и неприступному образу, добавила, – Алена Владимировна.

– Очень приятно, Георгий Иванович! – произнес я и зачем-то мотнул головой, как это делали аристократы позапрошлого века, знакомясь с барышнями. «Хорошо хоть каблучками не щелкнул» – весело подумал я, и быстро направился к выходу, забыв попрощаться с работницами турпредприятия.

В голове бурлило и шумело. «Процесс пошел!». Радости не было предела. Между нами начался пусть слабенький, но диалог.

Я почувствовал, как при мысли об этой девушке кровь закипает. Хотелось петь и совершать подвиги в ее честь! Какие-то старые, забытые биохимические процессы запустились в моем организме.

С этого дня в голове поселилась мысль о том, что это моя женщина, которую я ждал всю свою жизнь.

«Я должен, я просто обязан ее добиться!». Оставалось самая малость – определится, как это сделать?

В то время, я занимал кресло генерального директора крупной транспортной компании. Работа была, безусловно,

нервная и жил я в состоянии перманентного стресса.

С завидным постоянством, автобусы вверенного мне предприятия, попадали в переделки, и моя задача была решать возникающие проблемы. Но вся беспокойная жизнь компенсировалась хорошей зарплатой.

Как только появились деньги, я купил квартиру побольше и машину получше. Чтоб обеспечить себе «запасной аэродром» вложил в строительный бизнес. На этом разумные траты закончились. Я начал жить для себя.

После визита в «жемчужину», работа и другие представительницы прекрасного пола отошли на второй план. Голову занимали только мысли о тактике наступательных действий. В голове вертелись сотни вариантов. Как можно произвести впечатление на такую неприступную крепость? Но для начала, нужно было набраться терпения. Нельзя торопиться и ускорять процесс ухаживаний за такой «красотой». Судя по всему предложений попить кофе у нее было больше чем достаточно. Тут нужна была тонкая игра и долгая осада.

Еще раз, перебрав в голове несколько вариантов, я остановил свой выбор на букете цветов. Розами уж точно ничего не испортишь. Теперь, как их преподнести? Очень хотелось чего-нибудь драматического, киношного, сражающего на повал. Вспомнилась сцена из «9 1/2 недель», когда главной героине доставляли цветы в офис. Но где найти такого фактурного курьера? «Следующий раз найду чудика в наушниках» – подумал я, и отправил в офис «жемчужины» своего

молодого зама с букетом, состоящим из пятидесяти одной розы.

Ввиду отсутствия клиентов, продавщицы заморского релакса бездельничали, и «хором», обратили внимание на подъехавшую к офису дорогую машину, из которой вышел молодой парень с роскошным букетом.

– Вот бы этот красавчик шел ко мне! – простонала одна из работниц.

Звякнул колокольчик на входной двери.

– Алену Владимировну я могу увидеть? – отчеканил зам.

Офис замер.

– Это я, – сказала Алена.

– Это Вам Георгий Иванович просил передать.

Видя недоумение работников туристического бизнеса, зам сбивчиво уточнил:

– Вы его в Италию отправляли, он вам давал визитку.

– Ну, вообще-то не я, а Настя, – оправдалась Алена перед коллегами, но цветы приняла.

Спустя несколько часов я перезвонил и справился, понравился ли букет. Алена сдержанно благодарила и, в манере строгого учителя начальных классов, высказала недоумение, чем заслужила такое внимание. Я ответил, что это дань ее красоте, и не более. Затем, как нашкодивший ученик, пообещал больше такого безобразия не делать. Мой ответ её удовлетворил. Она смягчила тон и еще раз поблагодарила меня. В этот день цель была достигнута! Внимание было привле-

чено!

Мне показалось, что эта цветочно-букетная выходка приятно удивила Алену. Видимо соискатели на ее тело, цветами девушку не баловали, и сходили с дистанции сразу после ошеломляюще-отталкивающего взгляда.

Через несколько дней, я нарушил свое обещание и опять отправил цветы предмету волнений своей сердечной мышцы. В этот раз был послан курьер компании по доставке цветов. Причастия к этому букету я никак не обозначил. Алена не позвонила и не поблагодарила. Я в свою очередь хранил молчание.

«Может она подумала, что эти цветы от кого-то другого? – осенило меня, – нужно изменить тактику и начать долгосрочный заброс подарочного ассортимента!».

С этого момента, строго раз в неделю, я посылал в офис «жемчужины» своих работников, то с цветами, то с фруктами, то с коробочками «Раффаэлло». Видя под окнами офиса машину с логотипом моего предприятия, работницы «жемчужины» радостно кричали: «Алена, к тебе доставка!».

Несмотря на всю свою неприступность и категоричность, Алена была в растерянности. Она не знала, как себя вести, принимая подарки, главным образом потому, что не понимала, почему я не совершаю никаких движений в ее сторону. О встрече я не просил, пространных намеков не делал. Лишь через месяц, после первого подношения, я позвонил под пустяковым предлогом.

– День добрый Алена Владимировна. Это Георгий Иванович. Помните такого? – начал я.

– День добрый, помню, – ответила повелительница моего сердца.

– Вы не подскажете, за сколько дней сейчас делается шенген во Францию? – поинтересовался я, нелепо изображая потенциального клиента.

В данной ситуации, с таким же успехом можно было спросить: «Вы не подскажете, как пройти в библиотеку?».

– Минимум дней десять, но лучше подаваться за месяц, – ответила Алена, придавая нашему разговору профессиональную окраску.

– Спасибо, очень приятно было пообщаться, – резюмировал я.

– Звоните если что! – прозвучало на том конце провода.

Возникла небольшая пауза. Я понял, как опять нелепо выгляжу и положил трубку.

Прошел еще месяц. Алена потихоньку привыкала к моим подаркам. Я в свою очередь события не торопил.

В один из последних теплых дней сентября, в моем кабинете раздался звонок.

– Георгий Иванович? Это Алена Владимировна из «Золотой жемчужины» беспокоит.

– Я вас слушаю Алена Владимировна, – ответил я, еле сдерживая нахлынувшую радость.

– Мы в офисе собираемся отмечать День Туризма. При-

глашаем Вас! Вы наш клиент, да и подарками нас забросали.

– Я думал, эти подарки направляю лично Вам, – произнес я, делая вид, что не понимаю, о чем она говорит.

– Ну, так что? Вы придете? – чуть раздражено произнесла Алена – Что мне сказать директору?

– Если ничего не случится экстраординарного, то обязательно приеду.

– Мы Вас ждем!

Отдышавшись и успокоившись, после столь волнительного телефонного разговора я проанализировал ситуацию. Через два месяца моих странных ухаживаний, она не выдержала, и первая сделала шаг навстречу? Вряд ли! Скорее всего, это не шаг навстречу, а жест уважения, реверанс в мою сторону.

Я ликовал, но естественно на праздник не поехал. На следующий день, отправив в офис «жемчужины» ящик шампанского, передал через своего водителя, что прийти не смогу, в связи со срочными делами.

Первый закон бизнеса и противостояния полов: «Нельзя сразу соглашаться на первое предложение!». Согласно моему плану, нужно было еще немного «потянуть резину» и «набить себе цену». Большинство женщин, как только видят, чем дело закончится, сразу теряют к тебе интерес. Нужно было создать долгосрочную интригу.

В «жемчужине» у меня был помощник-информатор – девушка Настя, которая меня отправляла в Италию. Она рас-

сказала мне, что Алене двадцать два, приехала из Краснодарского края. Любит розы и золото, мечтает сделать карьеру – стать директором крупного турагентства. Стандартный набор для девочки из провинции. Вот тут бы мне стоило задуматься! А как же дети, любовь, семья? Тогда я не придавал этой информации большого значения, потому как был слишком увлечен идеей, завоевать эту девушку, и мало на что обращал внимания.

На все мои вопросы о личной жизни, информатор молчал, но зато я узнал размер кольца, которое носит Алена на безымянном пальце.

Прошла неделя и шок! Алена выходит замуж! Оказывается, она давно уже живет с одним молодым студентом, и теперь они решили узаконить свои отношения.

Выяснилось это совершенно случайно. Я позвонил Алене решив узнать, когда именно ей понадобится моя помощь в сфере транспорта. Она сказала, что уже всё нашли и заказали.

– Что нашли? За сколько заказали? Почему без меня? – не унимался я.

– Завтра я выхожу замуж, нужна была машина, уже нашли, спасибо, – пояснила Алена.

Вот уж точно «гром среди ясного неба!». Сказать, что для меня это был удар – это ничего не сказать! Ее замужество могло поставить крест на перспективе наших отношениях. В принципе я особо не сомневался, что у такой красивой де-

вушки есть парень. Я бы даже не удивился, если бы узнал, что она уже замужем. Но то, что выходит замуж именно сейчас, меня почему-то не на шутку расстроило!

Сдавленным голосом я поинтересовался, что за машина повезет ее к алтарю. Каково же было мое изумление, когда выяснилось, что для поездки в загс, жених заказал обычное такси. В этот момент я понял, что не все потеряно. Вряд ли бедный студент сможет обеспечить будущие запросы такой роскошной девушки.

Я пообещал Алене в течение дня найти хорошую машину. На следующий день, вместо заказанного женихом такси, во двор невесты прикатили, сверкающий в лучах солнца, черный «шестисотый» мерседес.

Глава 4. Саша

Женился я в тридцать, на молодой девушке по имени Саша. Если взглянуть поверхностно, то всё в наших отношениях было ровно и обыденно. У нас не было головокружительного романа. Познакомились, стали встречаться, через три года поженились. Но если копнуть глубже, то судьба на протяжении многих лет подталкивала нас к другу другу.

Моя первая встреча с будущей женой состоялась, когда мне было тринадцать. Её семья вселялась именно в ту коммуналку, из которой мы выезжали в новую квартиру. И, когда ее родители приходили справляться о дате нашего выезда, мы первый раз встретились. Конечно, тогда я не обратил внимания на белокурую первоклашку, но это была не единственная наша встреча. Как позже выяснилось, мы учились в одной школе. Но, на этом совпадения не заканчивались. С разницей в семь лет у нас был один и тот же классный руководитель. Спустя десять лет после окончания школы, именно на дне рождения нашего общего учителя-наставника мы и познакомились.

Несмотря на невысокий рост, мать-природа наградила Сашу почти идеальными пропорциями. Все в ней было ладно и гармонично. По-детски милое лицо дополнял тихий и мягкий голос. Она немного не выговаривала букву «р», но это лишь добавляло необъяснимую притягательность. Некото-

рые слова она произносила совсем как ребёнок. Когда я слышал «транвайчик» мне казалось, ей совсем не хочется взрослеть. Но самое главное, на что я обратил внимание, это на порядочность молодой девушкой. Именно эта черта произвела на меня неизгладимое впечатление и выделила из всех девиц, с которыми я тогда встречался. Она всегда говорила только правду, не могла врать и не терпела ложь. Саша была честный человек, не способный к низким поступкам. Она не меняла своих решений и располагала абсолютно всех к общению. Но, несмотря на все это, Саша не любила людей. Зимой она кормила всех бездомных кошек и голубей в округе, но не могла заставить себя полюбить род человеческий. Это не была ненависть, но что-то близкое к ней. Я чувствовал, как все окружающие ее жутко напрягают и раздражают.

Я не думал, что наш роман затянется. Но прошел месяц, потом год. Я стал привыкать к ее милому покладистому характеру. Когда мы были вместе, я был совершенно спокоен душой и телом. Она никогда не истерила, не устраивала сцен.

Один раз, когда я нелестно высказался о ее наряде, Саша спокойно спросила: «Во что следующий раз одеться?». «В черный сарафан!» – выпалил я, не понимая, в какую неприглядную ситуацию, поставил девушку. На следующем свидании она была в черном сарафане.

С Сашей было легко, но немного скучновато. У нас не было страсти, а было «обоюдное согласие при полном непротивлении сторон». По большому счету меня все устраива-

ло, но время от времени хотелось чего-нибудь волнующего. Почти сразу после того как мы стали встречаться я заметил еще одну странную особенность, Саша была очень скупа на эмоции. Она никогда не показывала ни радости, ни разочарования. Если предыдущие мои девушки, получая подарки, изображали пороссячий восторг, то Саша тихо говорила «спасибо» и этим все заканчивалось. Я не знал, что творится у нее внутри, и о чем она думает. Временами казалось, что я встречаюсь с роботом в женском обличии. Лишь изредка после бокала вина она оживала и давала волю чувствам.

Мне исполнилось тридцать, но я совершенно не думал о женитьбе. Казалось, я еще не нагулялся, а может, не встретил ту, особенную ради которой мог бросить всё и вся.

В один из дней Саша пришла с заплаканными глазами. Я поинтересовался, в чем дело. Оказывается, мама устроила ей скандал. Она настаивала на том, чтоб мы расстались, потому как: «Женится он не собирается, а ты проведешь с ним лучшие годы». В то время шел уже третий год, как мы встречались. По-хорошему конечно ее мама была права. Нужно было либо жениться, либо расставаться и не морочить девушке голову. Но я, как Печорин, которому нагадали смерть от плохой жены, панически боялся женитьбы. Брак – это всегда жертвы, сложности и проблемы. И в первую очередь для главы семейства.

Следующую ночь провел без сна. В принципе, будущая теща рассчитала все, как опытный гроссмейстер, на два ша-

га вперед. Довея дочь до истерики, она подготовила её к разговору со мной. Я, видя неподдельность отчаяния молодой девушки, должен был либо сломаться и закончить дело свадьбой, либо признаться, что жениться не буду. Саша мне нравилась, но свадьба откровенно пугала.

Спустя неделю раздумий случилось то, что потрясло меня и перевесило чашу весов. Саша очень хотела отрастить длинные волосы. В течение нескольких лет она лелеяла свою русую копну но, увы, волосы росли очень медленно. Беседуя о тенденциях моды я, случайно обмолвился, что несмотря ни на что, мне у девушек всегда нравились короткие стрижки. Вначале Саша ответила довольно резко: «Ради тебя я стричься не буду!». Но через несколько дней, сообщила: «Если ты очень хочешь, я подстригусь!».

Жертвы – вот что нам порой не хватает в этой жизни. Мы не можем, а порой просто не хотим чем-то жертвовать. Все хотят быть любимыми, но никто не хочет любить, все хотят получать, но никто не хочет отдавать.

Конечно, такой шаг навстречу моим желаниям не возможно было не оценить. Я убедил Сашу, что это были просто мысли вслух, и она мне нравится именно такой без всяких кардинальных изменений.

Свадьбу отпраздновали скромно, но перед этим повенчались. Саша не была ревностной христианкой, но на обряде настояла.

Глава 5. «Cherchez la femme»

Семейная жизнь началась в 1997. Российский бизнес в то время развивался и нуждался в деньгах. Все, кто имел хоть какие-то деньги, давали их под проценты. Я, имея небольшой долларовый запас, тоже грешил этим. «Рантье» никто никогда не любил и поэтому «кинуть барыгу» было делом обычным. В конце «девяностых» все кидали всех – люди банки, банки людей, друзья друзей. Я все это видел, но жажда наживы была сильнее, и поэтому приходилось рисковать. В качестве хоть какой-то страховки я давал деньги в рост трем разным людям. В то время деньги брали под пять, а то и десять процентов в месяц. При хорошем раскладе за год можно было увеличить состояние вдвое.

Но риски возрастали с каждым днем. Пирамиды сыпались, новоявленные бизнесмены разорялись. Один из моих заемщиков продал квартиру родителей, скрылся в неизвестном направлении, оставив меня и других любителей легких денег ни с чем. Забрав деньги у тех, кто еще был в поле зрения, я передал оставшуюся сумму своему тогдашнему боссу. Помимо студии звукозаписи, где я работал, шеф имел медицинский центр и обменный пункт, от какого-то московского банка, в котором трудился сам, не доверяя никому валютные операции.

«Во-первых, деньги на виду, а во-вторых, своего работни-

ка начальство кидать не будет» – подумал я.

Шеф-валютчик проценты начислял, сумму оглашал, но деньги в руки не давал, хотя изначально мы договаривались, что месячный процент я буду забирать. Меня это немного напрягало, но выбирать не приходилось, так как я был повязан хорошей работой, за которую получал неплохие по тем временам деньги.

Но вот грянул кризис. 17 августа 1998 года был объявлен дефолт. За полтора месяца доллар подорожал почти в три раза. Народ побежал в банки вызвать свои капиталы, но не тут-то было. Начался финансовый хаос. Те, кто сидели на валюте, конечно же сразу обогатились, а вот хозяева рублей теряли средства не по дням, а по часам. Побежал и я узнать, что там с моим вкладом, но шеф, сдвинув брови, сказал: «Не до тебя сейчас!». В эти дни он покупал и продавал валюту ежесекундно. С утра, как горячие пирожки разлетались доллары. К обеду приезжал кавказский партнер и, забирая рубли, привозил новые доллары уже купленные по новой цене. Иногда пока рубли стояли в городских пробках, доллар дорожал, и шеф не успевал за курсом, но в основном у него все получалось. Почти каждый день он зарабатывал огромные деньги. Естественно изымать в этот момент любую сумму наличности ему не хотелось. Большинство любителей жить на проценты в то время «отфутболивали» не объясняя причин. «Кризис, потом отдам!» или «Нет денег и все! Делай что хочешь!». И никому ничего не предъявишь! В милицию писать

заявление было просто глупо. Даже те кто «работали по долгам» с августа по октябрь 1998 года не могли навести резкость. Народ вкруговую друг другу был должен. Взять с кого-то деньги было просто нереально. Выхватить машину или телевизор с должника было большой удачей, а вот квартиру или дом отнять было сложнее. В большинстве своем люди, которые были должны большие деньги, просто пропадали на время. А как говорится – «нет человека, нет проблем». Но больше всех, конечно, кинуло государство, и ничего с этим сделать нельзя было.

В этот момент квартиры подешевели в долларовом эквиваленте в два, а кое-где и в три раза. Если до кризиса «однушка» стоила четырнадцать тысяч долларов, то теперь можно было приобрести за шесть с половиной. Мои сбережения были в валюте и лучшего времени, чтоб купить квартиру, трудно было себе представить. Но как забрать деньги у шефа, не испортив с ним отношения? Как-никак он мой работодатель! Да и потом, он мог отдать мне деньги в рублях по курсу до семнадцатого августа! Так делали многие.

«Cherchez la femme», – как говорят французы!

За семь лет до того, как вышел сериал «Моя прекрасная няня» я познакомился с двойником Анастасии Заворотнюк. Точнее сказать, я познакомился с двойником героини, которую играла Заворотнюк. Она была похожа на неё как две капли воды. Её тоже звали Вика.

Позже, когда я мельком посмотрел несколько сцен из на-

шумевшего сериала, у меня сложилось впечатление, что «няню Вику» лепили по образу и подобию моей знакомой. Та же прическа, тот же макияж, те же наряды. И самое интересное, та же алая розочка в волосах.

Вика была знакомая знакомых. Мы жили неподалеку и иногда встречались. Друг-товарищ в юбке и не более. «Salut salut, au revoir!» – как говорят все те же французы.

Как-то раз, чтоб разбавить мужскую компанию, я пригласил ее с подружкой на свой день рождения, куда зашел мой валютный босс. Когда повелитель зеленой наличности увидел Вичку, он вначале потерял дар речи, а потом замычал что-то бессвязное, указывая на меня: «Это мой лучший друг, работник, человечисе! А я... Ну... а вы, такая, и мы!». Через сто грамм водки к нему вернулось красноречие, и он излил водопад понтов на незнакомую красавицу: «У меня «валютка», медицинский центр, студия звукозаписи! Вам нужна хорошая работа? Давайте ближе познакомимся. Давайте куда-нибудь уедем! Александр, можно просто Саша». И так далее, и тому подобное.

Вичка была достаточно легкомысленной девушкой. Настоящей разбитной разведенкой. Живя в одной квартире с сестрой и дочерью от первого брака, она проводила время в беззаботном веселье, извлекая максимум дивидендов из своей молодости и красоты.

Шеф был богат и хорош собой, а что еще нужно? Девушка мгновенно ответила валютному ухажеру взаимностью, и

после этой встречи у них завязался долгий роман.

Наступил момент, когда я мог воспользоваться дружбой с любовницей начальника и попросить ее об одолжении.

Прежде всего, я явился в «обменник» и сообщил шефу, что мне нужно срочно забрать деньги потому, что решил купить квартиру.

– Потом, сейчас некогда! – прогнозируемо ответило начальство.

– Когда? Мне нужно сейчас, – не унимался я.

– Иди, работай, не мешай, – отрезал шеф, не поднимая глаз, пересчитывая пачку стодолларовых купюр.

– Понял, – ответил я и удалился в сторону жилища его содержанки.

Вика приняла меня радушно. Надо сказать, что при всей своей внешней несерьезности, она радела за семейные ценности.

Я поведал ей историю о том, что я недавно женился, жить негде, а шеф деньги не отдает, на которые мы могли бы купить жилье. Можно было конечно в конце пустить скупую мужскую слезу, но этого не потребовалось. «Я все поняла. Будь спок» – подытожила моя заступница.

Вика была единственный человек из моего окружения, который мог позволить себе говорить шефу в глаза, всё, что она думает. И он ничего не мог с этим поделать!

Что она ему сказала, не знаю, но не успел я вернуться на свое рабочее место, как раздался звонок. Шеф брызжа слю-

ной в телефонную трубку стал орать, что я просто тупой и не понял, что деньги он мне отдаст, но позже. Я ответил, что все понял.

Прошла неделя. Случайно встретился с Викой. Сообщив новости и сплетни о наших общих знакомых, она стала живо интересоваться о том, где и что мы собираемся себе покупать. Я ответил, что денег нет, и пока не ожидается.

«Вот Санёк сука, я ему устрою!» – почти прокричала красавица с розой в волосах.

Оказывается, она решила не допускать шефа к телу, до тех пор, пока он со мной не рассчитается. Начальник помаялся пару дней без секса и соврал, что со мной все решено. Теперь предстояла расплата за ложь.

Следующие несколько дней шефа бесило все. И я, и наш водитель, и выручка, и курс Центробанка. Он рвал и метал. Я догадывался, что Вичка посадила грозу валютных операций на сухой паёк. В свою очередь она тоже страдала, потому что шеф перестал привозить ей деньги и продукты, но у нее были принципы. Через неделю злющий начальник вызвал меня в «валютку», швырнул мне мои шесть с половиной тысяч долларов и, не смотря в лицо прорычал: «Иди, звони своей матери Терезе!». Мне хотелось пошутить и переспросить какой именно матери позвонить, но взглянув на шефа, игравшего желваками, я кивнул и вышел вон.

Через несколько дней был дан задаток, а через месяц я купил свою первую, однокомнатную квартиру. Теперь у меня

не было ни денег, ни процентов, но за то был свой угол.

Вот так с помощью страстей и пороков, я смог вытащить наличность в момент одного из самых тяжелых кризисов происходивших в нашей стране.

Жена, как всегда была скупа на эмоции и поэтому покупку нашей первой квартиры восприняла очень спокойно.

Два года мы жили тихой размеренной жизнью. Моей зарплаты хватало на жизнь без излишеств, но в ноябре 1999 года мне предложили возглавить транспортное предприятие. Конечно же, я согласился, тем более что в это время звукозаписывающий бизнес пошел на убыль.

Уже через год я финансово «забурел», и моя жизнь кардинально изменилась.

Было время, когда я жил на сто долларов в месяц. Теперь же, когда зарплата стала в десятки раз больше, на «достойную» жизнь её не хватало. Удивительным образом расходы разбухали, и я уже был не в состоянии сказать, куда девается такая прорва денег.

О деньги – это великое зло и адское искушение. Пока их нет, ты волей неволей держишь себя в рамках, но как только они появляются, моментально впадаешь в соблазн, пускаясь во все тяжкие.

Жена удивительно спокойно относилась, как бедности, так и к богатству. У нее не было особенных запросов. Сдержанную радость вызывали лишь новые книги и путешествия. К остальному она была равнодушна. Конечно, она догадыва-

лась, что мои задержки на работе неспроста, но шум не поднимала. Я в свою очередь ее доверием сильно не злоупотреблял и компенсировал «похождения» дорогими подарками и выездами за границу.

Огромная ошибка нашей тогдашней семейной жизни – отсутствие ребенка. В какой-то момент мы это поняли, но забеременеть, увы, не получалось. Нам нужно было пострадать, чтоб получить семейное счастье.

Глава 6. Близость

Пошло полгода с момента, как я первый раз увидел Алену. Уж не знаю, насколько она была счастлива в браке, но в наших отношениях наметился явный прогресс. Я продолжал отправлять ей цветы и подарки, но теперь после каждого визита моего курьера она звонила и благодарила. Иногда, в конце рабочего дня, мы подолгу болтали по телефону. Потихоньку снежная королева оттаивала. Предмет моей страсти обращалась ко мне на «вы», уважительно называя по имени отчеству.

За все это время лишь один раз мы встретились.

Холодным осенним утром я предложил подвести Алену на работу. С хорошо скрываемой радостью она согласилось. Подкатив к ее пятиэтажке на вымытой до блеска машине, меня вдруг накрыла паника. В какой-то момент я решил, что ухаживать за такой красотой глупая затея. Скорее всего, она вообще забыла, как я выгляжу! Придет, посмотрит на меня и завтра не захочет со мной общаться даже по телефону. «Зачем я ей? Маленький, невзрачный! Я старше ее на двенадцать лет! Нужно бежать и чем быстрее, тем лучше!». Но, как только открылась дверь подъезда, и оттуда появилась моя фемина, все сомнения и комплексы мгновенно улетучились.

Я увидел чудное создание с глазами цвета майского неба.

Яркая помада и синяя тушь делали Алену похожим на девушку с «пин-ап» плаката. Несмотря на осенний холод, короткая узкая юбка приглашала полюбоваться на длинные красивые ноги, пойманные в сеть черных колготок. Высокий каблук, создавал иллюзию, что она не идет, а парит над землей, чуть касаясь пальчиками ног мокрого асфальта. Промозглый ветер, игрался густой каштановой копной, делая Алену похожей на персонаж рекламы шампуня.

«И опытный заметил взгляд, её заботливый наряд» – как писал мой любимый поэт.

Я замер. Открылась дверь машины.

– В центр не подбросите? – игриво произнесла Алена.

– Конечно, для этого и стою! – нестройно ответил я.

Алена села в машину. Зазвонил телефон. Я посмотрел на экран – «Работа». Хочешь, не хочешь, а нужно было ответить.

– Георгий Иванович, у нас проверка. Говорят операция «Автобус». Пришли «гаишники» и из транспортной инспекции, – протараторил диспетчер.

– Через десять минут буду, – ответил я.

В этот момент я повернулся и поймал на себе недобрый взгляд Алены.

– Так что? Мы никуда не едем? – произнесла она, мгновенно вернувшись к образу строгой «училки».

– Сорри Алена Владимировна! Труба зовёт! Операция «Автобус»! – почему-то очень бодро и с улыбкой произнес

я. – Я Вас отвезу до ближайшей остановки? Или может вызовем такси?

Такого расклада «звездная» девушка совсем не ожидала. Наверное, для нее это был удар по самому больному, по её самолюбию! Что творилось внутри неё оставалось только догадываться. Правильные черты лица исказились, а красивые глаза метнули искры.

– Нет спасибо, – процедила она и быстро вылезла из машины, нервно зашагав в сторону ближайшей остановки.

Еще несколько минут я смотрел ей в след и ликовал. Почему-то вспомнилась французская поговорка: «Mains froides, cœur chaud» («Руки холодные, сердце горячее»).

Проверка прошла нормально, и в конце дня я отправил в офис «жемчужины» извинительный букет, но позвонил только на следующий день.

– Здравствуйте Алена Владимировна! – начал я, – вы уж простите за вчерашнее. Сами понимаете, долг зовёт, положение обязывает. Вы не промокли? На работу не опоздали?

– Опоздала, промокла! – холодно ответила звезда моих очей, пытаясь вызвать у меня чувство вины.

– Ну что мне сделать, чтоб вы меня простили? Хотите, каждый день буду Вас возить на работу?

– Нет, спасибо. Завтра у вас будет какая-нибудь новая операция, например «Троллейбус»!

– Не поверите, у милиционеров такие потешные названия операций. Вот, например операция по борьбе с нелегальным

алкоголем называлась «Алкоголь 2002». А знаете, как называлась операция по очистке города от бомжей?

– Ну и как?

– «Странник!»

Алена не смогла удержаться в своем строгом обиженном образе и громко засмеялась.

– А операция «Шторм» или «Вихрь» у них есть?

– Есть! И «Шторм» и «Вихрь антитеррор». Вы уж простите меня великодушно! – продолжил я.

– Хорошо, хорошо. Я все понимаю.

* * *

Казалось, неприступная крепость потихоньку сдавала свои позиции. Я уже прорвал первую линию обороны и вплотную подошел к стенам бастиона. Правда еще оставался глубокий ров, заполненный водой и высокая крепостная стена, но это меня уже не смущало, я был полон решимости.

Приближался день рождения Алены. Зная размер кольца, я блуждал по ювелирным магазинам и искал что-то особенное. В ЦУМе, на глаза мне попало удивительное изделие, которое представляло собой композицию из двух колец, белого и желтого золота. Между ними крепился небольшой драгоценный камень. Что-то в этом кольце было своеобразное и символичное. Основной подарок был найден.

Для большинства женщин дорогое кольцо – символ, ме-

рило уровня отношений, но для меня это был достаточно банальный подарок, и поэтому я решил сделать еще что-то особенное, что-то очень не ординарное то, что меньше всего ожидает от меня Алена. Я приготовил торт!

Так сложилось, что в нашей семье никогда не готовили кондитерские изыски. Ни мама, ни бабушка, печь дома не хотели. Максимум на что их хватало, это были сладкие пирожки по большим праздникам. Когда я задавал вопрос о тортике сделанном дома, в ответ, то ли от бедности, то ли от лени слышал: «Хочешь вкусняшку – намажь печеньку маслом, а сверху вареньем!». Тем временем, приходя на дни рождения к своим школьным друзьям, я дивился, насколько вкусна домашняя выпечка. Родители одноклассников удивляли «Графскими развалинами», «Муравейниками», «Наполеонами».

Не надеясь, что в нашей семье ситуация изменится, я решил сам испечь торт. Было это в восьмом классе. Взяв рецепт из журнала «Работница» стал творить, начав кулинарное поприще с торта «Идеал», который почему-то позиционировался, как грузинский. Спустя годы, я объехал Грузию вдоль и поперек и нигде не видел сладких народных тортов с маслом и сгущенкой.

Как выяснилось позже – это был достаточно сложный рецепт для начинающего кондитера. Тесто делалась на водяной бане с большим количеством ингредиентов. Навыков готовки такого рода изделия у меня не было. Раскатывая непо-

слушное тесто на коржи, я не понимал, почему оно опять сжимается, возвращаясь в первоначальное состояние. Газовую духовку разжигал первый раз в жизни, чуть не спалив чуб и брови. Коржи горели и прилипали. После двух часов мучений, передо мной лежали обугленные пластины – основа будущего торта. Следующий этап был крем. Сгущенки дома не было. В то время это был дефицит. Я решил приготовить ее сам. Полез в поваренную книгу. Там рекомендовали варить молоко с сахаром на водяной бане помешивая в течении часа. После того как я выпарил часть влаги из молочно-сахарной жижи, стал перед новой проблемой. Мне предстояло взбить сливочное масло с псевдо сгущёнкой. Миксера естественно в нашем доме тоже не было. Недолго думая я засунул вилку в ручную дрель и положив будущий крем в двухлитровый стеклянный баллон приступил к взбитию. Но опять проблема – баллон нужно было как-то держать. Я сел на пол, ухватил с двух сторон банку ногами и резко крутнул ручку дрели. Баллон вырвался из плена и полетел в ближайший угол, разбрызгивая сладкую жидкость на ковровую дорожку, купленную по большому благу. По прошествии трех часов мучений я собрал торт. После обрезаний подгоревших краев он получился размером чуть больше чем обычное пирожное. Посыпав кулинарное чудо орешками, я представил торт на суд родителей, которые к счастью не застали процесс изготовления. «Предки» мини-торт съели, но вместо слов благодарности, я получил взбучку за то, что за-

нимаюсь ерундой и трачу продукты неизвестно на что! Но это не остановило мои кулинарные эксперименты!

Следующий торт был «Катка». На очередных именинах одноклассника, я попробовал шоколадный пирог, удивительного вкуса. Это был очень нежный бисквит с неповторимым кремом. Обычно бисквиты достаточно сухи, а этот был влажный, причем не похоже было, что его чем-то пропитывали. У мамы именинника я тут же испросил тонкости приготовления. Она с радостью поделилась. Торт был достаточно сложный, но мне ужасно хотелось повторить неповторимый вкус. Секрет был в том, что бисквит делался на основе сметаны, а в качестве разрыхлителя использовалась сода, погашенная в уксусе. Купив необходимые продукты, я взялся за дело. Но первая «Катка» у меня тоже не получилась. По ошибке я вместо муки положил крахмал, и от этого пышки практически не взошли. Родители съели накрахмаленный торт и опять отругали за растраниживание семейной собственности. Но меня уже было не остановить. Я загорелся научиться готовить. Третий торт получился таким, каким я его пробовал в гостях. Но теперь я пошел дальше! У меня появилось желание экспериментировать. Я искал новый крем, который мог бы сочетаться с этим видом бисквита. Выяснилось, что есть много аналогичных похожих рецептов. Эти торты назывались «Сметанник», «Мишка на севере», «Зебра», но «Катка» все равно была лучше всех. В результате моих изысканий за двадцать лет кулинарной деятельности, я

приготовил более сорока тортов и нашел новое решение для крема. Торт получился без преувеличения бесподобным. И теперь если меня звали на какой-нибудь праздник, то вместо подарка настоятельно просили принести «Катку».

Этот торт я и решил приготовить Алене. Жена, привыкшая к моим кулинарным причудам, спокойно отреагировала на то, что я опять готовлю торт «на вынос».

* * *

День Рождения Алены выдался серым и холодным. Город угрюмо стоял в пробках. С неба манкой срывались крупинки снега.

Как полководец перед решающей битвой, я осмотрел боевые ряды подарков. Все было готово к финальному броску. Штурм крепости планировался на полдень. Для произведения особого эффекта, я взял на своем предприятии микроавтобус и нескольких работников. По моему замыслу, вначале в офис Алены должны были занести вторичные подарки – ящик шампанского, колбасные изделия и торт, а потом должна появиться моя персона с цветами и кольцом. Представив эту картину, я остался доволен своей задумкой. Для полного «nature-morte» не хватало только белой лошади. Хотелось верить, что при такой атаке крепостную стену штурмовать не придется и бастион сдастся без боя.

Ровно в полдень мы загрузились и двинулись. В момент,

когда персонал «жемчужины» сел выпить чайку с плюшками, к офису подкатил наш микроавтобус. Одна из девочек крикнула традиционное: «Алена, к тебе доставка!». Мои работники суетливо занесли ящики с выпивкой и закуской в офис, но застряли на входе, не зная, куда это все можно было поставить. Сквозь пробку, возникшую у двери, я еле протиснуться с огромным букетом роз и от этого моё появление получилось не столь эффектным, как планировалось. Но для Алены все равно это был шок. Её прекрасные глаза округлились. Мужчина явился к ней не только с шампанским, цветами и тортом, но еще и с ящиком копченой мясной снеди.

Я давно понял, что для женщины главное не красота мужчины и не его богатство. Главное – поступки и забота, с которой мужчина окружает свою женщину.

– С Днем Рождения Алена Владимировна! Торт я испек сам, специально для Вас! Куда это все можно поставить? – взволнованно произнес я.

Алена в растерянности оглядывалась по сторонам, разыскивая место для даров. На помощь пришла Эльвира, хозяйка и по совместительству директор турагентства.

– Ребята, заносите всё ко мне в кабинет! А торт поставьте на стол.

Работники покорно исполнили приказ.

Я подошел к Алене, вручил ей цветы. Она посмотрела на меня уже как-то по-другому и в полголоса сказала: «Спасибо, очень приятно!». Возникло ощущение, что крепость еще

не пала, но уже заскрежетали и начали опускаться подвесные ворота бастиона, дающие возможность проехать через главные ворота. Выйдя из офиса, вдруг вспомнил, что не отдал кольцо. Когда вернулся, работницы «жемчужины», как по команде замолчали, видимо обсуждая меня. Быстрым шагом я подошел к Алене. Именинница встревожилась. Когда я достал из кармана бархатную коробочку, она испуганно заерзала на стуле, видимо решив, что я хочу сделать предложение.

– Забыл, сорри! Еще раз с Днем Рождения! – на выдохе сказал я и, поставив коробочку на стол, быстро пошел к двери.

– Георгий Иванович!

Я остановился и обернулся.

– Приходите к нам вечером, отпразднуем день рождения Алены. Ведь Алена не против? – произнесла начальница именинницы.

В этот момент Алена открыла коробочку и рассматривала кольцо, не решаясь его надеть.

– Ведь Алена не против, чтоб Георгий Иванович вечером к нам присоединился? – громко повторила Эльвира, – часов этак в восемь!

– Да, да конечно, – ответила Алена, взглянув на меня, чуть шурясь.

Мне показалось, что подвесной мост упал. Крепость еще не выбросила белый флаг, но воевать не собирается и готова

была к мирным переговорам.

В офис «жемчужины» приехал специально попозже. От нескольких бутылок «цимлянского», девушки изрядно повеселели и к моменту моего прихода уже отплясывали под незатейливую мелодию с одноразовыми стаканчиками в руках. Начальница уехала домой, и поэтому можно было расслабиться.

Алена встретила меня с улыбкой на лице. На безымянном пальце красовался мой подарок. Мы выпили. Потом еще. Я огляделся по сторонам. Кроме моего букета, был еще один маленький. Больше цветов в офисе не наблюдалось. Не наблюдалось также и мужского присутствия. Торт был наполовину съеден. Все говорили мне комплименты и требовали раскрыть секрет приготовления кондитерского чуда.

Сейчас наступило время, когда большинство современных женщин собирает рецепты, но никогда ничего не готовит. И действительно, зачем убивать вечер на домашнюю выпечку, если в магазине, можно купить такую же, ну или почти такую же. За все эти годы, я продиктовал наверно сотню рецептов, но никогда не слышал, чтобы кто-то приготовил мой фирменный торт. Поэтому и в этот вечер, я как обычно щедро делился секретами, зная, что никто ничего готовить не будет.

Потихоньку работницы «жемчужины» покидали праздник. В конце концов, офис опустел, и мы с Аленой остались вдвоем. Не решаясь, приблизится на расстояние «бли-

же обычного», я предложил помочь обратиться. Окончив совместное мытье посуды и уборку мусора, мы проголодались и опять сели за стол, со стойким желанием прикончить остатки торта и шампанского. Через два тоста решили перейти на «ты». Выпили до дна, но без переплетенных рук и братских поцелуев. Возникла неловкая пауза. Видя, что я, не предпринимаю никаких попыток сблизиться, Алена погасила свет и подошла к окну.

На улице была типичная для последней недели осени непогодица. Холодный ветер завывая, хлестал по лицам одиноких прохожих, гоняя по тротуарам остатки утренней изморози. Промерзший город сбавлял обороты, готовясь отойти ко сну.

Я подошел сзади, аккуратно взял Алену за талию и уткнулся лицом в ее густые каштановые волосы. От такой близости в голове зашумело, и странные чувства вдруг посетили меня. Мне показалось, что я ступил на палубу какого-то неведомого мне судна, которое только что отошло от берега. Палуба ходит под ногами, и я боюсь потерять равновесие, но эйфория от познания неведомого сильнее. Она толкает меня вперед к неизведанным землям и ощущениям.

Алена повернулась и пристально посмотрела на меня. Её прекрасные глаза блестели. С высоты своего роста, она обхватила меня за голову и утопила в долгом нежном поцелуе.

С этого момента связь с реальностью была потеряна. Странный корабль под названием «Безумие» понес мою ду-

шу в неведомые просторы.

Глава 7. Внезапные неприятности

Прошло три года.

На «майские» Алена вдруг засобиралась к маме, которая жила в Краснодарском крае. Последнее время, почти все праздники мы проводили вместе, и поэтому я был несколько удивлен ее внезапным отъездом, но настаивать на совместном отдыхе не стал потому, как на работе внезапно возникли проблемы, которые нужно было срочно решать.

После праздников я увидел в ней какую-то перемену, но не придал этому большого значения. На мой вопрос, что случилось, она ответила, что в семейной жизни мамы проблемы и со мной обсуждать это не хочет. Я не стал мучить любимую лишними расспросами.

А на работе тем временем, одна проверка сменяла другую. Как только я подключал нужных людей, и давал денег, решая ставшую на пустом месте проблему, возникала другая. Каждую неделю нас посещали разные инстанции.

Все силы я отдавал спасению бизнеса и не заметил, как потихоньку Алена отдалилась. Теперь в течение дня она не забрасывала меня сообщениями «люблю», «хочу», «скучаю», а во время телефонных разговоров все больше ссылалась на занятость и плохое самочувствие.

Калейдоскоп проблем дополнился еще одним нерадостным событием – меня вызвали в районную прокуратуру к за-

местителю начальника по фамилии Михалев. Мало кто может обрадоваться такому приглашению. В назначенный день и час я явился в орган для надзора за соблюдением законов и законности. С дежурной улыбкой хозяин скупо обставленного кабинета пригласил меня присесть. Это был красивый мужчина лет сорока с ухоженными черными волосами. Спортивное телосложение и легкий румянец на щеках говорили о здоровом образе жизни и возможно безмятежном сне. Обычно я имел дело с опухшими физиономиями проверяющих, в большинстве своем ежедневно потребляющих.

Первые минуты он просто сверлил меня своими красивыми глазами. Мне казалось, еще чуть-чуть и он скажет, как гаишник: «Ну что нарушаем?».

– Как работа Георгий Иванович? – начал он издалека.

– Все нормально, простите, не знаю, как Вас по имени, отчеству.

Он протянул мне свою визитку. Я прочитал «Михалев Александр Александрович»

– Как там, на транспортном фронте? Скоро тендер? Выиграете?

– Вы прекрасно осведомлены, Александр Александрович. Думаю, все будет хорошо – ответил, придавая голосу нотки твердости и уверенности.

На столе зазвонил старый телефон с советским гербом на диске.

– Ну вы если, что обращайтесь, телефон вы мой теперь

знаете. А сейчас извините у меня дела, – как-то вдруг странно он закончил наш разговор.

Выйдя из кабинета, я терялся в догадках, зачем он меня приглашал к себе. Все это было похоже на какие-то смотрины.

Не успел я сесть в машину, и двинутся в сторону офиса, зазвонил мобильный:

– Гера, срочно закрывай сейф и уезжай с работы. К вам едет ОБЭП с ревизором – прозвучал знакомый встревоженный голос.

– Что-то серьезное?

В ответ короткие гудки. Это звонил Майкл. Настоящее имя моего фискального друга было Михаил Хваталин, но он предпочитал, чтоб его называли на английский манер. Майкл курировал наше предприятие по линии налоговой. Я прибавил скорости и помчался в офис. По дороге позвонил заму и предупредил об очередной проверке. Когда я прибыл на предприятие, сейф был закрыт, бухгалтер отправлен домой, а зам ждал меня у входа.

– Начальник! Что за дела? – произнес он.

– Хрен его знает, позвонил Миша, сказал к нам едут с проверкой. А если Миша «на измене» то дело серьезное. Я пытался ему перезвонить, но он не берет трубку. Давай дуй к ментам и постарайся хоть что-нибудь узнать. ОБЭП это уже серьезно! А я поеду к «учредосам».

Мы разъехались в разные стороны. Через час позвонил

диспетчер и сообщил, что у нас началась проверка, добавив шепотом, что «обэповцы» взяли журналы выезда и требуют директора с главным бухгалтером.

Нужно было срочно искать «откуда растут ноги». Но не может быть случайностью – в течение месяца четыре проверки разных инстанций, а в конце еще и ОБЭП.

Вызывал удивление и тот факт, что проверки начались за месяц до муниципального тендера. Можно было предположить, что эти неприятности организовали «братья по цеху». Но в этом бизнесе работает всего десяток предприятий. Все друг друга знают, никто никому не мешает, а рынок перевозок давно поделен.

Из головы не выходил, мой странный визит к заместителю прокурора. Может это он создал нам неприятности, чтоб затем успешно их решить? Но зачем ему это надо? В таком ведомстве дел и денег хватает!

Главный учредитель нашей компании, выслушал меня и пообещал все выяснить.

– А что мне сейчас делать? – негодовал я.

– Тяни резину и успокойся, – посоветовал седовласый босс.

Хорошо ему говорить «тяни резину», если что спросят с меня, а его фамилия даже в учредительных документах не значится.

На следующий день я пришел на работу и застал проверяющих в обществе главного бухгалтера у открытого сейфа.

Оказывается, обэповцы нашли телефон главбуха, позвонили, рассказали о перспективах, пригрозили тюрьмой. Истошно крича: «Не губите, у меня дети!» бухгалтер прилетела на работу спасать свою задницу, не думая о последствиях. Сначала она открыла сейф и принялась все подписывать не читая. Затем вместе с учредительными документами, показала папку с «черной» кассой.

Через двадцать минут беглого осмотра этих бумаг, главный обэповец сообщил мне, что уже на ст.158 п.4 УК РФ (хищение в особо крупных размерах) они нарыли. А это – лишение свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей. Хотелось сказать какую-нибудь киношную банальность типа – «не бери на понт мусор», но вместе с обэповцами приехал опытный ревизор, который мог сложить два плюс два. А если учесть, что напуганная бухгалтер показала неучтенные доходы – мне становилось не по себе.

Приехал зам. Вывел меня в коридор и сообщил, что узнал. – Короче, через людей пробил, что кто-то хочет создать нам проблемы, – начал он фразой из дешевого сериального боевика.

– Ну это и так понятно. Кто это? Что хочет? Сколько денег? – перебил я.

– В том-то вся и проблема, никто не знает, кто это! Я разговаривал с одним из транспортной инспекции, он говорит: «Позвонили начальству, попросили уделить особое внима-

ние нашему предприятию». Всё!

– Не густо. Ладно, пойду завтра к начальнику ОБЭПа, может что-то выяснится.

Я вернулся в кабинет, и попросил у проверяющих координаты их руководства.

После бессонной ночи проведенной в обществе бутылки, со страшной головной болью я поехал в ОБЭП к начальнику по фамилии Шрамов. Это был бравого вида крепкий мужчина с короткой армейской стрижкой, в кипельно белой сорочке, обтягивающей небольшой живот. Поверх рубашки была одета плечевая кобура, однако пистолета под мышкой не было. На стене висели портреты террористов. Те, кого уже поймали, помечались крестом. Складывалось впечатление, что борьбу с экономическими преступлениями ведет лично начальник, причем с помощью табельного оружия, попутно ловя террористов.

Еще в «девяностые», занимаясь видеопиратством, я отметил, что «обэповцы» разительно отличаются от общей массы милиционеров. Это особая каста. Они по-другому говорят, одеваются, пахнут. Строгое, но вместе с тем, сладко-маслянистое, выражение лица показывает непричастность к общей грязи, в которой копошатся рядовые работники милиции (тогда полиция еще была милицией). Общаясь только с коммерсантами и их деньгами, у них сформировалась специфическая манера поведения, которая сразу бросалась в глаза.

Я представился и дал свою визитку.

– А, Георгий Иванович? Сейчас мы проводим плановую проверку вашего предприятия. Согласно постановления № 64, раз в три года мы имеем право осуществлять полную проверку вашей деятельности совместно с ревизором, – как по бумажке отчеканил он, сразу отвечая на мои возможные вопросы, – у Вас есть какие-нибудь претензии по работе нашей проверки?

– Нет, я всем совершенно доволен, – безрадостно ответил я.

– Еще вопросы? – сказал он, показывая всем видом, что мое время истекло.

– Наверно нет, – сказал я и чуть помедлив, вышел из кабинета.

Какие надо сказать стали правильные и законопослушные работники ОБЭПа. Никаких намеков на финансовую помощь. Никаких предложений решить проблему. Видимо дело гораздо серьезнее, чем я думал.

Я еще раз попытался набрать Майкла, который второй день не отвечал на мои звонки.

– Але, – раздался спасительный голос, – Гера, давай через полчаса на нашем месте.

– Хорошо.

Миша занимал «хорошую» должность в «налоговой». Благодаря дяде, который работал начальником одной из областных тюрем, он имел знакомых во всех ведомствах. Уди-

вительным образом у него получалось узнавать обо всех новостях в нашем городе одним из первых. Мише было тридцать. В одежде он был педант. На нем всегда был дорогой костюм, натертые до блеска туфли и белая рубашка. Галстуки он принципиально не носил. Ездил только на «мерседесах» меняя их каждый год. У него было два увлечения – фильмы про войну и одноразовые связи с женщинами. Причем, если ленты о Великой Отечественной, он смотрел все подряд и помногу раз, то вот с женским полом все было иначе. Два раза с одной и той же женщиной он никогда не спал. У него был какой-то пунктик. Пока он не залез в постель, он мог встречаться с девушкой и неделю, и две. Но, как только наступала физическая близость, в голове его звучал колокольчик, чип обнулялся, и он мгновенно терял к объекту интерес. Какая бы не была страстная и красивая женщина, результат был одним и тем же. Я никогда не понимал в отношениях «одноразовость». Ведь во время первой близости, ни мужчина, ни женщина не могут сразу раскрыться. Чтобы достичь гармонии в отношениях, нужно время. Нужно притереться, узнать поближе человека. Майкл видимо, так далеко не копал, и что-то другое волновало его плоть. Может быть новизна? Ведь первое прикосновение, первый поцелуй имеет необыкновенный вкус. Потом со временем яркость ощущение теряется.

Познакомились мы шесть лет назад на Кипре. Стали дружить. С тех пор он мне помогал в работе за небольшое еже-

месячное вознаграждение.

Ровно через полчаса мы встретились в кофейне напротив здания, где работал Миша.

– Ну слушай, короче, кто-то хочет, чтоб у Вас были неприятности. Кто именно, я не знаю. В ОБЭП позвонили с самого верха с конкретной формулировкой прижать наше предприятие «по-полной».

Я опять поймал себя на мысли, что мои знакомые оперируют фразами из третьесортного боевика, где сценарист не мучается над диалогами героев.

– Майкл! Все это понятно, но зачем? Я был в ОБЭПе, там хоть бы намекнули про деньги!? Говорят, работаем по инструкции. Плановая проверка. Причем ни слухом ни духом не указали на дверь где можно решить эту проблему. А майор, который копается в наших документах, вообще пообещал мне до десяти лет лишения свободы и штраф в «лимон». Миш, дорогой, узнай пожалуйста, что за хрень. А то ведь меня и посадить могут. Мне нельзя в тюрьму, у меня больной желудок. Да и потом в моих планах еще мир посмотреть и ребенка родить.

– А что твои «учредосы» говорят? – поинтересовался Майкл.

– Ничего не говорят. Тяни резину, говорят.

– Хреново, ну ладно, я если что выясню, позвоню.

– Да еще, если можешь узнай, кто такой Михалев? Он в прокуратуре работает. Есть ли у него интересы в транспорте?

А то на днях он вызывал к себе, посмотрел на меня и дал визитку.

– И все?

– Все!

– Странно. Ладно, постараюсь узнать. С тебя магарыч.

– Майкл, ты же знаешь. Не вопрос!

Проверка на предприятии закончилась. Ревизору хватило четыре дня, чтоб получить полную информацию о наших доходах, расходах и налогах. В последний день мне подсунули акт проверки, но я его подписывать отказался.

Не зная, что нужно делать дальше я опять поехал к своему непосредственному начальнику.

В офисе его не оказалось. Секретарша сказала, что скорее всего он «на встрече в ресторане».

Как все настоящие боссы Николай Александрович (так звали «смотрящего» за нашим предприятием) хотел выглядеть, как «*gusso mafioso*» и естественно обедал в грузинском ресторане. Я поехал в «Иверию» где застал его в обществе сына, за большим круглым столом усыпанным мясом и зеленью. Жующее начальство кивком пригласило меня за стол, показывая расположение и покровительство. Я сел на край стула. Запив сочный «люля» красным вином, босс обратился ко мне.

– Ну что там с проверкой?

– Закончили – ответил я. – Что будем делать? Мне кажется, все закончится очень плохо.

Моя фраза не произвела на патрона должного впечатления, и он занялся намазыванием красной икры на крошечный кусок промасленного хлеба. Миниатюрный бутерброд никак не вмещал большое количество краснорыбного деликатеса. Икра сваливалась с краев, и это очень расстраивало босса. Он сопел и сердился. В конце концов, получилась нужная горка, и он быстро забросил вкусность в рот, запив рюмкой дагестанского коньяка, предусмотрительно подготовленной сыном. Отпрыск босса с первого дня невзлюбил меня, считая, что я занимаю его место и сейчас он, молча жевал, изредка поглядывая на меня, видимо в душе радуясь моим неприятностям. Прополоснув рот минералкой, начальство вернулось к «моим» проблемам.

– Ты, Георгий, директор паники, – произнес голосом Марлона Брандо, серый кардинал нашего бизнеса, – ничего страшного пока не произошло. Мы работаем над этим вопросом. Не переживай.

– Просто время идет, и если они возбудят уголовное дело о хищении в особо крупном, закрыть его будет очень сложно! – аргументировал я.

– Никто ничего возбудит! Им просто нужны деньги, но деньги мы им не дадим! Правильно Миша? – произнес Николай Александрович, обращаясь к сыну.

Наследника очень развеселила отцовская мудрость, и он громко засмеялся, приводя меня в бешенство. Затем босс повернулся ко мне и произнес:

– Не дрейфь Кирсанов! Я позвоню людям. Есть-пить будешь?

– Нет, спасибо, – ответил я, и быстро направился к выходу.

Официально учредителем нашего предприятия был какой-то «левый» родственник одного из хозяев. Я видел его один раз и то издали. Возможно, он даже не знал о масштабах нашего бизнеса. Реально владельцев предприятия было трое, но я общался только с Николаем Александровичем. Остальные были «слуги народа» и желания «светиться» лишний раз у них не было. А значит, помощи от них ждать тоже не стоило. По законодательству, за все, что творится на предприятии, отвечает генеральный директор. Учредители никакой ответственности не несут. Николай Александрович это прекрасно знал, и поэтому особо не суетился. Несмотря на то, что все вырученные деньги я относил ему, он постоянно акцентировал на том, что не являлся совладельцем нашей компании и просто «помогает людям».

После разговора с боссом я сделал вывод, что решать все проблемы придется мне.

Глава 8. Влиятельный человек

Наверное, у каждого человека есть в запасе вариант, который можно использовать лишь один раз в жизни. Был и у меня такой. Я долго берег и не разыгрывал эту козырную карту до особого случая, но когда дело запахло тюрьмой, решил, что хуже уже не будет!

Несколько лет назад я оказал услугу сыну бывшего крупного областного чиновника. Он предлагал мне денег, но я отказался. В качестве благодарности попросил познакомиться с папой. Сын выполнил мою просьбу. С тех пор у меня был «друг», который дружил с губернатором. Каждый праздник я приезжал к нему с дорогим подарком, поздравлял и никогда ничего не просил. Хотелось верить, что обратись я к нему, мне помогут или, по крайней мере, подскажут что делать.

У меня было всего несколько дней до момента, пока документам по проверке дадут ход. Помощи от учредителей не предвиделось. Уж не знаю, что они думали. Может Николай Александрович никому ничего не сказал и решил, что все само собой «рассосется»? А может действительно искал варианты решения проблемы. Но время шло, часы тикали! Нужно было срочно принимать меры по спасению собственной задницы!

Я позвонил сыну «влиятельного человека» и попросил об

экстренном randevу с папой. Не задавая лишних вопросов, мне назначили встречу.

В отличие от отца, сын «влиятельного человека», которого звали Паша, рвался стать крутым коммерсантом. Не смотря на то, что он состоял на госслужбе, его все время тянуло в сторону. С таким отцом можно было спокойно жить, не думая о дне завтрашнем, но Паша был полон сил и энергии. Идеи из него так и сыпались. Не закончив одно дело, он рьяно хватался за другое. Отец спокойно смотрел на кипучую деятельность сына, и пока его проекты не превышали сто тысяч «зеленых» старался помогать любимому чаду в любом из начинаний.

В назначенное время я приехал на стрельбище, где отдыхал «влиятельный человек». Даже если бы у кого-то возникло желание записать наш разговор, вряд ли это получилось бы. Со всех сторон звучали оглушающие хлопки, и никакая современная техника не смогла бы справиться с этим грохотом.

Стрельбище находилось за городом. Зеленая не стриженная трава, путалась под ногами и удивительно благоухала забытой с детских времен свежестью. После уличной выхлопной вони я не мог напиться загородного кислородного великолепия. «Будут деньги, обязательно куплю дом в пригороде» – почему-то совсем не к месту подумал я.

Папа Паши видимо уже отстрелял свою норму и спокойно восседал на плетеном кресле, потягивая минеральную во-

дичку. Охранник, находившийся неподалёку от своего босса, скучая топтался, как богатырский конь, оставшийся без богатыря и ратных дел. Увидев меня, он ободрился. Хрустнул шеей и, сдвинув брови, строго спросил:

– Куда? Зачем?

«Стрелять, гулять» хотел пошутить я, но вовремя одумался и членораздельно произнес:

– Мне назначено.

Охранник, оглянулся. Видя одобрительный кивок хозяйна, на всякий случай стукнул огромными ручищами по моим карманам. Не найдя у меня ничего запретного, попросил сдать мобильный. Я повиновался.

– Привет Георгий, Пашка сказал, у тебя есть разговор ко мне? – радушно встретил меня «влиятельный человек» и чуть приподнявшись, потянул мне руку.

– Да. Не хочу ходить вокруг да около и отнимать у Вас время. Мне нужна ваша помощь – сказал я твердым, насколько это было возможно, голосом.

– Ну давай, излагай.

– Не знаю в чем дело, но кто-то нас душит. Одна проверка сменяет другую. Сейчас закончил ОБЭП, обещают посадить, – сказал я почувствовав, что силы меня покидают.

Казалось от волнения, я вот вот потеряю сознание.

– Ты не нервничай, присаживайся, а то побелел весь. А что кураторы ваши? У вас же вроде там какие-то подтяжки есть!?

– Все разбежались в разные стороны, я остался один! И денег не берут! Что делать ума не приложу.

Наверно если бы я стал юлить и что-то придумывать, «влиятельный человек» поступил бы по-другому, но видя мою искренность и отчаяние, он произнес:

– Ладно, я позвоню. Какой район и как фамилия начальника ОБЭПа?

– «Советский», Шрамов.

– Не кисни Георгий, все решим! Бутылку поставишь? – пошутил человек, которому люди, чтоб решить вопросы, наверное чемоданами деньги несли.

– Да конечно все, что скажете.

У моего благодетеля зазвонил телефон. Я решил не злоупотреблять его временем, откланялся и быстро ушел.

Пальба на стрельбище прекратилась. Наступила тишина, которую изредка прерывали какие-то стрекотания. Я вдохнул загородного кислорода и окрыленный радостью, что может быть, мои неприятности скоро закончатся, набрал Алену. Подождал минуту, но она не ответила. Увы, любимая была чем-то или кем-то занята.

Через час позвонил Майкл:

– Гер, привет! Короче я немного узнал про Михалева. У него есть «хорошие» связи, в том числе «хороший» родственник в Москве. Никто с ним разговаривать не хочет. Говорят, крыса еще та. Корчит из себя законника. Ну что вы там решаете? Или будем просить дядю, чтоб хорошую кичу

тебе подыскал?

– Шутки у тебя дурацкие. Решаем, решаем, – ответил я безрадостно.

Настроение почему-то сразу испортилось.

* * *

Прошли сутки. Долгожданных новостей не было. В конце дня позвонили из ОБЭПа и сообщили, что утром меня хочет видеть их начальник.

Видимо «влиятельный человек» не смог, а может не захотел нам помочь! В таких вопросах много тонкостей. Есть какие-то интересы, какие-то люди, «крыши». Кто-то с кем-то пересекается по бизнесу. А если учесть, что наше предприятие никогда никому ничего не платило, полагаясь на влиятельных учредителей, то о какой помощи можно говорить?

Отчаяние накатывалось все сильнее и сильнее. Ну вот и всё! Как говорил один герой: «Учения я не создал, учеников разогнал. После себя оставить нечего!».

А чего я собственно хотел? Обэповца с хризантемой в зубах? За все нужно платить. Вот у меня одноклассник, всю жизнь работает простым рабочим на заводе. Никаких лишних денег, но и никаких проблем. Стабильность! А хочешь красивой сытой жизни готовься к неприятностям, они рано или поздно тебя настигнут. Многие думают, что, получая деньги, ты обретаешь свободу, в том числе финансовую. Нет,

ты обретаешь тюрьму, из которой очень сложно выбраться!

Я рос в бедной семье. С детства хотелось большего и лучшего! Хотелось две котлеты, а не одну, хотелось чешские кроссовки, а не вьетнамские кеды, ну а мопед «Рига 16» был пределом мечтаний! Поэтому я всегда искал способ заработать. Причем в советские годы, да и в годы перестройки, легальных способов заработка было не так много. Чтобы купить себе первые джинсы, я крал яблоки в заводском саду и сдавал в винсовхоз по 10 копеек за килограмм. А в студенческие годы играл по свадьбам, чтобы скопить на хорошую гитару. Вроде безобидные вещи, но все это можно было классифицировать, как «незаконное предпринимательство». Наступили девяностые, бизнес легализовался, но мой первый опыт «быстрых денег» закончился проблемами – на меня «конкретно» наехали кавказцы. Джигиты быстро убедили меня, что я не прав, так что пришлось отдать все, что заработал и еще «сверху», но я не остановился. Дальше, больше или как говорят англичане: «The more the merrier». До тридцати лет я стал участником двух уголовных дел по статье «мошенничество». Но во всех случаях, мне удавалось чудесным образом «выходить сухим из воды» с небольшими финансовыми потерями. Казалось, после таких приключений нужно было бы одуматься и пересмотреть жизненные ориентиры. Но нет! Ни разборки, ни суды, меня не остановили. Я продолжил путь коммерсанта и теперь, очередной раз, стою на пороге тюрьмы.

Счастлив ли я от того, что у меня есть красивая женщина, красивая машина, красивая жизнь? Нет! Кстати о женщине! Я поймал себя на мысли о том, что за последнее время мы практически не виделись с Аленой. Почему она не пишет, не звонит? Почему не беспокоится? Набрал ее номер. Ответила не сразу. На фоне оглушительной музыки, она прокричала, что сейчас с партнерами обмывают контракт и выключила трубку. Какой контракт? Какие партнеры? Она же вроде говорила, что у нее какие-то большие неприятности? Или я что-то путаю? Или это были мои неприятности? Расстроится, не было сил. В «визитнице» стал искать контакты знакомых адвокатов. Завтра они могут понадобиться. Воображение нарисовало картину, как завтра меня арестовывают, прям в кабинете начальника ОБЭПа. Надевают наручники, предъявляют ордер, зачитывают права. Нет, лучше об этом не думать. Ночь практически не спал, но и не пил. Решил, что завтра трезвая голова мне просто необходима.

В ОБЭП одевался как на свадьбу, правда непонятно зачем. Белая рубашка, дорогой галстук, лучший костюм. Застёгивая ремень обнаружилось, что я немного похудел от этих передраг!

Машину не брал. Поехал на такси. Решил, что могут арестовать не только меня, но и мой любимый мерседес. Хотя если будет конфискация этого всё равно этого не избежать.

Шрамов встретил по-дружески. Пожал руку, справился о здоровье. Дальше произошло то, к чему я меньше всего был

готов. Начальник ОБЭПа взял со стола бумагу и торжественно зачитал: «В период с 15 июля по 1 августа 2004 года, районным отделом ОБЭП по Советскому району, проведена проверка..... Фактов нарушения ведения отчетности и налогообложения не выявлено. Следующая плановая проверка может быть проведена не ранее, чем через три года».

– Поздравляю Вас Георгий Иванович, ознакомьтесь и распишитесь, – произнес Шрамов с синтетической радостью.

В этот момент я так переволновался, что не сразу понял, что произошло. Пока читался документ-приговор, все моё внимание почему-то было обращено к таблице с террористами за спиной начальника ОБЭПа. Мне показалось, что с момента нашей последней встречи еще один главарь бандформирования был перечеркнут свежим красным крестом. «Надо же! Наверно убили или уже сидит! Как быстро время летит!» – пришла в голову ненужная мысль. Вернулся я к действительности только тогда, когда Шрамов произнёс: «Герман Иванович, ознакомьтесь и распишитесь!». Тут я взял документ и бегом прочитал спасительную формулировку. Тюрьма откладывается? Видимо да! Не показывая радости, хотя это было очень трудно сделать, я подписал документ, пожал руку Шрамову и направился к выходу. По лестнице практически бежал, боясь, что кто-то вдруг передумает. На улице вдохнул полной грудью. Городской смрад показался свежим лесным воздухом. Вот он, запах свободы! Мир опять в красках, жизнь продолжается.

Жуткий груз упал с моих плеч. Куда бежать, за что хвататься?

Зазвонил телефон.

– Это Паша. Ну что все нормально? Подробности надо?

– Конечно. Давай встретимся в центре, в чайхане на Пушкинской.

Через час я уже знал, как развивались события. Оказывается, инициатива проверок исходила из прокуратуры, от господина Михалева. Правда мотивация его действий и поступков была не совсем ясна.

Имелась информация, что он в приватной беседе намекнул начальнику ОБЭПа о том, что на его «земле» находятся злостные нарушители. Шрамов видя прокурорский интерес, моментально организовал проверку нашего предприятия. После того, как в руках проверяющих оказалась «черная касса», «сверху» поступила вводная довести дело до суда. Так что до этого момента события развивались далеко не в мою сторону.

На следующий день после моего разговора с отцом Паши его люди позвонили Шрамову, но тот сказал, что ничем помочь не может и посоветовал обратиться в прокуратуру. Тогда «влиятельный человек» лично позвонил Михалеву и попросил оставить в покое наше предприятие, мотивируя тем, что «в доле» его сын. Но молодой зам прокурора, даже слушать его не захотел. Почему Михалев так вел себя загадка. Вряд ли он не знал бывшего главу крупного областного де-

партамента. А может, посчитал, что у почетных пенсионеров нет рычагов и полномочий. Создавшаяся ситуация играла мне на руку. Уж не знаю, как бы развивались события, но при таком раскладе для «влиятельного человека» это уже был вопрос личного неуважения. Он был обязан наказать молодого невежу. Оказывается, решить эту проблему было не так просто. У нашего недоброжелателя оказались высокие покровители в Москве. Говорили, что его отец «ручкается» с первыми лицами государства. Но Москва далеко, а непосредственное начальство зам прокурора района было здесь. На него и вышел отец Паши. Уж не знаю, чего это ему стоило, но я отделался небольшой суммой на новый бизнес проект Паши.

В этот день я решил, что все проблемы закончились, хотя на самом деле, все только начиналось.

Опять зазвонил телефон, номер не определился.

– Это я, все выяснил, тебя конкретно заказал Михалев, Гера берегись! – голос Майкла был тревожнее обычного.

– Миш, вроде все «порешали». Спасибо за помощь, – ответил я спокойно.

– И еще, ты знаешь, что твоя Алена, – тут он сделал паузу – как у тебя сейчас с ней? А ладно, сами разбирайтесь.

Честно говоря, тогда я не придал значения этой фразе, и лишь позже выяснилось, что вездесущий Майкл знал все, но не решился мне сказать.

– С Аленой вроде все нормально. Пока!

– Пока!

Встреча со «смотрящим» учредителем нашей компании была прогнозируема. Босс сообщил, что и так бы сам все решил без моих «подтяжек», а я «директор паники». Конечно, когда был наезд, никто не мог ничего сделать! Мне каждый день говорили «тяни резину», а теперь, когда проблемы исчезли: «Мы бы сами порешали». Но меня этот разговор не расстроил, хотя если честно, я ожидал оваций, денег и медаль за спасение предприятия!

Наступил вечер. Позвонил Алене, в ответ тишина. Вспомнил, что сегодня четверг, значит она на фитнесе!

Решил сделать сюрприз – встретить после тренировки. Через полчаса, в благодушном расположении духа, с букетом цветов, я сидел на лавочке неподалеку от входа в спорт-клуб. Как обычно, в 20.30 моя благоверная вышла из дверей спорт-клуба и почему-то быстро направилась в сторону проспекта, где ее ждала машина. Я был недалеко, но не успел окликнуть ее. Она рысью поскакала и буквально запрыгнула в авто, поцеловав водителя. Через секунду автомобиль рванулся с места, но я успел рассмотреть лицо водителя. Пару минут я терялся в догадках. Ну где я мог его видеть? В памяти промелькнули лица и события последних дней. И тут меня осенило! В голове потеплело и зашумело. Александр Александрович Михалев! Вот кто сидел за рулем!

Глава 9. Удар в спину

На севере Вьетнама, когда встречаются два друга, которые давно не виделись, один всегда спрашивает другого: «Как жизнь, как работа, как предательство (в смысле измена)?». Это немножко грубый и дословный перевод, но главная мысль такова – азиаты всегда допускают предательство женщины.

Женщины не раз предавали меня, но ни одну из них я так не любил как Алену.

Вернувшись домой, я залез под одеяло в полной уверенности, что спрятался от всего мира и, включив «в уши» слезливую музыку, заплакал в обнимку с бутылкой. С женой мы уже давно спали в разных комнатах и поэтому моих соплей она не видела. Временами я ненадолго затихал, проваливаясь в какое-то забытьё, но обида вновь комом подходила к горлу, и горячие слезы струились по щекам. Последние события совсем расстроили мою психику. Мне нужно было выплакаться, чтоб хоть немного успокоиться и прийти в себя.

Но успокаиваться не получалось. С каждым глотком алкоголя я загонял себя в душевный тупик. Жизнь теряла смысл ежеминутно! Что делать дальше? Зачем мне деньги, зачем работа? Зачем мне вообще нужна жизнь, если в ней нет Алены? Проспиртованный мозг придумывал какие-то версии, какое-то оправдание для измены любимой. Увы, я слишком

хорошо знал эту девушку. Если она чего-то не хотела, ее невозможно было заставить! Видимо правда, что «любовь живет три года»! А Михалев, какое ничтожество! Использовать служебное положение, чтоб расправиться со мной!?

Забрезжил рассвет! Не разделяя моего горя, за окном радостно щебетали птички. Наступал новый день, который не предвещал ничего хорошего!

Впереди был нелегкий разговор с Аленой. В принципе, я для себя уже все решил. Мы должны были расстаться! Измены я никому никогда не прощал. Всегда удивлялся мужчинам, которые давали второй шанс своим женщинам. Увы, так устроен человек – если он предал один раз, то второе предательство лишь вопрос времени.

В восемь часов утра, выплакав все слезы и допив вторую бутылку, ко мне пришла твердость и уверенность. Я набрал телефон Алены. На третий гудок она ответила.

– Привет, – бодрее обычного произнесла моя любовь.

– Я все знаю, – начал я, сразу перейдя к сути вопроса.

– В смысле? Что именно? – заметалась Алена, – Ты о чем?

Как твои проблемы? Ты всё решил?

– Я все знаю про тебя и про Михалева.

В воздухе повисла тяжелая пауза. О том, что творилось в голове Алены можно только догадываться. Скорее всего, она прикидывала, что именно и как я мог узнать об их романе.

– Кто? Михалев? Он просто помогает мне. Гер, у меня там такие проблемы на работе. Ты не представляешь! А вообще,

ты лучший на свете мужчина. Кто может с тобой сравниться?

– Я все знаю про тебя и Михалева! – повторил я.

– Ну и что ты знаешь? Там практически ничего не было, – не сдавалась загнанная в угол изменница.

В принципе, делать выводы из того, что кто-то ее подвез, или кого-то она поцеловала в щечку, было глупо. Но события последних недель, даже при поверхностном анализе наводили на мысль об измене. Алена просто пропала из моей жизни. Ей было не до меня. Она была постоянно чем-то занята. То у нее появились проблемы на работе, то возникли неприятности у мамы. А последний раз, она отказалась от встречи, просто сославшись на плохое самочувствие. На фоне возникших неприятностей я не вникал, что именно происходит, но теперь пазл сложился в единую ужасающую картинку. Возможно она не знала, того что делает Михалев с нашим предприятием, но ее измену это не оправдывало.

– Я все знаю про тебя и Михалева, – очередной раз произнес я.

Конечно, нельзя было обвинять Алenu в неверности основываясь на каких-то домыслах. Никто не отменял презумпцию невиновности. Нужны были железобетонные доказательства. Глубоко внутри я сомневался и до последнего момента не верил в то, что это произошло. Мне очень хотелось, чтоб Алена убедила меня в том, что нет никакой измены, и она по-прежнему любит меня! Но вдруг Алена сломалась и почему-то призналась:

– Я так и знала! Я так и знала, что ты все узнаешь! – не радостно начала она – Понимаешь, так сложились обстоятельства, да и потом я поняла, что.....!

Однажды мы с Аленой договорились, что если кто-то кого-то встретит и полюбит, то обязательно расскажет другому. Такую чушь наверно обещают все, впрочем, никто никогда своих обещаний не выполняет. Моя любимая девушка исключением не стала.

Алена все еще «несла» какую-то банальщину про вазу, которая разбилась и про отношения которые себя исчерпали, но я её уже не слушал. Всё! Это конец!

– Давай с тобой договоримся, больше никогда не беспокоить друг друга – сказал я перебив тираду Алены.

– Хорошо, – покорно пообещала моя бывшая любовь.

– Прощай, – закончил я и повесил трубку.

Глава 10. «Я буду жаловаться Берлускони!»

Если трезво взглянуть назад, и «разложить все по полочкам», то можно быстро прийти к выводу, что наши отношения с Аленой были обречены.

С первых дней я, как токующий глухарь в брачный период, утратил чуткость и бдительность. Алена настолько увлекла меня, что я перестал реально оценивать ситуацию и отдавать себе отчет в том, что делаю, и что делается со мной. Лишь спустя время, пришло осознание того, что соединяет нас только тщеславие и животная страсть. Почему тщеславие? Потому что тщеславие – это желание выглядеть красиво в глазах других. Алене льстило, что за ней прилюдно роскошно ухаживают, я был на «седьмом небе», от обладания молодым красивым телом! Издалека мы производили впечатление счастливой пары, но по мере приближения и детального рассмотрения нашего «счастья», можно было увидеть серьезные противоречия. Проблемы возникали при каждой встрече, по любому поводу, но сознаваться в этом никто не хотел! Мы искусно обманывали и себя и окружающих! Почему так получалось? В первую очередь потому, что встречи были не долгими. Разбираться, кого, что не устраивает, просто не было времени и желания. Хотелось макси-

мально насладиться обществом, точнее сказать, телом друг друга, закрывая на все глаза! И только поездки показывали настоящую картину наших взаимоотношений! Выезжая за границу на семь, а то и на десять дней становилось понятно, что у нас, не все так замечательно, как нам хотелось бы.

Первый «звоночек» прозвучал в Италии. Желая очередной раз произвести впечатление на Алену, я предложил посетить осеннюю Венецию. Это было наше первое совместное заграничное путешествие. В отличие от прошлого моего предложения посетить Италию, «мама была не против»!

Поехали мы, как простые туристы с группой соотечественников. В день прибытия с нашей группой случилась занятная история. Принимающая сторона, решив сэкономить, наняла недорогой автобус с провинциальным водителем, который не знал Римини. Такое случается и в наше время, но на дворе был 2004 год. Русские туристы только только поехали в Европу. В отличие от педантичных немцев, которые в контрактах прописывают даже предполагаемый вид из окна отеля, с нами никто сильно не церемонился и пытался нажиться при любом удобном случае. Так произошло и с нашим автобусом. Водитель плохо ориентировался и поэтому вместо того, чтоб быстро развести нашу группу по четырем отелям, кружил по городу. На русском гиде тоже сэкономили. Молодая малознающая девушка первый раз встречала туристов и полностью полагалась на итальянского водителя. Все бы ничего, но в Римини, как в любом маленьком ита-

льянском городке очень много узеньких улиц с односторонним движением. Один раз не там свернул и нужно совершать огромный круг, чтоб вернуться «на исходное». Все усугублялось тем, что поиски наших отелей велись ночью, а «навигаторов» в то время не было! Первое время езда кругами нас веселила, но когда наш автобус за полтора часа третий раз приехал к центральному въезду в город, народ начал возмущаться. Гид не знала как себя вести. Она постоянно оправдывалась и обещала: «Ещё чуть-чуть и все будут доставлены в отели». Прошло ещё «чуть-чуть», но ситуация не менялась. Злые, трезвеющие, голодные туристы начинали бунт, а он, как известно «бессмысленный и беспощадный». Надо было что-то делать! Головная боль и желание похмелиться толкали меня на подвиги. Несмотря на протесты Алены, я решил вмешаться в создавшуюся ситуацию. Чтобы успокоить людей, надо было вначале их накормить и напоить. Но при посадке в автобус нам строго настрого запретили есть и пить, обещая ужин в отеле. Ужин мы уже пропустили, да и отеля было не видать. Значит, юридически руки у нас были развязаны.

– Товарищи, – обратился я соотечественникам, – мы попали в неприятную историю. Никто не знает, когда мы прибудем в свои отели! Водитель дороги не знает, а мне очень хочется есть и пить, но пить сильнее! Предлагаю поужинать!

– Но гид сказала, что есть в автобусе нельзя! – раздался писклявый голос с последних рядов!

– Друзья мои, пейте, ешьте! Делайте что хотите! Ситуация изменилась! Итальянская сторона пока не выполняет свои обязательства, почему мы должны выполнять их требования?

Видя, что гид молчит и не перечит моим инициативам, народ робко зашуршал пакетами и забулькал напитками. Через десять минут автобус превратился в кабак на колесах. Пассажиры открыто ели и пили алкогольные напитки, роняя на пол остатки пищи. Кто-то в порыве вседозволенности даже закурил в открытое окошко. Как только алкоголь развязал языки, осмелевшие граждане стали угрожать принимающей стороне судебными расправами, а самый смелый представитель нашего сообщества истошно заорал: «Я буду жаловаться Берлускони!».

– Видишь что ты наделал? – возмутилась Алена.

– Зато посмотри, они счастливы.

Пассажирам действительно уже было все равно куда мы едем и когда приедем. Они галдели, пили и ели, не стесняясь своей «свинячисти».

Алена всегда была ярким противником алкоголя, правда до момента пока не выпивала сама. Я предложил ей «употребить», чтоб не выделяться из общей массы, тем более что соседи сзади давно предлагали «поддержать компанию». Она долго сопротивлялась, но видя, что уже не понимает ни одной шутки, решила, что небольшое количество горячительного напитка ей не повредит. После порции текилы, налитой

в одноразовый стаканчик, моя спутница не только подобрела, но и нашла выход из создавшейся ситуации.

– А что если позвонить в отель и сообщить, что мы заблудились? Тогда нам вышлют кого-нибудь на встречу? – предложила Алена.

– Вот что значит работник турбизнеса! – восхитился я.

Мы донесли эту мысль девушке-гиду, которая в свою очередь перевела наше «рацпредложение» водителю. Через пятнадцать минут на центральной улице нас встретил велосипедист, который указал путь. Отели оказались невдалеке, причем находились практически на одной улице. Выходя из автобуса, я оглянулся и ужаснулся. Что могут сделать люди, если им позволить всё!? Автобус был буквально загажен. Разлитое вино, пустые бутылки, чипсы на полу, повсюду табачный смрад и мусор. Мне стало стыдно. Прощаясь с гидом, я извинялся за всех и вся, но к моему великому изумлению, в ответ прозвучали слова благодарности за «разряжение создавшейся обстановки».

С этого дня наша группа сплотилась. Каждый день мы веселились, любуясь красотами Умбрии и Тосканы, не забывая выпивать при каждом удобном случае молодое итальянское вино. Но в автобусах мы больше не свинячили.

На третий день путешествия я заметил, что одна из молодых девушек-спутниц посматривает в мою сторону. Молодые создания не могут камуфлировать свои чувства. По всему было видно, что девушке я интересен. Уж не знаю, что

именно ее заинтересовало во мне, но такое внимание жутко льстило. Два последних года, я был абсолютно верен Алене и уже забыл, что есть другие представительницы прекрасного пола. Поэтому я взбодрился и расправил крылышки. В любой поездке возникают подобного рода ситуации. Люди, которые в обычной жизни никогда бы не познакомились друг с другом, загнанные в рамки какого-то пространства и времени невольно обращают внимание тех, кто рядом.

Звали девушку Юля, ей было восемнадцать. В поездке она была с несовершеннолетней сестрой, которая глядя на алкогольное веселье окружающих, все время пыталась выпить со взрослыми. Для этого начинающий алкоголик хотел было выбрать в помощники меня, но после того как я ответил решительным отказом обиделась, произнеся: «Кто ж мне тогда нальет? Дома папа? Вряд ли!». Чудесным образом, сестры постоянно оказывалась возле нас с Аленой за завтраком, в автобусе и во время пешей экскурсии.

Юля была очень милой приятной девушкой. Со вкусом одетая, всегда свежая она выгодно отличалась от остальных девушек нашего тура. У нее были зеленовато-болотные глаза, длинные густые ресницы и темные, как будто нарисованные брови. Короткие волосы пшеничного цвета всегда были вымыты и уложены. Слушая меня, она мило покусывала свои розовые губки, разгораясь девичьим румянцем. Юля была неплохо сложена. Фигуру портили лишь узковатые, как у мальчишки бедра.

Я невольно стал сравнивать двух девушек. На фоне Юли, Алена явно проигрывала. И дело было совсем не в том, у кого ноги были длиннее или грудь больше (в этом как раз моя любимая одерживала верх). Главное было то, как вели себя девушки с окружающими и со мной. Если мир театр, то Алена без сомнения ведущая актриса. Вне зависимости от ситуации, она везде чувствовала себя исполнительницей главной роли, играющей преимущественно в стиле гротеск! Если она смеялась или говорила – это было подчеркнуто громко. Одевалась вычурно и вызывающе. Ярко покрашенные глаза, мини «по самое не хочу», декольте делающее достоянием общестственности большую часть её груди. Она всегда замыкала внимание окружающих на себя. Я на ее фоне был жалкой тенью, сопровождающим. Иногда она прилюдно жамкала и турсучила меня, как маленького плюшевого мишку.

Юля выглядела полной противоположностью во всех отношениях. Каждый день на ней было что-то красивое, но это не бросалось в глаза. Предпочтение отдавалось длинным юбкам и джинсам. Большинство времени она молчала и говорила лишь, по существу заданного вопроса. Никогда не повышала голос. Даже когда ее сестра находила способ пропустить стаканчик молодого итальянского вина, она отводила в сторону повеселевшую сестричку и спокойно отчитывала ее. Ко мне Юля относилась уважительно, обращаясь на «вы», от чего я чувствовал себя немного неловко. Каждый день мы мило общались, держась на почтительном расстоя-

нии, не приближаясь в прямом и переносном смысле. Мне очень нравились такие платонические отношения.

Алена всего этого не замечала, потому, как была занята только собой. Вокруг нее постоянно толкались вспотевшие мужики, а она им «вещала». Еще один очень не маловажный момент – по всему было видно, что не смотря на молодость, Юля была очень начитанной девушкой. С ней можно было поговорить. А вот Алена, за все время пока мы встречались, рассказывала окружающим одни и те же истории, сдабривая их прописными истинами.

Пик моего платонического романа с Юлей пришелся на Флоренцию. Во время посещения галереи Уффици, Алена с группой своих фанатов и их жен, забежала далеко вперед, а мы с Юлей отстали и немного заблудились.

– Ну, вот мы и потерялись! – констатировал я.

– Я с вами ничего не боюсь, – ответила Юля и взяла меня за руку.

В этот момент я ощутил, насколько комфортно себя чувствую. Мне не нужно было удивлять эту девушку, очаровывать ее, что-то придумывать. Можно было просто идти, держась за руку и молчать, что я собственно и делал. Не торопясь мы любовались шедеврами эпохи возрождения, но при переходе из одного зала в другой напоролась на группу китайских туристов. Жители Поднебесной никогда не отличались обходительностью и везде вели себя как на рынке. Не замечая никого, они рванулись за своим экскурсоводом, на-

летая на окружающих. Мы оказались у них на пути. Моя спутница, боясь быть сбитой, невольно прижалась ко мне. На мгновение я ощутил, что-то совсем забытое. Какой-то юношеский трепет от первого приближения к однокласснице во время медленного танца. Или, когда сидя в кинотеатре, ты положил свою руку девочке на плечо и делаешь вид, что ничего не происходит, хотя на самом деле внутри тебя всё клокочет. Мне показалось, что эта секундная близость растянулась на час. Я ощутил прикосновение юного девичьего тела, пахнущего весной и яблоками. Первый контакт всегда особенный. Мы так устроены, что со временем тактильные ощущения и чувства притупляются, особенность восприятия партнера исчезает. Через месяц отношений ты можешь сколь угодно долго прижимать свою девушку, но ощущения уже будут не те. Я помню первое прикосновение к Алене – это был фейерверк эмоций. Куда все ушло?

Китайцы пробежали и вот уже Юля на безопасном расстоянии. Она взглянула на меня исподлобья, закусив верхнюю губу. Поправила волосы и на выдохе тихо произнесла: «Ну что пойдём...те?». Я молча кивнул. Через два зала у ванны Нерона, мы увидели Алёну в окружении поклонников. Мужики не сводили с нее глаз, а ревнивые жены пытались переключить их внимание на шедевры Боттичелли и Веронезе. Я поймал себя на мысли, что Алёна как памятник из списка всемирного наследия ЮНЕСКО, не может принадлежать одному счастливому коллекционеру, она должна принадле-

жать всему человечеству!

Юля аккуратно убрала свою руку из моей, шепнув «Спасибо». Больше мы не сближались и до конца поездки с грустью смотрели друг на друга.

Вот тогда первый раз я задумался, что нам с Аленой не по пути. Но после возвращения из Италии Алена вдруг решила уйти от мужа. Ответных действий она ждала от меня. Я медлил. Взвешивал все «за» и «против». Всё мое существо протестовало, против официального разрыва с женой. По-хорошему нужно было расставаться с Аленой, но оставить женщину, которая из-за тебя развелась (хочется в это верить) было верхом цинизма. Наш роман продолжился. Несмотря на то, что Алена была уже свободной, наши встречи были скоротечны, как и прежде.

* * *

Следующий кризис отношений наступил в Тунисе. С помощью подруги Алены мы присоединились к группе руководителей туристических агентств, которые совершали ознакомительный тур по северу Африки. Каждый день наша делегация меняла город и отель, где с ужасающим постоянством нас ждал банкет или званый ужин. Но не ежедневные пьянки и обжорство беспокоили меня. Каждый вечер, надев наряд, еле прикрывающий грудь и ноги, Алена собирала вокруг себя плотное кольцо мужского пола. Видя длинноногую

красотку, легко идущую на контакт, мужчины естественно реагировали. Кое-кто был не в силах удержаться и начинал ухаживать, не обращая внимания на меня. Всё это вызывало во мне жуткую ревность, но мои протесты не принимались. Объяснение действий было простым и коротким: «Это общение нужно для работы». Для какой работы? Она видела этих людей в первый и последний раз! Зачем вообще она все это делала? Ведь у нее был – любимый мужчина, работа, деньги! Ответ прост – это была ее сущность. Она хотела, чтоб окружающие мужчины испускали слюну, а женщины скрипели зубами от ненависти и зависти.

Я стал серьезно задумываться о том, что она просто больна чрезмерной самовлюблённостью. Другого объяснения всему этому не было. На лицо был типичнейший нарциссизм, который, как известно, характеризуется не только самовлюбленностью, но и убеждённостью в собственной уникальности и особом положении.

Я чувствовал себя не любимым мужчиной, а придатком, аксессуаром, этаким дорогой престижной сумочкой висящей на плече красивой девушки.

Но после каждого крупного скандала и выяснения отношений, Алена «компенсировала» мои страдания, наполняя ночи безумным сексом. Я давно заметил интересную закономерность, чем больше в личности женщины присутствует какая-либо аномалия, тем сильнее её плотская страсть. В студенческие годы я встречался с женщиной, которая бы-

ла немного старше меня. В постели ей не было равных. И фантазия и навыки были на пиковом уровне. Причем ей не нужно было ни денег, ни подарков. Необходимым и достаточным условием, как говорят математики, была моя принадлежность ей и только ей. Вначале, я не заметил ничего необычного. Но уже через неделю обнаружилась «серьезная личностная дисфункция» или говоря простым языком, «расстройство личности». У нее была навязчивая идея о том, что я ей изменяю. Эта мысль была доведена до абсурда. Она звонила мне по десять раз в день, и требовала, чтобы я громко и четко произносил фразу «я люблю тебя Жанна», не смотря ни на что. Видимо рассуждая, что если рядом женщина, то я не смогу этого сделать. Вначале меня это развлекало и веселило. Мне нравилось, что женщина дорожит мной и как следствие ревнует, но когда она стала требовать поминутный отчет о времени проведенном без неё, я насторожился. Дальше начались ежедневные истерики и претензии. Очень быстро я понял, что это не любовь, а чистойшей воды паранойя. И не смотря на разнообразие плотских утех, мне пришлось навсегда вычеркнуть эту женщину из моей жизни.

Наблюдая за поведением Алены, теперь уже я начинал ощущать себя больным на голову человеком у которого вот вот начнется паранойя.

В последний день нашего путешествия произошла история, которая чуть не закончилась трагедией. После посещения Карфагена, Колизея в Эль-Джеме и крепости Гази Му-

стафы, нас привезли в столицу, где главной достопримечательностью была старая часть города – Медина. Нам предлагалось осмотреть действующую мечеть девятого века и прилегающие к ней улочки. Сопровождающий гид предупредил, что здесь живет много мусульман-сунитов, а это люди «дикие» и женщинам лучше прикрыть плечи и ноги. Все прислушались кроме Алены. Видимо ей было мало поклонников среди местных директоров отелей и туристических фирм, и она решила покорить сердца простых арабов и берберов. В наряде, смелом даже для России, она ринулась вперед по узкой древней улочке, ведущей к Медресе. Несмотря на то, что первое декольте появилось шестьсот лет назад, очень сомневаюсь, что за всё это время по улицам Медины проходила еще одна женщина «так» одетая или точнее сказать столь раздетая.

Почти все блузки и майки Алены имели большой вырез. Её наряды не предполагали сокрытия «четвертого размера». Выставление напоказ большой красивой груди считалось нормальной практикой. «Раз природа наделила, почему нет?» – рассуждала она. Когда мы только начинали встречаться, меня это несказанно радовало, но я не предполагал, что моя любимая начнет «делиться» своей «красотой» со всеми окружающими. Тот день, не был исключением, и даже издалека была отчетливо видна, чуть прикрытая, неотъемлемая часть образа богини плодородия. «Бессовестности» добавляли «кэблы» на высокой платформе и короткая юбка

из кожи, натянутая на заднице, как на барабане.

Честно говоря, я до сих пор ничего подобного не видел. Везде где проходила моя длинноногая «газель» (в Тунисе красивых женщин называют либо «Газель» либо «Клаудия Шифер»), жизнь замирала как в фильме «Матрица». В один момент все стало на паузу, а если двигалось, то фрагментарно как в замедленной съемке. «Зависли» абсолютно все – женщины, старики, дети, ну и конечно местные мужчины. Вначале всех наших это забавляло, но потом мы искренне испугались. Глаза туземцев начали наливаться кровью.

Никто не афиширует и не предает гласности, но были случаи, когда в Северной Африке, особенно на границе Туниса, Ливии и Алжира, пропадали туристки. Причем очевидцы говорят, что девушек просто брали в охапку и куда-то тащили. Было маловероятно, что в центре города, да еще на туристическом маршруте, кто-то бросится на девушку, пусть и привольно одетую, но вариант, побития камнями я не исключал.

По всему миру туристов стараются беречь и охранять. Например, в Иордании, за каждого покалеченного или пропавшего туриста грозит тюрьма. В Тунисе тоже официально все радеют за сохранность гостей, но есть негласное правило, если местный житель что-то делает, пусть даже что-то не очень хорошее, гид-тунисец не имеет права вмешиваться. Потому что турист это чужеземец, а вокруг его братья и земляки. Конечно, до возможного инцидента вас обязательно преду-

предят, но когда у вас, с ножом в руке, начинают требовать двадцать долларов, за то что вы сфотографировали бедуина, гид спокойно отходит в сторону со словами «я вас предупредал».

Первые минуты Алена радовалась, что стала центром внимания, но потом, видя неадекватную реакцию местных жителей, прикрыла грудь и замедлила шаг. Один из мужчин продающих «розы пустыни» подошел к ней и стал что-то говорить. Гид не вмешивался и спокойно наблюдал за происходящим. Прокричав: «Как меня это все достало!» я подошел к возмутительнице спокойствия, и на глазах у всех, грубо взяв её за руку, сопроводил в автобус.

Обсуждать этот случай у меня не было желания. Скандалы, продолжающиеся всю поездку, утомили. Даже страстные ночи уже не радовали. Устав он перманентного противостояния, я серьезно задумался о том, что нам пора расстаться.

Глава 11. Блаженный плач

Порой мы не понимаем, как хрупко устроен наш мир. Еще недавно я просыпался абсолютно счастливым человеком. У меня было всё или почти всё. Теперь же, каждый день, что-то бесследно исчезало. Земля буквально уходила из-под ног. Причем всё это стало происходить сразу после расставания с Аленой.

Вначале я лишился своей доли в строительной фирме. Ни с того ни с сего, партнеры заговорили об убыточности проекта, и о том, что возможно скоро будут нужны крупные финансовые вливания. Выяснить, почему еще недавно все шло замечательно, а теперь все плохо, не было ни времени, ни сил. На очередном собрании учредителей, которое проходило без моего участия, было принято решение о дополнительном финансировании. У меня было немного денег в запасе, но положить их «в одну корзину» я боялся. Впереди был тендер на муниципальный заказ, который мог закончиться как угодно, и чем угодно. Вкладываться я естественно отказался. В ответ мне предложили за недорого продать свою долю. Деваться было некуда, пришлось согласился. Как только я вышел из состава учредителей, дела в фирме мистическим образом наладились и пошли в гору.

В это время в транспортной компании все рушилось. Вместо того, чтобы подготовиться к тендеру и занести денег «ко-

му надо», «смотрящий» от хозяев решил, что тратиться понапрасну не стоит. «Мы на рынке перевозок уже шесть лет! Хрен они, что с нами сделают! Никто нас не тронет и не подвинет!» – услышал я в ответ на свои опасения и инициативы.

Тронули и подвинули, причем так, что через месяц от нашего предприятия остались «рожки да ножки». Компания умирала. Результаты тендера еще не огласили, но все заинтересованные уже знали, что с первого числа у нас работы не будет. Последняя надежда была на заместителя начальника управления транспорта. Я с ним почти «дружил». За хорошее вознаграждение он мог помочь получить, хоть какой-нибудь, пусть даже очень маленький муниципальный заказ, лишь бы остаться на плаву. Но за день до нашей встречи, его внезапно увезли «по скорой» и прооперировали. А время работало против нас. Ежедневно, боясь остаться без работы, из предприятия уходили десятки машин и водителей. Никакие уговоры остаться не действовали.

Спустя неделю, врачи и родственники разрешили встретиться с моим возможным спасителем, но вечером назначенного дня, я попал в пробку и, буквально на десять минут, опоздал ко времени посещения больных. Пенсионер-охранник, следуя инструкции, не пускал, не поддаваясь ни на какие уговоры.

Это было последней каплей. Со мной случилось истерика, перешедшая во временное помешательство. Вначале я

как безумный заорал и потребовал главврача. Затем стал ногой ломать металлопластиковую преграду. Как только служитель порядка приоткрыл дверь, чтоб объяснить мне, что я не прав, я попытался силой протиснуться вовнутрь. Завязалась борьба. На помощь пожилому «секьюрити», закрывшему грудью проход в государственное учреждение, пришла смелая уборщица и два крепких санитара. Силы были не равны, да и правда была на их стороне. После минуты борьбы, лишившись душевных и физических сил, я сдался и беспомощно плюхнулся на пол. Меня аккуратно вытащили за двери, пообещав вызвать полицию.

Сев на ступеньки я заплакал. Очередной раз мне стало жаль себя. Почему так происходит? Почему жизнь отнимает у меня все? Ведь я хороший человек! Я никому не делал ничего плохого! За что-то меня наказывают!?

Начался дождь, который только добавил отчаяния. Говорят: «Господь кого любит – того испытывает!». Только испытания закаляют нас и очищают, наставляя на путь истинный. Мягкий глиняный горшок ставят в раскаленную печь и оттуда он возвращается крепким! Но я всего этого не понимал. Я был немощный, слабый душой и телом человек. Во мне не было веры. Мне не хотелось испытаний. Хотелось вернуть все назад. Хотелось опять быть богатым, счастливым и беспечным.

Наверное, если бы кто-то из моих друзей увидел меня в этот момент, с отвращением отвернулся.

«Наказания без вины не бывает!». В минуты жалости к себе я не думал, скольких женщин сделал несчастными, я не думал о жене, которая, все это время тоже мучилась от разбитой вдребезги семейной жизни. Я не думал о том, сколько раз я преступал закон и моральные принципы, чтобы заработать на свою сладкую жизнь. Я думал только о том, как не справедлив со мной злой рок!

Дождь быстро закончился. Я немного успокоился. Зазвонил телефон.

– Привет, давай встретимся, только не там где обычно, а в «Золотом Колосе» на Садовой, там людей больше.

– Окей, – ответил я.

Это был Майкл. Голос моего фискального друга был какой-то странный, да и звонил он с неизвестного мне номера.

Через час мы встретились в одном из самых старых кафе Ростова. Как обычно свободных мест практически не было. Заведение кишело орущими детьми и такими же орущими мамочками, которые с помощью высоких нот ежесекундно одергивали своих чад. Моего визави, привыкшего к дорогим ресторанам и «VIP» лаунжам, сегодня такая атмосфера почему-то устраивала. Нельзя было не отметить, что Майкл изменился. Он похудел, осунулся. Вместо выбритой до синевы физиономии, трехдневная щетина. Взгляд стал колючий, как у загнанного охотниками животного.

– Майкл, что с тобой? Я тебя не узнаю! – начал издали я.

– Ты посмотри на себя! Мокрый, грязный!

– Да, тут, небольшой «трабл»! Дождь, упал, – оправдался я.

– «Очнулся гипс», – продолжил Майкл, – ладно. Сначала о тебе, а потом обо мне! Короче слушай. Возможно, мы больше не увидимся!

– Это почему?

– Не перебивай. На это много причин. Как я понимаю, дела у тебя плохи, но чтоб они не стали еще хуже, бросай свой транспорт и бросай Алену.

– Но Майкл! – возмутился я.

– Еще раз говорю, не перебивай и дослушай все до конца, иначе ничего не поймешь, а времени у меня не так много. Я курировал твое предприятие, брал деньги, помогал, чем мог, но сейчас ничего сделать не могу, просто слушай. Полгода назад твоя Алена влипла в историю. У них в агентстве пропала большая сумма, штук двадцать зелени. Они приготовили кому-то транш наличкой, а на утро бац и денег нет. По каким-то причинам ментов не вызывали. Это странно, ведь сумма была не маленькая! Я допускаю, что бабла вообще там не было, и это все был спектакль. Уж не знаю почему, но хозяйка решила, что эти деньги украла твоя любимая. Что за «тема», мне лично не понятно. Вместе работали пять лет, все было нормально и тут такое! Короче начинают твою Алену прессовать. Она естественно побежала за помощью к кому могла. Ты знал, что она с Михалевым давно знакома?

– Нет! Первый раз слышу!

– Слушай дальше. Никто ей не помог и не поверил, и тогда она обратилась за помощью к своему старому прокурорскому знакомому.

– К кому?

– Ну конечно к Михалеву. Гера, ты глупеешь на глазах. Извини! Я не хотел тебя обидеть. Короче она легла под «прокурорского».

– Что? Такого быть не может. Я ее хорошо знаю!

– Хорошо, добрый молодец Михалев долго ухаживал за девицей Алёнушкой и, в конце концов, добился ее расположения. Алёнушка стала встречаться с добрым молодцем, и тот помог ей решить все проблемы с пропавшим баблом. Так лучше?

– Никак не лучше, – огрызнулся я.

– С некоторых пор они любовники и он, её благодетель, сейчас открывает для Алены турагентство. Теперь по поводу транспорта. Уж не знаю, насколько здесь вмешался Михалев, но тендер вы проиграли, муниципального заказа не будет, даже самого маленького. Результаты огласят послезавтра. На самом высоком уровне принято решения закрыть ваше предприятие. А если будете возмущаться или обжаловать через арбитраж, на вас «наедут». Я знаю, что за вас там какие-то серьезные люди «вписались», чтоб отбиться от ОБЭПа, но сейчас вам никто не поможет, можешь не надеяться. Твои «учредосы» всё знают и уже решили, что во всем виноват ты! Так что на днях тебя выпрут без выходного пособия.

– А это ты откуда знаешь?

– Знаю. Теперь обо мне. Пока все плохо. Непонятно почему люди из следственного комитета заинтересовались дядей. Как ты понимаешь у меня с ним и с его зоной были дела, серьезные дела! Я там такое бабло поднимал! Но что-то наверху изменилось. Начали с дяди, теперь подбираются ко мне. Закончится может все плачевно. Береги себя Гера! И помни все беды от баб! Мне в ближайшее время не звони, так будет лучше, и в первую очередь для тебя!

Глава 12. Партнеры по бизнесу

Прошло два месяца.

После того, как я потерял работу и продал долю в строительной компании, у меня осталось немного денег. Ничего не придумав путного, я открыл небольшое туристическое агентство.

Свежим августовским утром в мой кабинет зашла Ирочка, специалист по богатым мужикам и Турции.

– Георгий Иванович, к вам там две, такие, бррр, не знаю, что им надо!?! – произнесла она на выдохе.

Развернувшись, как на подиуме она выплыла из моего кабинета, демонстративно виляя задницей.

«Да..... Ирочка определенно приятная девочка, но с работницами нельзя!» – очередной раз убедил я себя.

Тем временем в кабинет зашли две женщины. Одной было лет тридцать, другой чуть больше сорока. На той, что помоложе, был удивительно пестрый многослойный наряд. Основным тоном являлся канареечно-желтый. Причем на голове, несмотря на жару, красовалась ядовито-желтая вязаная шапочка. Всем своим видом она зазывала, обращала на себя внимание. «Да, эта точно хочет» – подумал я.

Пока я встречался с Аленой, удивительно, но мне не хотелось других женщин. То ли потому, что она полностью удовлетворяла все мои потребности, то ли потому что я дей-

ствительно любил ее и боялся потерять ради одного вечера сомнительного удовольствия. Но теперь большинство моих глубокомысленных размышлений состояло в том: «Хочет, не хочет, даст, не даст!». Вот что делают с мужчиной два месяца воздержания. Тебя больше не волнуют мировые проблемы, ты не читаешь книг, а просыпаясь утром, думаешь только о сексе. Ощувив прилив крови ниже пояса, ты выстраиваешь свою жизнь в одном направлении, отвечая на зов плоти.

– Меня зовут Виолетта, – сообщила «канарейка» с нескрываемой радостью, и протянула мне руку.

«Ну конечно, по-другому ее звать не могут!».

– Очень приятно, – ответил я и пожал руку.

Своим нетривиальным прикидом, Виолетта производила впечатление, но из-за неразберихи в одежде, трудно было оценить какие-то особенности или достоинства ее фигуры.

Затем мой взгляд переместился на вторую, утреннюю посетительницу. Одета она была значительно скромнее. Узкие джинсы обтягивали не слишком стройные ноги и округлые бедра, а из глубокого декольте майки рвались наружу большие, давно потерявшие форму, конопатые груди. Длинные слегка выцветшие рыжие волосы безвольно падали на плечи. Под усталыми глазами и на шее виднелось множество морщин. Уж не знаю почему, но по сравнению с Виолеттой-Канарейкой она смотрелась выгоднее, хотя и была старше.

– Надя, – произнесла она почти шепотом.

– Меня зовут Георгий, – представился я, – так что же при-

вело Вас ко мне милые женщины?

После нескольких минут разговора, выяснилось, что мои утренние гости организовали туристическую фирму, специализируются на Европе и хотят помощи в оформлении виз для клиентов.

Уже четыре года мой школьный друг жил в Париже, и временами делал моим знакомым бизнес-приглашения во Францию. Весть об этом быстро облетела всех заинтересованных в этой услуге. По этому направлению новоявленные коммерсантки хотели со мной работать. Мы пожали друг другу руки и с пожеланиями будущего сотрудничества и безудержного процветания расстались, но как выяснилось ненадолго. Буквально на следующий день, утром, Виолетта явилась в офис под пустяковым предлогом, теперь уже в ядовито-розовом наряде, с коралловой шляпкой на голове. Через несколько часов появилась Надя, дефилируя в прозрачном платье из марлёвки. Спросив о подружке-напарнице, она быстро удалилась, видимо забыв, что можно было ей позвонить. Дальше, больше! После первого удачного клиента, который с нашей помощью получил «шенген» Надя и Виолетта стали появляться все чаще и чаще, вызывая раздражение моих работниц.

Начиная работать на туристическом поприще, я делал ставку на две вещи. Первое – расположить офис продаж в спальном районе, чтобы люди не мучились поездками в центр, и второе – подобрать красивый персонал. Знаю по

себе, разговор с эффективной девушкой всегда отличается от обычного разговора. Клиент-мужчина сознательно или подсознательно начинает на что-то надеяться и есть большая вероятность, что он не уйдет в другое агентство, а купит тур там, где ему понравилась работница. Сразу напрашивается вопрос, а если клиент женщина? Офис, наполненный красивыми девушками, не только радует глаз мужчинам, но и создает «поверхностный авторитет» для любой женщины. Уж если компания в состоянии содержать персонал из красоток, то дела у нее идут хорошо. Но женщин клиентов у нас было немного и поэтому, если какая-то состоятельная дама собиралась в дорогой тур по Европе или на Мальдивы, занимался этим я, приглашая клиентку к себе в кабинет.

В то время, туры и цены у всех турагентств были одинаковые. При равных условиях на рынке, главная задача была избрать верный способ чтобы продать услугу. Возможно делая ставку на красивых работниц, я ошибался. Платить им нужно было больше, да и опыта у половины из них не было. Но в тот момент, я был уверен, что все делаю правильно.

Девочки, работающие на меня, а их было пять, конечно же, вызывали определенные желания, но «золотое правило» – не спать с работницами полутьмы (проститутками) и своего бизнеса, связывало руки и не давало пуститься во все тяжкие.

Но, вернемся к моим новым партнерам по бизнесу. Несмотря на протесты здравого смысла, плоть настойчиво

требовала удовлетворения потребностей. Я на полном серьезе, стал задумываться о том, чтобы приударить за одной из моих новых знакомых. Но за кем? Виолетта была молодой и импульсивной. Ее фразы и наряды призывали к действию. Казалось, она давно на всё готова. Надя же была не столь прямолинейна. Беседуя со мной, она старалась не смотреть мне в глаза. Говорила мало и тихо, но я чувствовал, что волнуемую её.

Одним словом, обе женщины, проявляли внимание и питали здоровый интерес. Это, естественно, льстило и толкало на подвиги. Теперь решение было за мной.

В один из дней я, как обычно, пришел на работу к десяти. Девочки порадовали меня тем, что большая компания заказала путевки в Турцию. Открыв окно своего кабинета, я вдохнул летней свежести. Казалось, жизнь налаживается. В прекрасном расположении духа я включил компьютер.

Открыв почту, обнаружил, что мой электронный ящик разрывался от нескольких десятков сообщений пришедших с сайта знакомств. Надо заметить, что мне всегда хватало женщин, а если не хватало, то я подходил к любой понравившейся мне девушке и начинал знакомиться под любым предлогом. Но после болезненного разрыва с Аленой, во мне, что-то поменялось. Даже не знаю почему, но я решил изменить свой подход к поиску объекта вожделений. Убедив себя, что сейчас это модно я нырнул во всемирную паутину.

После небольших формальностей, связанных с регистра-

цией на сайте, специализирующемся на соединении судеб, я вступил в ряды мужчин и женщин, которые бороздят просторы интернета в поисках второй половины, но через несколько дней я охладел к этой затее. Написав десяток писем девушкам, которые мне понравились и получив ответы, я понял, что попал в царство тотального вранья. Все врал всем! О возрасте, весе, росте, семейном положении. Но это было не самое страшное. Большинство женщин, окрыленных перепиской с малолетними обожателями, страдали манией величия. А те, кто не мнили себя великими и прекрасными, оказались с расстроенной психикой. Чтобы найти кого-то нормального, нужно было перелопатить сотни, а может тысячи анкет. Сразу захотелось удалить мою анкету, но тут мне пачками стали писать женщины, и я замешкался, наивно полагая, что вдруг откликнется кто-то вменяемый. В большинстве своём, мной интересовались упитанные бухгалтеры «бальзаковского возраста». Они изнывали от одиночества и хотели соединить свою судьбу с любой свободной особью мужского пола, предварительно поиграв в романтическую переписку. Просмотрев фотографии желающих провести остаток жизни в моем обществе, я все же решил удалить свой профиль.

Курьер принес счета за аренду и электричество. Я кинул взгляд на цифры – опять все подорожало. Но в этот день почему-то меня ничего не расстраивало. На секунду мне даже показалось, что жизнь прекрасна, но зазвонил мобильный.

Определился номер – «Алена». В каком-нибудь американском фильме герой бы обязательно произнес: «O My God!» делая невероятно большие паузы между словами.

– Привет, – произнесла взволнованным голосом моя бывшая любовь, – тебе удобно говорить?

– Да, – ответил я.

– Ты можешь мне помочь?

– Да.

– Я могу к тебе приехать?

На секунду я задумался. Встречаться с Аленой в ближайшие сто лет в мои планы не входило.

– Да, – ответил я, безвольно и нерадостно.

После двух месяцев ломок я, только-только пришел в себя. Прекратил пить и потихоньку начал работать, а тут опять randevu. Наверное где-то на уровне подсознания я боялся, что если Алена вдруг захочет вернуться, я не выдержу и брошусь ей на шею.

Через полчаса в проеме двери моего кабинета появилась «бывшая». Остановившись на мгновение у входа, Алена вошла и села на край дивана, взглянув на меня своими завораживающими голубыми глазами. Помещение наполнилось запахом молодого женского тела с нотками мускуса и ванили.

Взгляд невольно скользнул сверху вниз. Алена выглядела безупречной обольстительницей. Белая, полупрозрачная блузка, была предусмотрительно расстегнута на всё те же, две лишние пуговицы. Черный, словно выставленный на по-

каз бюстгальтер, украшала тонкая алая лента, концентрируя внимание в районе декольте. Сквозь прозрачную материю блузки было отчетливо видно, как бретельки, поддерживающие увесистую грудь в приподнятом состоянии, натянулись подобно корабельным канатам во время шторма! Казалось еще секунда, и они лопнут от непосильной задачи, возложенной на столь узкую полоску материи, и сдавленные прелести вырвутся на свободу. Кое-как, я оторвался от груди, переводя взор на короткую черную юбку, которая словно по приказу хозяйки медленно ползла вверх, обнажая загорелые ноги выше колена.

– Что случилось? – начал я, стараясь не смотреть в сторону Алены.

– Гер, помоги, у меня проблемы на работе, нужно кое-какие документы подготовить и срочно отправить в Москву, – взмолилась она, – у тебя же факс есть?

– Факс есть, куда ж без него. Алён, мы с тобой договорились, больше не беспокоить друг друга, – сказал я уперевшись взглядом в стол.

– Да, но Гер! Я очень тебя прошу, пожалуйста.

Я посмотрел на нее и понял, что не в состоянии выдержать эту пытку.

– Оля! – крикнул я, так что Алена вздрогнула.

На мой зов испуганно пришла одна из работниц. Оля была крупной молодой девушкой. Одевалась она просто, косметикой почти не пользовалась, но высокий рост и милое личико

все компенсировали.

– Олечка, это Алена Владимировна.

Девушки стали брезгливо рассматривать друг друга. В воздухе повисла секундная пауза. Алена первая поняла, что Оля даже в потенциальные соперницы не годится и быстро потеряла интерес к юной девушке.

– Очень прошу тебя, сделай все, что попросит Алена Владимировна. А мне сейчас срочно нужно уехать, – сказал я как можно тверже, и стал быстро собираться по несуществующим делам.

– Гер, спасибо, – чуть смущаясь от присутствия Ольги, произнесла Алена.

Схватив сумку, я практически выбежал из офиса. В какой-то момент мне показалось, что Алена просто искала предлог, чтоб повидаться со мной. От этой мысли стало еще хуже. Сердце выскакивало из груди, стало тяжело дышать. Первое время я просто шел, куда глаза глядят. Потом придя в себя, сел в машину и поехал за город. Мне нужен был простор и воздух.

Вернулся в офис уже вечером.

– Все, что нужно было сделать для Алены Владимировны я сделала, – отчиталась Оля и выходя из моего кабинета спросила, – а это ваша бывшая девушка?

– Иди работай, – грубо оборвал ее я.

Откровенничать на тему Алены мне ни с кем не хотелось, тем более со своей подчиненной. Хотя наверно если бы я

кому-то выговорился, возможно, мне стало бы легче.

Захотелось выпить.

Под самое закрытие, зашла Надя. Девочек я уже отпустил, а сам битый час рассматривал карту мира, висевшую на стене. Взгляд метался между местами, где я успел побывать, и куда очень хотелось улететь от всех жизненных перипетий. Душа рвалась в «пампасы». Но как только я отыскал степь на юго-востоке Южной Америки, быстро понял, что звучит это место гораздо лучше, чем выглядит. Затем мой взор переместился на Перу, где располагался Мачу-Пикчу. Нет, опять не то.

Из головы не выходил утренний визит Алены. Может быть, она теперь одна? Может ей действительно, нужна помощь?

В памяти беспорядочно всплыли, то наши поездки, то моменты близости. Неужели она опять хочет все вернуть?

– Может, я зайду следующий раз? – произнесла Надя, которая все это время топталась у входа в мой кабинет, чувствуя, что мои мысли далеко.

– Нет, что вы, – очнулся я, – сегодня мне нужен друг и собутыльник. Никуда я Вас не отпущу. Сегодня Наденька вы, что ни на есть кстати.

Из стола я достал бутылку водки. Налил себе и Наде, мы выпили. Потом еще. Из закуски была только шоколадка, случайно оказавшиеся в сумке моей вечерней гостьи. Из-за такой скромной закуски мы быстро захмелели.

– Георгий Иванович, так что у Вас что-то случилось? – начала разговор Надя.

– Ничего интересного, вы лучше расскажите о себе.

Надя рассказала о том, как была мастером спорта по художественной гимнастике и мечтала о спортивной карьере, но рано вышла замуж. Причем первый муж был болгарин, который через год стал спиваться. Потом был развод и второй муж....и опять развод и в результате она одна, с взрослой дочкой, в однокомнатной квартире. Одним словом, обычная женская история. Мне стало жаль ее.

Вдруг, она взяла меня за руку и, глядя в глаза, произнесла:

– У меня есть шанс?

– Вы о чем Надя? – спросил я, ошарашенный быстрой переменной темы.

– У меня есть шанс? – повторила она, окончательно осмелев, – Я хочу Вас....тебя!

Надя всем телом подалась ко мне. На секунду я замер, все еще сомневаясь, но сдерживать себя не было сил. Плоть уже не требовала, а просто ждала животного удовлетворения. Мне ничего не оставалось, как прижать к себе загоревшуюся желанием женщину. Через мгновение наши губы встретились. В этот момент я ощутил себя усталым путником, который после долгого блуждания по пустыни нашел живительный источник.

Сдавленным голосом Надя прошептала банальное: «Делай со мной что хочешь и как хочешь!». Мы скинули одежду

и прижались телами.

Час страсти пролетел как одно мгновение.

Оторвавшись друг от друга, несколько минут мы лежали молча.

– Ты как? – спросил я, нарушив мертвую тишину кабинета.

– Мне что, нужно уже уходить? – ответила вопросом на вопрос Надя, с нескрываемой горечью в голосе.

– Нет, что ты. Мне с тобой хорошо, – произнес я и сильно прижал ее к себе.

Летнее солнце, завершая ежедневный моцион, не торопясь ползло за горизонт, уступая место сумраку и прохладе. Мы не заметили, как в офисе стемнело.

– Георгий, а почему ты сегодня был такой расстроенный, – начала разговор голая женщина, выкарабкиваясь из моих объятий.

– Надь, я думаю, тебе это не будет интересно. Давай лучше выпьем.

Мне совсем не хотелось заводить откровенный разговор. Тело было расслабленно и удовлетворено, но душа все еще ныла. Я старался не думать об Алене, но в голову все равно лезло: «Зачем она приходила?».

Надя поняла, что вечер закончен, по крайней мере, его официальная часть. Выпила горькой и стала одеваться. В какой-то момент мне захотелось остановить ее.

– Ну что я пошла? – спросила она, как будто чувствуя мою

внутреннюю борьбу.

– Да, да иди. Извини, я сегодня устал, у меня был трудный день, – стал оправдываться я.

– Я все понимаю, – сказала она и, поцеловав меня в щечку, исчезла во тьме пустого офиса.

Надя ушла, а я еще долго продолжал лежать голый в пустом темном кабинете. Возможно, она могла бы стать отличной любовницей. С ней было приятно и легко. Но всеми фибрами моей души я ощущал – это была не моя женщина.

Глава 13. Последняя встреча

На следующий день позвонила хозяйка квартиры, которую я снимал для встреч с Аленой. После того как мы расстались, квартира два месяца не использовалась, но я по инерции продолжал за нее платить.

– Георгий Иванович, девочка ваша отдала ключи. Вы дальше снимать будете? Если да, то тогда нужно денег дать.

– Спасибо, нет. Не буду, – ответил я, – сегодня заберу вещи, а завтра отдам вам свои ключи.

В конце рабочего дня я заехал на съёмную квартиру, в которой почти три года мы встречались. Сколько здесь всего произошло! Каждый сантиметр этого жилища был пропитан нашей историей.

Огляделся по сторонам. Все было на месте кроме вещей Алены. Лег на диван, свернувшись в позу эмбриона. Казалось, подушка еще хранит запах волос Алены. Стало нестерпимо больно. По вспыхнувшим щекам побежали соленые ручейки.

Финал наших отношений можно было предсказать давно, но я боялся болезненного разрыва и тянул, пока Алена сама меня не бросила. А если всё было заранее известно, то зачем здесь лежать и пускать слюни? Все уже случилось, назад пути нет и быть не может. Но сердце не слушало голову, и я сделал очередную глупость. Я позвонил Алене.

– Привет Гер, что случилось? – ответила она настороженно.

Какое-то время я не мог говорить и молчал, подбирая слова, но потом почти закричал:

– Какая же ты сука! Это же все для тебя! А ты! Как ты могла? Девочка моя, я же тебя так любил!

– Гер, если хочешь, я сейчас приеду, – вдруг сказала Алена дрожащим голосом.

Мне показалось, что она вот-вот заплачет.

– Не надо, давай завтра я заеду к тебе на работу, и мы поговорим.

– Хорошо. Только я сейчас работаю в другом месте. Адрес я тебе вышлю смс-кой, – ответила она и после небольшой паузы положила трубку.

Любая пустота чем-то заполняется. У меня не было нормальной семьи, не было ребенка, не было цели в жизни, не было веры. У меня ничего не было, и эту громадную дыру заполнила собой Алена. Она стала всем в моей жизни. И теперь, когда ее не стало, я не мог жить как прежде. Она изменила мне, но я был готов простить ей все и вся. Малодушие? Конечно! Но что делать? Я слаб. А слабым человеком управляют его страсти.

На следующий день к десяти утра я подъехал к зданию, где находился новый офис Алены. Позвонил. Она вышла. По ее поведению мгновенно стало ясно, что за ночь что-то случилось. Алена не смотрела мне в глаза. Взгляд ее метался

от проходящих пешеходов к проезжающим мимо машинам. Пауза затянулась.

– Привет! После работы встретимся? – начал я.

Алена уставив остекленелый взгляд в тротуарную плитку, не глядя на меня, произнесла:

– Давай не сегодня.

Кто-то невидимый ударил по моим струнам-нервам, так что внутри меня все завизжало и завибрировало.

– Почему не сегодня? – еле сдерживая себя, проскрежетал я мгновенно пересохшим ртом.

– Я сегодня не могу.

Опять пауза. Объяснение более чем понятное. Какие тут могут варианты? Конечно же, у нее сегодня встреча! Ничего не изменилось. Предательство продолжается. Я перешагнул через себя, простил всё, а она? Вчера просто пожалела! Собрав остатки воли, я решил расставить точки.

– Алена, я сейчас уйду, и ты больше меня никогда не увидишь, ты это понимаешь? Никогда! Ни-ког-да!

Алена кивнула. Видимо у нее были какие-то веские причины, чтобы опять меня потерять.

Вне себя от ярости, я буквально запрыгнул в машину. Алена стояла на улице и не делала ничего, чтоб меня остановить.

Я утопил педаль акселератора в пол. Машина с визгом и запахом жженой резины рванулась с места. Проскочив два светофора на «красный» я понял, что в таком состоянии

ехать нельзя. Решил остановиться. Свернув в ближайший двор, выключил двигатель, откинул сидение назад и закрыл глаза. В анабиозе я пролежал какое-то время. Что только не лезло в мою больную голову. В какой-то момент мне показалась, что начинаю сходить с ума. И вдруг, вместо накачиваемой волны отчаяния и уныния, вместо очередного нервного срыва, ко мне пришло прозрение. Внезапно я осознал, что нахожусь в жуткой зависимости от этой женщины. Причем зависимость физическая, замешанная исключительно на удовлетворении плотских потребностей и желаний! У нас нет точек соприкосновения. Нет семьи, нет общих интересов. А если ничего нет, то зачем эта «Санта Барбара»?

Внутри клокотала обида. Я злился на себя, за свою слабость и малодушие. Радовало только одно – мне открылись глаза, и я стал более-менее трезво смотреть на создавшуюся ситуацию, в которую загнал себя сам.

Я сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться и напитать свою нервную систему кислородом. Завел машину и отправился на работу.

Глава 14. Малайзия

Встречаясь с Аленой, я отчасти ощущал себя рыбой, которую поймали. Крючок большой и засел глубоко внутри. Чтобы освободиться, нужно рвануть в сторону. Но тогда оторвется кусок меня. Будет больно, очень больно! Я долго не решался, боялся, сомневался. Но теперь обстоятельства не только подталкивали, но и обязывали к этому разрыву. И вот я рванулся из последних сил! Часть меня, с жуткой болью оторвалась! Рана ноет и кровоточит, но я свободен. Отчетливо понимаю, что придется пострадать, придется потерпеть. Рана зарастет и уже не принесет былой боли. Безболезненно-го избавления от такого недуга быть не может, нужно просто набраться терпения и немного подождать.

Чтобы как-то снять внутреннее напряжение, нужно было срочно куда-нибудь уехать, а лучше улететь и желатель-но подальше. Позвонив московским партнерам, я напросил-ся в любую деловую поездку, за пределы нашей родины. На удачу через три дня отправлялась делегация директоров ту-ристических фирм в Малайзию. Виза не требовалась, нужен был только действующий загранпаспорт. За полторы тысячи долларов московские друзья вписали моё имя в состав груп-пы. Стараясь не думать ни о чем кроме поездки, я побежал покупать новые шорты и пляжные тапочки.

Но как объяснить жене мой внезапный отъезд? Наши от-

ношения и так натянулись до предела. По счастливой случайности выяснилось, что ростовские туроператоры тоже на днях собираются в аналогичную поездку и приглашают работников турагентств в рекламный тур по Турции. Я предложил жене слетать отдохнуть, добавив, что возможно у меня будет командировка в Малайзию. Она, недолго думая, согласилась. Мы разъезжались в разные стороны. Все складывалось как нельзя лучше.

При звуках телефонного звонка я вздрагивал. Боялся, что позвонит Алена и начнет что-то объяснять, боялся, что она одумается и захочет вернуться. К счастью роковая женщина не звонила и в мою жизнь возвращаться не собиралась.

В Москву поехал на поезде. Всю дорогу молчал и смотрел в окно. Голова, перегруженная событиями последних дней, отказывалась работать. Поймал себя на том, что ни о чём не думаю. Обычно мысли мечутся в моей голове, как птицы, перелетая с ветки на ветку. Примерно так: «За окном лошадь! Лошадь, надо бы как-нибудь научиться верховой езде, Лёвик говорил, что у него спина прошла после поездок верхом, спина, спина болит, надо бы сделать МРТ, ой, это ж надо к врачам идти, а если чего найдут, кстати о врачах, надо позвонить Виталику узнать, что у него с деньгами, деньги, нужно поменять валюту и оплатить аренду за помещение, помещение, что там у нас с выручкой, надо ж зарплату платить работникам, работники, что-то хреново работники Димы сделали музыку в машине, машина надо ее помыть». И

так далее и тому подобное. В этот раз в моей голове была тишина, ну или мне так казалось.

Несмотря на то, что в течение всего пути я не спал и не ел, время в дороге пролетело незаметно.

Москва, как обычно встретила неприветливо – хамством, ценами и надменностью. Кое-как добрался до Павелецкого, плюхнулся в теплый вагон аэроэкспресса и мгновенно уснул. Очнулся в Домодедово.

Ровно в 19.00 я подошел в назначенное место, где меня уже ждала группа руководителей турагентств, отправляющихся в Малайзию. Осмотрелся по сторонам. Практически одни женщины. Это хорошо. На мгновение почувствовал прилив сил. Жизнь продолжается!

Из общей массы прекрасного пола сразу отметил двух. Одна была приятная женщина после тридцати, с волнующими формами, короткой прической и серыми глазами. Вторая была моложе, с ярко рыжими волосами, худощавыми ногами и неестественно зелеными глазами. Она громко, явно обращая внимание окружающих на себя, говорила по телефону: «Все давай, пока, я улетаю на Борнео, мне не до тебя!». Закончив, рыжая, осмотрела меня сверху донизу, как придирчивая домохозяйка, выбирающая курицу на рынке. Я почувствовал себя неловко и отвернулся.

Большинство женщин нашей делегации были бальзаковского возраста. Давно заметил, что в турбизнесе мужчины не приживаются. Стандартный директор турагентства – это

женщина от тридцати пяти до пятидесяти, разведенная, с ребенком или без. Уж не знаю почему, но так сложилось исторически. Мужской пол не в состоянии нормально вести этот бизнес. Может поэтому мое агентство так и не стало прибыльным. Присутствовало так же несколько молодых девушек, которые никак не тянули на директоров компаний, но меня они не заинтересовали. Группа состояла из тринадцати человек. Мужчин, если не считать меня, было двое.

После паспортного контроля зашел в «Duty free». Купил виски. Положив бутылку в бумажный пакет начал искать место, где можно присесть и выпить. До посадки оставалось еще полтора часа. В углу зала сидели две женщины с такими же бумажными пакетами, как у меня, из которых они, морщась, пили. Явно это был не лимонад.

– Можно присоединиться? – поинтересовался я.

– Конечно, садись, – почти хором ответили веселые женщины.

Я открыл бутылку, оглянулся по сторонам и сделал несколько глубоких глотков.

Врачи говорят, что в некоторых сосудах нашего организма кровь движется со скоростью до полуметра в секунду, а полный оборот кровообращения занимает от двадцати до тридцати секунд. Уж не знаю, с какой скоростью моя кровь, обогащенная шотландским виски, двигалась внутри меня, но выпив немного на голодный желудок, я моментально захмелел.

– Куда летим девушки? – обратился я к соседкам, которые только что чокнулись пакетами и глотнули спиртосодержащей жидкости.

– В Стамбул, за шмотками, – радостно ответила одна из дам, явно довольная, что я назвал их девушками, – а вы куда?

– На Борнео, к обезьянам подальше от людей, – продолжил я, – давайте выпьем, за то чтоб сегодня все долетели туда, куда хотели!

Стукнувшись бумажными пакетами, словно бокалами, мы выпили.

В пустых разговорах и распитии алкоголя мы провели около часа.

«Госпожа Корчинская и Селезнева пройдите к выходу номер девять. Посадка на рейс 294 «Москва – Стамбул» заканчивается» – прозвучало по всему аэропорту. Мои собутыльницы бодро подскочили и, схватив вещи, побежали к своему самолету, не забыв расцеловать меня напоследок.

Мне тоже нужно было собираться в дорогу. Встав, я обнаружил, что еле держусь на ногах. Почти сутки я не ел и почти не спал и поэтому алкоголь делал со мной все что хотел. Собрав остаток сил, я направился к своему выходу. Мои будущие спутники уже стояли в очереди на посадку. Большинство участников нашего «забега», были «навеселе», так что моя покрасневшая физиономия не выделялась на общем фоне. Рыжая, опять с кем-то громко разговаривала по телефону. «Я лечу на Борнео, не могу. Не могу и все!» – чеканила

она слова. Теперь после полбутылки скотча она показалась очень милой и привлекательной.

Предводителем нашей делегации оказалась молодая девушка по имени Света. Она пересчитала всех и, убедившись, что никого не потеряли, на всякий случай стала в конец очереди.

Первый перелет, который нам нужно было совершить по пути в Малайзию, был «Москва – Шанхай». Стюардессы «China Airlines» заботливо усаживали на кресла качающихся пассажиров. Мне досталось место у иллюминатора, рядом с Рыжей. Вначале я хотел предложить девушке поменяться, чтоб усадить ее возле окна, но мой язык не слушался, и поэтому каждая фраза давалась с трудом. Я уже было собрался с силами, чтобы произнести что-то членораздельное, и для этого даже открыл рот, но у нее опять зазвонил телефон и в десятый раз она стала громко кому-то объяснять, что летит на Борнео. Самолет загудел и стал выруливать на взлетную полосу. Веки мои тяжелели. Я безвольно проваливался в царство Морфея.

Проснулся, когда разносили еду. Видимо рыжая соседка легонечко пнула меня и, сквозь сон я услышал: «Chicken or beef?». «Beef. Thanks» – ответил я, внутренне удивляясь, что уже могу говорить. Видимо непродолжительный сон дал возможность организму прийти в себя.

– Алена, – произнесла соседка.

– Что Алена? – испугался я.

– Меня зовут Лена, но близкие зовут Алена, а тебя? – произнесла рыжая сразу перейдя на «ты».

– Георгий, друзья называют меня Гера.

– Очень приятно, – произнесла новая знакомая и протянула руку, усыпанную золотыми украшениями.

На секунду я замешкался. Как ответить на приветствие? Поцеловать ручку или просто пожать? Решил просто пожать.

Пока соседка вскрывала горячий контейнер с курицей, я принялся ее рассматривать. Рыжие волосы были беспорядочно взлохмачены как у Мег Райан в фильме «Французский поцелуй». На большие и без того заметные глаза был нанесен громадный слой косметики. Под яркой, усыпанной стразами майкой скрывалась еле заметная маленькая грудь. Модные, порванные во всех местах, джинсы обтягивали худые ноги. Создавалось впечатление, что она боится, быть незамеченной и от этого ярко красится и броско одевается. Давно заметил, что этот синдром возникает у большинства низкорослых женщин.

Видя, что я не ем, а смотрю в ее сторону, рыжая повернулась и улыбнулась, обнажив ряд отбеленных ровных зубов.

По салону распространился запах коллективного ужина. Наверно нигде нет, и не может быть такого, концентрированного запаха еды, как в самолете. Где еще в таком маленьком пространстве могут сразу есть двести человек. Я вскрыл свой ланч бокс. Вид сочной говядины в соусе возбудил аппетит, и первый раз за прошедшие сутки я поел.

– Может выпьем? – предложил я соседке.

– Уже, – ответила она и показала маленькую бутылку текилы.

– Ну так давайте еще, – не унимался я.

– Давай, – согласилась спутница.

Мы налили каждый свой напиток в чашечку, предназначенную для кофе. Чокнулись.

– За знакомство, – предложила Лена-Алена.

– За знакомство, – поддержал я.

Выпили. Потом еще. Остатки ужина быстро унесли приветливые стюардессы. В салоне приглушили свет и понизили давление. Пассажиры медленно засыпали.

– А вы любите стихи? – внезапно понесло меня.

– Да, – ответила она, – Есенина люблю.

В этот момент мне жутко захотелось романтики. На протяжении часа я шёпотом читал все стихи Есенина, которые знал наизусть. Заканчивался маленький поэтический вечер «Письмом к женщине». Это стихотворение великий русский поэт посвятил своей единственной настоящей жене Зинаиде Райх, которая бросила его и ушла к Мейерхольду. Читая бессмертные строки, я ощущал, что это про меня. Меня тоже бросили и ушли к другому. Переживания накладывали определенный отпечаток и видимо придавали особенную трагичность произведению, звучащему из моих уст. В конце стихотворения, голос мой задрожал.

Простите мне... Я знаю вы не та,

Живете вы с серьезным умным мужем,
Что не нужна вам наша маята,
И сам я вам ни капельки не нужен.
Живите так, как вас ведет звезда,
Под кущей обновлённой сени.
С приветствием, вас помнящий всегда,
Знакомый ваш Сергей Есенин.

Закончив декламировать, я посмотрел на соседку-слушательницу. В ее больших глазах блестели слезы. Казалось еще чуть-чуть и от нахлынувших чувств и алкоголя, она бросится мне на шею. Чтоб не допустить этого я предложил еще выпить. Лена-Алена согласилась. Случайно взглянул в иллюминатор. Ночная земля была плотно укрыта грозowymi тучами, из-под которых каждую секунду пробивались яркие вспышки. Создавалось впечатление, что эти громадные всплески света не молнии, а дело рук человеческих. Как будто внизу идет гигантская стройка башни до неба, на которой сварщики трудятся не покладая рук. Предложил соседке полюбоваться на эту красоту. Она наклонилась через меня к иллюминатору, и я ощутил ее горячее тело, как в прямом, так и переносном смысле этого определения.

Всегда чувствую, хочет меня женщина или нет. По каким-то вибрациям в теле, в воздухе я могу почти со сто процентной вероятностью определить степень заинтересованности моей персоной. В этой же ситуации не надо быть провидцем, чтобы классифицировать создавшуюся ситуацию. Два

одиноких человека летят на край света. Напились в самолете. Звучат стихи. Что может быть дальше? Вариантов не много. С одной стороны мне хотелось поскорее выкинуть из памяти бывшую любовь и новое увлечение в этом бы помогло. Но с другой стороны в первый день путешествия обременять себя новыми отношениями не хотелось. Лучше всего было не проявлять минутных слабостей, и хранить нейтралитет. По крайней мере пока.

После того, как мы налюбовались молниями, я предложил отдохнуть. Спутницу конечно это расстроило, но виду она не подала. Пошутила, что никогда не занималась сексом в самолете и, откинув подлокотник, положила на мои колени маленькую подушку, а затем и голову. Со стороны можно было подумать, что мы супружеская пара, которая в браке не первый год и поэтому жена спит на коленях у мужа. Но я не сопротивлялся и через минуту заснул.

Проснулся от фразы «sausage or omelet?». Открыв глаза, обнаружил, что мой столик уже откинут и на нем стоит запотевшая банка китайского пива. «Вот это сервис» – подумал я, открывая пиво. За один присест опустошил содержимое. Рыжая любовалась мной и ждала благодарности. Как только газированный напиток подействовал, и боль временно оставила мою голову, я принялся хвалить спутницу.

Через два часа мы приземлилась в Шанхае и пересели на рейс «Шанхай – Куала Лумпур». В этот раз я сидел с мусульманской семьей, а рыжая оказалась в хвосте самолета.

Всю дорогу до столицы Малайзии я проспал.

Паспортный контроль прошли быстро, и через десять минут я уже вдыхал влажный экваториальный воздух Индонезии.

Принимающая сторона оказалась двумя итальянцами, которые женились на местных девушках и организовали туроператорскую компанию. Долгое время они работали с Европой и вот решили замахнуться на Россию. Для этого был организован рекламный тур с участием российских руководителей. Хозяин компании был улыбочивый мужчина лет пятидесяти, армяно-еврейской наружности, с загорелой лысиной и пузом. А вот его партнер и по совместительству директор предприятия был настоящим красавцем. Сейчас в моде или точнее сказать в тренде другой типаж. Покоритель женских сердец должен быть лысым по физиологии или убеждениям с накаченным, а лучше перекаченным телом, которое изобилует огромными наколками. Такой образ тиражируется в медиа пространстве и очень нравится молодым девушкам. Наш же «мачо» был старой формации. Он не был накаченным, но даже мешковатая льняная одежда, не могла скрыть спортивная фигура итальянского Аполлона.

Длинные кучерявые волосы достигали плеч. Черные густые ресницы обрамляли большие карие глаза, а мужественные скулы украшала трехдневная небритость. Орлиный нос подчёркивал принадлежность к романским корням. Ну и конечно, как всех киношных персонажей его звали Марио.

При виде итальянского красавчика, все женское поголовье мгновенно поплыло. В первых рядах была Рыжая. Пока все окружающие курлыками вокруг, она не скрывая восторга, что-то шептала ему на ухо. При виде этой картины, желание продолжать с ней у меня окончательно пропало.

На глаза попался второй объект моего внимания – женщина, которую я выделил из общей массы в Домодедово. Во время стыковки она переделалась, в майку и шорты, обнажив ровные, чуть полноватые ноги. В отличие от остальных наших спутниц, она стояла в стороне и не мучила Марио своим вниманием.

Я подошел к ней. Вчерашний виски перемешанный с утренним пивом, придавал смелость словам и поступкам.

– Ну и как вам наша принимающая сторона? – начал я.

– Страна, как страна, – ответила незнакомка.

– Ну раз мы плывем в одной лодке, положение обязывает. Разрешите представиться, меня зовут Георгий, – соригинальничал я и протянул руку.

– Татьяна, – ответила женщина и чуть брезгливо пожала мне кончики пальцев.

После кратенькой беседы выяснилось, что Таня нотариус из Владимира. К туризму отношения не имеет. Решила развезься, и за полторы тысячи долларов присоединилась к нашей делегации.

«Красивая женщина, а путешествует в одиночестве. Возможно, несчастная любовь» – подытожил я про себя.

Таня была похожа на персонаж из каталога «Икеа», где на бежево-пастельном фоне стен и рациональной мебели сидит семья, такая же бежево-пастельная и рациональная. Лица счастливых обладателей чудо мебели, вылизаны «фотошопом», а одежда подобрана в тон дивана и штор. Кожа Тани была гладкой, как на картинке, а все, что на ней надето, «по-икеевски» сочеталось, от шлепок до ремешка часов. Несмотря на гляцевую внешность, она располагала к общению своим внутренним спокойствием. Ежедневно человек делает одни и те же гримасы (у большинства россиян это мина недовольства и раздражения). Это соответственно накладывает определенный отпечаток на выражение лица и поэтому соотечественника можно узнать в любой точке мира, по недовольной и злой физиономии (ну и по шортам конечно). У Тани на лице был отпечаток душевного равновесия. При детальном рассмотрении «волнующие формы» оказалось обманом. Дорогой качественный «push up» делал свое дело.

Когда наши женщины вдоволь накудахтались вокруг итальянского красавчика, и раскрыв рот, выслушали план мероприятий, мы двинулись в автобус.

По пути следования из аэропорта, русский предводитель нашей делегации немного рассказала о первом пункте нашего путешествия, городе Маллаке.

За последние шестьсот лет, в этом маленьком месте столько всего случилось, что хватило бы на десяток исторических книг и фильмов. Суматранский принц, Малаккский султа-

нат, португальцы, голландцы, англичане. Все эти события естественно наложили отпечаток на архитектуру. В одном маленьком месте умещались католические церкви, средневековые крепости, китайские храмы и мусульманские мечети.

Закончив небольшую импровизированную экскурсию, мы отправились в огромный пятизвездочный отель. После размещения в номерах принимающая сторона пригласила всех на ужин в ресторан.

С удивлением заметил, что в сопроводительных документах я был отмечен, как «VIP» персона. Непонятно почему, но мне предоставили шикарный люкс, поражающий своими размерами. Причем размещался я один, в отличие от остальных делегатов, живших парами. Случайность? Или может, меня с кем-то путают?

Настроение поднималось. Роскошный отель на краю света, компания практически из одних женщин, что еще надо?

На ужин наши женщины надели все самое лучшее. В красивом ресторане отеля для нас накрыли отдельный стол. Вначале принесли несколько видов салатов и рис распаренный в кокосовом молоке с рыбным карри. Затем подали речные креветки, жаренные в кунжутном масле и свинину, запечённую в печи с медом и местными специями. Запивали все это гастрономическое великолепие австралийским шардоне. Осмелевшие женщины наперебой произносили тосты о дружбе народов и будущем сотрудничестве. Марио, види-

мо привыкший к женскому вниманию, вел себя очень спокойно и совсем не пафосно. Рыжая сидела рядом и буквально пожирала его глазами, не обращая никакого внимания на меня. Складывалось впечатление, что мы вообще не знакомы. Меня это несказанно радовало! Нотариус Таня сидела напротив, и вела себя строго, как на официальном приеме.

Один из наших мужчин сидевший рядом, после очередного бокала вина стал ей говорить комплименты, но она не проявила никакого интереса, ограничившись фразой: «Спасибо». В какой-то момент она взглянула на меня, но быстро отвела взгляд. Я в свою очередь старался на нее не смотреть и весь вечер хранил молчание.

После ужина вернулся в номер. Накатила грусть. Мысли опять вернулись к Алене. «Почему она молчала? Почему ничего не объяснила? Может что-то случилось серьезное?». Я опять искал ей оправдание. Захотелось еще выпить. Заглянул в мини-бар. Только две банки пива, остальное сладкая газировка. Вспомнил, как во время безденежья напивался. Тогда я покупал две бутылки пива «Балтика 10» и положив их на несколько минут в горячую воду опустошал содержимое. Через десять минут наступала полная отключка. Наполнив раковину теплой водой, кинул туда пиво. Как только оно нагрелось, выпил.

Очнулся утром от звуков мусульманской молитвы. Не смотря на то, что Малайзия многонациональная страна, главной религией признан ислам и поэтому утром в любой точ-

ке страны тебя разбудит намаз. Причем народ здесь держат в строгости. Где-то читал, что в одном из штатов Малайзии местные власти приняли закон, по которому если мусульманин три раза пропустил пятничную молитву в храме, то тебя штрафуют и даже могут посадить в тюрьму.

Позавтракав, наша делегация двинулась осматривать памятники Малакки. Я безвольно плелся в конце нашей группы, не испытывая особого интереса к происходящему. Тридцатиградусная жара и жуткое похмелье делали свое дело. Один из представителей нашего немногочисленного мужского сообщества подошел ко мне.

– Сергей, – представился он и протянул руку.

– Георгий, – безрадостно произнес я, ответив на рукопожатие.

– Победоносец?

– Практически!

– Что, плохо? – произнес спутник.

– Да, – ответил я.

– Так выпей, – не понимая проблемы посоветовал новый знакомый.

– Нечего. Запасы на нуле, – резюмировал я.

– Какие проблемы? – сказал Сергей и достал из своего рюкзака небольшую пластиковую бутылку рома «Captain Morgan», – на, похмелись, но помни, неправильный опохмел приводит к запою.

Как приятна помощь от совершенно незнакомого челове-

ка. Вот если бы мы все так друг другу помогали и не только тогда, когда надо похмелиться.

Вспомнились стихи Макаревича: «Я вчера еще б чуть-чуть, помер, да похмелили кореша, мать их!».

– Начинал я, как и все, учась в «макаровке», с портвейна – продолжил разговор мой спаситель – потом пошла водка, а когда появились деньги перешел на «вискарь», но высший пилотаж – это ром, поверь мне! Я это понял, работая на Кубе. Представь, в семнадцатом веке ром пили не только пираты, но еще он входил в ежедневный рацион моряков английского королевского флота. Причем вначале пили чистый, но потом, в 1740 году адмирал Эдвард Вернон приказал разбавлять ром водой. И так продолжалось до наших дней. А отменили этот приказ недавно, только в 1970 году.

– Отменили приказ разбавлять? – пошутил я.

– Да нет, пить каждый день! – серьезно продолжал мой собеседник. – Знаешь, что такое грог? Это смесь рома с водой.

– Да ты что? А звучит красиво.

– У нас тоже алкоголь давали морякам. До революции по сто двадцать пять грамм водки на обед. А первый распорядился выдавать «хлебное вино» солдатам и матросам Петр Первый. Да и в наше время подводникам дают каждый день стакан сухого вина.

После непродолжительного экскурса в историю потребления алкоголя военными выяснилось, что Сергей тоже далек от туристического бизнеса. Он бывший моряк, сейчас пи-

шет книгу. Семьи нет, а путешествовать в одиночестве не любит и поэтому, имея друзей в крупном московском агентстве, присоединяется за деньги к разным делегациям.

Наша компания сделала небольшую остановку в китайском квартале. Пока все фотографировались возле буддийского храма, мы с Сергеем зашли в лавку, где продавали свежесжатые соки. Заказав два «ананасовых безо льда», мы украдкой глотнули рома. Я из бутылки, а Сергей из специально заготовленной посуды, где карибский самогон был перемешан с колой. Запили свежим соком. Я мгновенно почувствовал, что жизнь обретает краски.

У каждого напитка есть свой ассоциативный ряд. Водка – Россия, холод, медведи. Текила – Мексика, кактусы, мучачос. Ром – Куба, пираты, Барбадос.

Несколько лет назад мне в руки попала занятная книга, в которой подробно описывались история морского разбоя за последние триста лет. В отличие от других повествований о пиратских подвигах, там приводились исторические данные о личностях и событиях. Меня повеселили рассказы о двух антиподах, двух пиратах, бороздивших океанские просторы и грабивших корабли. У каждого из них был свой взгляд на употребление алкоголя.

Первый был Эдвард Тич, «не просыхающий» капитан по кличке «Черная Борода». От чрезмерного употребления алкоголя он выглядел демонически. Пил Тич постоянно. Даже в момент нападения на какое-нибудь торговое судно, он не

выпускал кружку с ромом из своих рук. Очевидцы рассказывали, что перед ответственным сражением он вплетал в свою бороду запальные фитили. Затем поджигал их и в клубах дыма, как сатана из преисподней, врывался в ряды противника. Прибавьте к этому два вечно красно-мутных глаза, которые горели раскаленными углями на фоне закопченной физиономии и включенных волос. Порой матросы атакованного судна, видя пьяное черное чудовище, сдавались без боя, не испытывая судьбу. Умер «Черная Борода» в тридцать восемь, не от цирроза печени, а от пяти пулевых ранений, не совместимых с жизнью.

Полная противоположность Эдварду Тичу пират Бартоломью Робертс, по прозвищу «Чёрный Барт». За свою недолгую жизнь он захватил более четырехсот кораблей. Это был самый удачливый пират за всю историю флибустьерства. Робертс разительно отличался от своих коллег того времени. Он был всегда хорошо одет, ненавидел пьянство и азартные игры. Сам не пил и никому не разрешал употреблять алкоголь на корабле. Не переносил сквернословие и имел превосходные манеры. Не смотря на особенности своей профессии, по воскресеньям проводил службы, почитая Бога. Все дивились его письмам написанным идеальным почерком. Бартоломью очень любил музыку и поэтому держал на борту музыкантов. Готовился к бою «Чёрный Барт», как к торжественному приему, не жалея дорогие наряды для битвы. Он очень любил надевать алый [камзол](#) расшитый золотом и [бриджи](#) из

расписного шелка. Голову всегда украшала роскошная шляпа с красным пером. На шее гламурного пирата красовалась золотая цепь с крестом, усыпанным бриллиантами. В бой Робертс шел, держа в руке натертый до блеска меч, а на перевязях красовались две пары дорогих инкрустированных золотом пистолетов. Иногда в преддверии штурма на палубе звучала музыка. Увы, здоровый образ жизни и отличные манеры не спасли пирата от английской картечи. В тридцать девять он был убит.

По иронии судьбы именно в тот день, когда «Чёрный Барт» принял смерть, впервые за последние годы большая часть команды была в «вусмерть» пьяна, отмечая большую добычу. В критический момент рулевой ошибся, подставив корабль и капитана под огонь английских пушек.

Прежде чем покинуть помещение, пропитанное свежими фруктами и соками, мы еще раз пригубили рома. Повеселев, я пропел финал пиратской песни Владимира Семеновича:

И прямо в грудь себе, пиратов озадачив,

Он разрядил горячий пистолет

Он был последний джентльмен удачи

Конец удаче. Джентльменов нет!

Остаток дня я провел в обществе Сергея и «Капитана Моргана», не обращая внимания на окружающих.

Вечером мы отправились в столицу Малайзии. Принимающая сторона поселила нашу делегацию в одном из лучших отелей Куала-Лумпура, пятизвездочном «Grand Hyatt». Мне

опять, как случайной «VIP» – персоне достался люкс. Из окна номера открывался потрясающий вид на фантастическое творение рук человеческих Башни-Близнецы «Петронас». На фоне ночного города, пестреющего разноцветным неонам, эти черно-белые изваяния выглядели, как декорация к фантастическому фильму. Находясь в дорогом номере, переполненный эмоциями и киношными видами на секунду я ощутил себя Джеймсом Бондом, прибывшим в Юго-восточную Азию со спецзаданием. Но в реальной жизни «спецагента» все бросили. Не было, ни нормальной работы, ни любимой женщины.

Следующий день прошел в рабочем порядке. Мы осмотрели достопримечательности, побывали в нескольких крупных отелях. Куала-Лумпур произвел впечатление, но по большому счету не понравился. Бездушный бетонно-стеклянный азиатский мегаполис. Машины, пробки, спертый влажный воздух. Мечети, небоскребы, монорельс проносящийся над головой. Все это было похоже на сцены из фильма о нашем невеселом бетонном будущем.

Ужинали в китайском ресторане. Наша делегация с шумом разместилась за двумя круглыми столами. В этот раз мне случайно досталось место рядом с принимающей стороной. Таня села, напротив. Рыжая, не отходившая от Марио ни на шаг, задержалась перед зеркалом, и оказалась разлученной с предметом своего обожания. Свободным был только стул за соседним столиком. Рыжая подошла ко мне и су-

рово сдвинув брови произнесла:

– Давай поменяемся.

– Не-а! – мелко отомстил я.

В этот вечер нам подали курицу «гунбао», свинину «посычуаньски» и карпа в кисло-сладком соусе. Ну и рис конечно! Какой же азиатский стол может обойтись без этого продукта?

Вместе с аперитивом в виде сливового китайского вина, ко мне пришло безудержное веселье. Я развлекал публику, произнося невпопад все, что приходило на ум по-итальянски. К своему удивлению, вспомнилось достаточно много слов и фраз из итальянских песен и фильмов. Соотечественники «ржали» и соревновались, вспоминая до боли знакомые «итальяно веро», «пронто, перке», «буаносейро сеньёрито», «прима вера», «джелато чоколато». Но апогеем веселья стал пересказ анекдотов с русского на английский. Самым смешным оказался анекдот про зайца. По-русски он звучал так:

«Идут кабаны по кабанячей тропе, на встречу заяц. Заяц спрашивает у кабанов: «Проблемы есть?», кабаны отвечают: «Нет!», заяц в ответ: «Раз проблем нет, сало свободно!». На следующий день идут опять кабаны по кабанячей тропе, на встречу заяц. Спрашивает: «Проблемы есть?», кабаны отвечают: «Нет!», заяц им: «Раз проблем нет, сало свободно!». На третий день опять кабаны идут по кабанячей тропе, на встречу заяц. Спрашивает: «Проблемы есть?», кабаны отве-

чают: «Нет!», заяц им еще наглее: «Раз проблем нет, сало свободно!». Побежали кабаны жаловаться к волку. Говорят: «Что за хрень? Заяц «быкует», ведет себя, как самый крутой в лесу!?!». Волк отвечает: «Заяц? «Быкует»? Разберемся в одно касание!». Наутро побежал волк с кабанами по кабанячей тропе. На встречу традиционно заяц. Спрашивает: «Проблемы есть?». Волк поднимается и отвечает: «Проблема есть!». Из-за зайца встает медведь и говорит: «Сало свободно, проблема осталась!».

Помимо русского варианта, всех довел до истерики мой английский пересказ этого анекдота. Итальянцы суть поняли, но почему у нас такая реакция, на взаимоотношения зверей уяснить не могли.

Все веселились, кроме рыжей Лены-Алены. Она грустно жевала курицу, потому что Марио не смотрел в ее сторону, а веселился, слушая мои глупости. После часового ёрзания на стуле, она решила напомнить о себе окружающим, предложив сдвинуть наши столы. Официанты, долго не могли понять, зачем это надо. Те, кто были в китайских ресторанах, видели, как выглядит такой стол. Это тяжёлое, двухъярусное сооружение, в центре которого находится массивная ножка и круглая подставка. Но Рыжая не унималась и позвала менеджера ресторана. В конце концов, официантам всё объяснили и тяжеленные столы были придвинуты друг к другу, но на этом веселье закончилось. Запал мой иссяк.

Остаток вечера я пытался ненавязчиво ухаживать за Та-

ней, подливая ей вино. Она не противилась, но вела себя сдержано.

После ужина, расставшись с итальянцами, мы решили всей компанией прогуляться по улицам ночного «Кей-Эл» (так называют местные жители Куала-Лумпур). Я шел рядом с Таней, но всю дорогу молчал. В фойе отеля галантно распрощался и ушел к себе. Нужно было выспаться. Утром мы летели на Борнео.

Первый раз, о существовании этого острова, я узнал в детстве, читая книгу «Золотой теленок». В сцене, когда Бендер и Балаганов увидели Паниковского, идущего по бульвару «Молодых дарований», великий комбинатор спросил: «Ну и кто это? Губернатор острова Борнео?». Тогда, будучи школьником, живущим в Советском Союзе, я не представлял, где находится этот остров. А думать о том, что когда-нибудь окажусь на Борнео, мне и в голову не приходило.

После завтрака, нас усадили в красивый микроавтобус и отвезли в аэропорт.

Накупив в «Duty Free» алкоголя и шоколада на год вперед, наша веселая компания села в самолет.

Через час полета из моего иллюминатора открылся вид на чудесный остров.

Долгое время я не мог понять, почему у Борнео два названия. Самое простое, что приходило в голову, это то, что остров в какой-то момент переименовали. Во время традиционной кратенькой экскурсии по прилету Света сообщила,

что малазийцы называют остров Борнео, а вот индонезийцы Калимантан.

Из аэропорта Кота-Кинабалу нас привезли в красивый отель на берегу Южно-Китайского моря. После того, как все разместились в номерах, делегация полным составом побегала купаться. На экваторе солнце садится круглый год в одно и то же время, примерно в семь часов вечера. К моменту начала нашего купания, мировое светило прерывало свой дневной ход и неторопливо катилось за горизонт, пробуждая страны западного полушария.

Погода была чудесная и мы стали свидетелями красивейшей картины экваториального заката. По всей линии горизонта невидимый художник размазал широкой кистью красно-желтое месиво воздушно-масленных облаков, не соблюдая законы жанра и пропорции.

Как-то я увидел надпись на двери конкурсной комиссии, отбирающей работы начинающих фотографов: «Закаты и восходы не принимаются». Возможно, в чем-то они были правы. Все закаты по большому счету одинаковы, разница лишь в пережитых эмоциях и состоянии на момент исчезновения верхнего края светила под горизонтом. В большинстве своем, запоминается с кем, когда, и где, ты увидел этот закат, а не то, что было в этот момент на небе.

Я сидел на берегу вдалеке от нашей группы, опустив ноги в теплую воду на стыке Индийского и Тихого океанов. В памяти вдруг всплыли картины из детства, когда во время

летних каникул, мы с отцом гостили у тетки и по вечерам ездили купаться на Цимлянское водохранилище. Каждый раз, заходя в воду, отец приговаривал: «А водичка то парное молоко!». Та водичка была холодновата, а вот здесь действительно «парное молоко». Стемнело. Не торопясь я зашел по грудь и нырнул в темную бездну колыбели человечества. Под водой почувствовал себя удивительно комфортно, как ребенок в утробе матери. Казалось, теплая пучина забирала от меня все мои беды и невзгоды. Я обнулялся и обновлялся для новой жизни.

На ужине встретил Таню. Перекинулись парой фраз. Видел рыжую фанатку Марио. Итальянцы на Барнео не полетели, и поэтому она безрадостно ковырялась в еде.

На следующий день нас решили развлечь рафтингом. Представитель принимающей компании, малайка по имени Чан повезла нас к одной из бурных рек острова изобилующей порогами. Половина соотечественников отказалась от этого опасного развлечения, остальные же, облачившись в спасательные жилеты и каски, направились к надувным плотам. Когда распределялись группы, Таня почему-то настояла, чтоб я был рядом. Из инструктажа, произнесенного на беглом английском, я понял, что в случае если кто-то упадет за борт, ему рекомендовалось двигаться по течению вперед ногами, чтобы не повредить позвоночник. Тем же, кто остался на плоту, надлежало подать товарищу весло и втащить его на борт.

Помимо меня и Тани в плот забрались две не молодые женщины спортивного вида из нашей делегации, а на корме уселся малаец, который выступал в роли рулевого и спасателя на случай непредвиденных обстоятельств.

Первые пороги мы кое-как прошли, хотя слаженности в наших действиях не было. Каждый грёб, как мог и хотел, не обращая внимания на движения товарищей. Второе водное препятствие преодолели уже лучше, а вот во время третьих порогов река поворачивала, и мы замешкались. Нас развернуло и Таня, потеряв равновесие, вывалилась за борт. Я мгновенно вскочил и, размахивая веслом, бросился спасать владимирского нотариуса, не обращая никакого внимания на то, что вокруг сидели люди. Во время моего резкого подскока я случайно столкнул в воду женщину, сидевшую рядом на надувном борте, даже не заметив этого от волнения. Второй коллеге, разворачиваясь, залепил веслом по голове, так что она потеряла ориентацию и тоже упала в воду, благо на ней была каска. Но и этот казус остался без моего внимания. Все силы были направлены, на спасение Тани, которая удалялась от нашего плавсредства. В результате моей спасательной операции на плоту остались только я и малаец, который с ужасом смотрел на все происходящее. А плот тем временем нёсся вперед к новым порогам. Таня смогла подплыть и уцепиться за моё весло. Малаец кинулся помогать, и мы кое-как втащили ее на плот. Остальные участники заплыва, барахтались в воде, изрыгая проклятья в мой адрес.

А пороги тем временем были все ближе и ближе. Как можно быстрее, теперь уже втроем, мы вытащили из вод бурной реки, двух злых матерящихся женщин. Все настолько были вымотаны и истощены произошедшим, что к моменту прохождения очередных порогов были не в силах держать в руках весла и просто сидели на бортах плота. Малаец, видя, что мы не горим желанием бороться со стихией, умело орудуя веслом, как рулем, провел нас безопасной траекторией.

Пороги закончились, и наш плот спокойно поплыл по течению, открывая прекрасные виды дикой природы Малайзии.

Отдышавшись, но не успокоившись, одна из женщин раздраженно спросила:

– Ты что идиот?

– Видимо да, – ответил я, не отрываясь от созерцания диких буйволов пришедших на водопой – а вы знали, что в Древней Греции «идиотами» называли людей не участвующих в общественной жизни?

– Да пошел ты! – крикнула обиженная женщина и столкнула меня веслом в воду.

– Вот она, русская интеллигенция, – ответил я уже из воды, и добавил, – а водичка, то парное молоко!

В конечной точке нашего путешествия нас ждали сухие вещи, жаренные цыплята и холодное местное пиво. Когда все переоделись и сели за стол, накрытый в тени огромных деревьев, разговоры были только о том, как я, спасая од-

ну женщину, чуть не угробил двух других. Глотнув пива, я стал виновато оправдываться. В ответ, женщина которая была брошена мной за борт, мстительно произнесла, обращаясь ко всем представителям нашей делегации: «Друзья мои, если вдруг вы окажетесь в одной лодке с господином Кирсановым, и он вдруг начнет кого-то спасать, не дожидайтесь худшего, сразу прыгайте за борт, это безопаснее!». На этом издевательства надо мной не закончились. Появились свидетели, которые видели с плота идущего сзади, как я разбрасывал женщин по сторонам. Народ не скупился на эпитеты, описывая мои подвиги: «как слон в посудной лавке», «спасатель с грацией бегемота» и так далее и тому подобное.

В этот день я стал «героем дня», хотя и со знаком минус. Но зато теперь абсолютно все знали, как меня зовут. Да и потом, отрицательная реклама, это тоже реклама. В конце экскурсии, импозантная крупная дама из нашей группы, подошла ко мне и тихо спросила, придавая голосу романтические нотки:

– Георгий, если я окажусь в беде, вы будете меня спасать как Татьяну? Я бы очень хотела.

– Конечно, можете не сомневаться, – вежливо ответил я.

– Меня зовут Римма.

– Очень приятно.

Таня тем временем хранила молчание.

По возвращению с рафтинга нас ждал ужин, накрытый возле бассейна. Всё было обставлено с налетом роскоши. Ве-

чер больше напоминал прием у миллионера, чем обычный прием пищи в отеле. Здесь было всё, что могла пожелать душа и желудок! Голубые крабы, тигровые креветки, красная рыба на гриле. Невдалеке, под открытым небом расположились несколько павильонов представляющих кухни Италии, Японии и Китая. На столе, ломившемся от экзотических фруктов, бил фонтан из шоколада. Чопорные официанты разносили всем розовое шампанское. Я задал вопрос администратору, по какому случаю праздник. Он ответил, что раз в неделю они устраивают ужин у бассейна для всех постояльцев отеля. Особенный «романтик» придавал вид двух небольших шатров, поставленных у кромки воды, для пар решившихся уединиться от этого «праздника живота». Ветер трепал большие куски белой материи, обнажая силуэты влюбленных, а может не влюбленных людей, сидящих друг напротив друга. К шатрам время от времени подходили музыканты с акустическими гитарами, которые пели популярные «Отель Калифорния», «Yesterday». Затем пошла «попса». Очень насмешил их акустический вариант «Oops!.. I Did It Again». Как выяснилось позже, в Малайзии все музыканты – филиппинцы. Местные практически не выступают.

Я сидел за столиком вместе с Риммой и Сергеем. Бывший моряк говорил без умолку, рекламируя нетрезвый образ жизни, время от времени подливая себе в стакан что-то из своей пластиковой бутылки. Римма тем временем с ожесточением крушила на мелкие части крепкие панцири и клеш-

ни крабов. Иногда она отрывалась от десятиногих ракообразных испуская в мою сторону флюиды.

– Риммочка, не мучайте краба, – не выдержал Сережа, – возьмите его нежно в руки, надавите ему под глаза, панцирь сам откроется. Но учтите, большое потребление белка чревато!

– А я сублимирую! Хочу мужика, а отрываюсь на крабах.

– Мне эту фишку показали во время моего первого дальнего похода, – продолжил экс-морьяк, – там у краба под глазами какие-то косточки, их ломаешь – панцирь открывается.

И действительно следующая жертва «белкового удара» после несложных манипуляций открылась, как шкатулка.

– Спасибо Серж, ты душа! – молвила пожирательница беспозвоночных.

Пустые разговоры и морепродукты мне быстро надоели. Клубника, искупанная в шоколадном фонтане, радости тоже не принесла. Есть мне больше не хотелось, и после нескольких бокалов шампанского я решил побродить вдоль берега. Откуда не возьмись, появилась Таня. Она взяла меня за руку и произнесла:

– Георг, можно я с тобой прогуляюсь?

– Конечно, – с радостью ответил я, заметив, что глаза Тани блестели легким алкогольным возбуждением.

– Я тебя не поблагодарила, за мое спасение. Спа-си-бо! – сказала она в «растяг» и чмокнув меня в щечку к моему великому удивлению стала петь:

Спасибо вам и сердцем и рукой,
За то что вы меня не зная сами так любите!
За мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наше не гулянье под луной,
За солнце не у нас над головами.

– Всегда думал, что там по тексту «сосны не у нас над головами», – перебил я спутницу, подсознательно не желая услышать «я увы больна не вами», – а я вот совсем недавно прочитал отрывок которого не было в фильме.

– Это какой?

– Мне нравится еще, что вы при мне,
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне,
Гореть за то, что я не Вас целую,
Что имя нежное моё, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе
Что никогда в Церковной тишине
Не пропоют над нами: «Аллилуйя».

– Да, Цветаева великая поэтесса или правильно говорить поэт? – спросила Таня.

– Не знаю, лично мне из «серебрянного века» нравится Нимфа Бел-Конь Любомирская, – блеснул я эрудицией.

– Нимфа Бел-Конь? Георг! Нет такой поэтессы. Ты её сейчас придумал? – возразил владимирский нотариус.

– Нет, не выдумал, это была жена поэта Сергея Городецкого.

го. Красивая женщина. У Репина есть картина «Поэт С. Городецкий с женой». Нимфа Бел-Конь Любомирская ее псевдоним. Забавно правда? А стихов ее, честно говоря, никогда не читал – смеясь, признался я.

– Теперь я тебя буду звать «Георг Пятый, Бел-Конь»! – весело произнесла Таня и брызнула на меня водой.

Стемнело. Мы достаточно далеко отошли от отеля и решили, что пора возвращаться.

– Тань, а ты чего такая красивая и одна? – поинтересовался я.

– С чего это я одна? Ты рядом? – отшутилась спутница.

– А если серьезно?

– Гера, все у меня есть: машина, работа, хороший дом, хороший мужик! Все есть, просто отдыхаю! Вопросы еще есть?

– А дети?

– Детей нет, и наверно не будет. А давай искупнемся?

– Сейчас? Здесь? – почему-то испугался я.

– Как хочешь, давай в отеле. Я схожу в номер, переоденусь. Или ты хотел здесь? Гольшом?

На секунду показалось, что Таня хочет «здесь» и «голышом». Но в моей крови было мало алкоголя, а значит и храбрости. В последнее время эти два понятия были неразрывно связаны.

– Танюш давай в отеле, – замялся я.

Через полчаса мы нежились в прохладной неге бассейна с прекрасным видом на звездное небо и черную морскую

пучину, бурлящую неподалеку. Столы, шатры и павильоны убрали. Свет притушили. Сытые постояльцы отправились спать. В бассейне кроме меня и Тани никого не было. Я поймал себя на мысли, что на какое-то время перестал думать об Алене. Новые места и романтические отношения вытеснили старые грустные воспоминания.

Таня о чем-то задумалась, глядя на звезды, и я стал украдкой рассматривать, в слабо освещенной воде бассейна, изгибы тела своего нового платонического увлечения. Для своих лет, она выглядела хорошо. Может потому, что закрытый черный купальник подчеркивал все достоинства фигуры и скрывал недостатки. Тонкая талия, округлая задница, чуть полноватые, но ровные ноги. Короткие, светло-русые волосы, делали ее похожей, на шведскую кинодиву Ингрид Бергман. Таня повернулась и спросила:

– Ну что, я тебя нравлюсь?

– Конечно, – ответил я, не задумываясь.

С грацией русалки, она подплыла ко мне и, обняв руками за шею, нежно поцеловала меня в губы. Я прильнул всем телом к мягкой, комфортной, как кашемировое одеяло, женщине. От нее веяло тропической свежестью, перемешанной с еле уловимым, французским провансом. Не успел я насладиться «обменом душами» (так образно называл поцелуи Платон), как за спиной послышалось:

– Ну, и от чего ее ты сейчас спасаешь? От одиночества?

Мы обернулись и увидели Римму в махровом халате, сто-

ывшую у кромки бассейна. Таня быстро засобиралась. Я подал ей полотенце и хотел на прощанье чмокнуть в щечку, но она увернулась. Тем временем Римма скинула с себя халат, обнажив арбузную грудь и хорошо закамуфлированную жиром талию.

– Георгий, спаси меня, – взвизгнула она и плюхнулась в бассейн, вытеснив значительную часть жидкости.

– Извините меня, жутко хочу спать. Завтра чуть свет вставать, – стал оправдываться я.

Глядя на огромный бюст Риммы, вспомнилось, как один фольклорист писал про русалок: «цыцки большие-большие, аж страшно».

Таня ушла. Я тоже медленно поплелся в номер. «Прелести дня закончились. Больше ничего не будет. Надо спать!».

На следующий день, с первыми лучами солнца, мы отправились в аэропорт. К обеду наш маленький винтомоторный самолет приземлился в Тавау, на другой стороне Борнео. Из аэропорта повезли на старом микроавтобусе без кондиционера в сопровождении гида китайца по имени Ли. Несмотря на открытые окна, внутри пахло потом и рисом. На потолке красовались два вентилятора, которые лениво гоняли горячий воздух. После «виповских» автобусов Куала-Лумпура эта развалюха приводила в ужас в первую очередь вопросом безопасности поездки. Гид раздал всем по бутылке холодной воды и радостно сообщил, что на месте мы будем часов через пять. Мгновенно вспотевший народ роптал, но делать было

нечего. Назад пути не предполагалось.

На протяжении всего дня, начиная с завтрака, Таня не обращала на меня никакого внимания. Случай в точности напоминал ситуацию с «рыжей». Ночью стихи, объятья, а на утро полная амнезия. Создавалось впечатление, что вчера она была просто пьяна, а сегодня виновато прятала глаза, чтобы не давать мне никакой надежды. Я, видя такое отношение, в глаза не заглядывал и внимания не оказывал.

Плестись пять часов в жаре на голодный желудок было скучно и тоскливо. Я демонстративно распаковал свою бутылку «огненной воды», и обратился к согражданам:

– Давайте выпьем!

К моему удивлению инициатива была мгновенно подхвачена. Откуда ни возьмись, появились пластиковые стаканчики, колбасная нарезка, шоколад, печенье. Компания, пьющая не первый день превратилась в единый четкий механизм. Кто-то разбавлял «Мартини» апельсиновым соком, кто-то ром колой. Даже женщины, не замеченные в употреблении алкоголя, повинувшись единому порыву, открыли бутылку сладкого португальского портвейна. Бокалы были полны и я, взяв на себя роль тамады, предложил выпить: «За наше единение!». Все выпили. Жара вкупе с алкоголем мгновенно отразилась на настроении. Через минуту все радостно зашебетали, разбившись по парам, причем беседа велась не обязательно с человеком, который сидел рядом. Затем любвеобильные россияне стали угощать водкой и колбасой гида.

Он отбивался, как мог.

– What is it? – обратился он ко мне.

– Tradition, – ответил я.

Конечно, напиваться в «убитом» микроавтобусе в тридцатиградусную жару – это далеко не русская традиция, но что еще я мог ответить малайскому китайцу!?

Таня выпила немного текилы, закусив шоколадкой, но в мою сторону по-прежнему не смотрела. Я огляделся. Все были заняты какими-то разговорами и не обращали на меня никакого внимания. Даже «рыжая», скучавшая по красавцу Марио, присоседилась к Сергею, который читал лекцию двум малопьющим женщинам о происхождении портвейна. В надежде хоть на какое-нибудь общество, я обратил свой взор к Римме, но не тут-то было.

– Ну что дамский угодник? Все тебя бросили? – съязвила она торжествуя.

Я отвернулся и хлебнул яду.

За пять часов дороги, в жуткой жаре, нас окончательно развезло, и по прибытию вся делегация вышла из микроавтобуса буквально «на рогах». Встречали нас, как ни странно, итальянцы, которые прилетели в Тавау из Куала-Лумпура на день раньше. Больше всех естественно радовалась рыжая Лена-Алена. Она буквально повисла на Марио и бессовестно лезла к нему целоваться.

Видя непотребное состояние всей группы, принимающая сторона отвела нас в местный ресторан. Зеленый чай со

льдом в конце трапезы, оказал легкое отрезвляющее действие. Перед тем как отправиться дальше, итальянцы предложили всем надеть купальники и плавки. Народ воспринял возможность раздеться с радостью.

Разместившись на большом катере, мы отправились в конечную цель нашего путешествия – отель, находившийся на маленьком острове. Время в пути предполагалось три часа. Я сидел в стороне от нашей группы, смотрел на волны, грустил и обижался. Географически мы были в Тихом, самом большом из четырех земных океанов. Видимо это обстоятельство добавляло моей обиде масштабность. Всмотриваясь в бескрайние морские просторы, усыпанные точками необитаемых островов, я корил себя за то, что теперь, даже самая незначительная неприятность может вывести меня из состояния равновесия.

Обиды и самокопания были прерваны внезапно образовавшейся тишиной. Ревущий двигатель замолк, катер лег в дрейф. Нам предложили искупаться, раздав маски и трубки. Желающие могли взять ласты. Я облачился во все, что предлагалось, и аккуратно соскользнул в океанскую воду.

Подводный мир – второй космос. Каждый раз убеждаюсь в этом, очутившись в морской пучине. Погрузившись на глубину чуть более двух метров, моему взору открылась удивительная картина подводного царства изобилующего сотнями разноцветных рыб и морских гадов. Кораллы в свете солнца, пробивающегося сквозь линзу воды переливались всеми

цветами радуги.

Увлечшись исследованием морской фауны, я удалился от катера. В момент очередного погружения, внизу под мной вдруг возникло нечто человекообразное с хвостом. «Русалка» – мелькнула голове нетрезвая мысль. Хотя, откуда здесь, в Тихом океане взяться русалке? Это же персонаж славянской мифологии, а не малазийского эпоса! При детальном рассмотрении полуженщиной-полурыбой оказалась представительница нашей группы. Звали её Вера. На протяжении всей поездки я не обращал на нее никакого внимания, но тут, она предстала передо мной в совершенно ином облики. Скорее всего, в молодости, занимаясь подводным плаванием, Вера приобрела навыки «русалочного» стиля ныряния. Иначе как объяснить такую технику? Она грациозно поднималась на поверхность, чтоб глотнуть воздуха, а затем, сложив ноги вместе, образуя лапами подобие хвоста, опускалась на дно. Зрелище это завораживало не меньше, чем пестрый мир Тихого океана.

В прекрасном расположении духа я вернулся на борт нашего судна, одним из последних. Соленая океанская вода и насыщенный йодом воздух сделали свое дело. Частыми глубокими вдохами, я провентилировал легкие, и кровообращение пришло в норму, давая возможность голове разгрузиться.

Через час мы подошли к острову Матакинг. Отель под названием «The Reef Dive Resort» встретил по-домашнему ра-

душно. Весь персонал выстроился на пирсе, приветствуя нас. За десять минут нас разместили. Мне достался просторный номер с названием «Wild Rose».

Дело в том, что на маленьком острове, который можно было обойти за пятнадцать минут, располагалось всего двенадцать домиков типа бунгало для приема гостей. В каждом номере могли жить два-три человека. Путем не сложных математических подсчетов можно вычислить, что остров ежедневно принимал двадцать пять, максимум тридцать гостей. Видимо, чтобы создать доверительную домашнюю атмосферу хозяева отеля присвоили каждому домику имя собственное. Так что я жил в доме «Дикой Розы». По соседству, в доме «Веселой Мэри», разместились Таня с Верой.

Отель специализировался на дайверах, но так как официальный сезон еще не начался, кроме нас на острове практически никого не было.

Огромная веранда у пирса использовалась в качестве столовой, стойки «reception» и площадки для развлечений. Именно там, для нас накрыли ужин, который представлял собой тропический «шведский стол». Столы были усыпаны морскими яствами. Центральное место занимала огромная «рыба-капитан» приготовленная целиком, уложенная в деревянную тарелку, стилизованную под пирогу.

В середине ужина предполагалась маленькая культурная программа, созданная силами работников отеля.

Первым номером было исполнение песни «Without you»,

некогда потрясшей мир в исполнении Мэрайи Кэри. Певца и по совместительству бармена, не смутила сложность песни. Он пел непростое произведение, подыгрывая себе на гитаре. В момент, когда нужно было «забраться наверх» и взять высокую ноту, он просто чувственно фальшивил, возможно, даже не понимая, что до оригинала ему никогда не дотянуть. Потом были традиционные «Отель Калифорния» и «Yesterday». Несмотря на помарки, всем его искреннее пение очень понравилось. Вторым номером был танец. Три молодые работницы кухни совершали простенькие движения под популярную малайскую песню в стиле диско. Не было и намека на слаженность танцевального коллектива, но искренность, с которой они делали свое дело, приводила в восторг.

В этот вечер со мной за одним столом сидели Таня, Римма, Сережа и Олег – третий мужчина нашей делегации, который на протяжении всей поездки пытался ухаживать за владимирским нотариусом. Это был мужчина лет сорока с небольшим животиком. Длинные, редкие волосы он собирал в жиденький мышинный хвостик. Олег был учредителем какой-то небольшой туристической компании из Нижнего Новгорода. Общаясь с ним, складывалось впечатление, что он застрял в постперестроечном пространстве, и ждет «перемен», которые «требуют наши сердца». Несмотря на дикую жару, он всегда был в потертых джинсах и черной майке с изображением какой-нибудь рок-группы. При каждом удоб-

ном случае, Олег цитировал БГ и рассказывал о том, как чуть не стал рок-звездой. Перегар, курево и французский парфюм перемешанный с потом, создавали вокруг него неповторимое амбре.

В этот вечер все было, как обычно. Сергей вещал про свои алкогольные приключения, а неудавшийся рокер порывался спеть что-нибудь под гитару, и коряво осыпал комплиментами женщин, сидящих за столом. Римма изредка вставляла свое словцо в общий разговор и недобро поглядывая на меня. Таня, к моему удивлению, много пила и внимательно слушала всю эту чушь, не обращая никакого внимания на мою погрустневшую личность. В момент, когда она встала из-за стола за фруктами, я подошел к ней и спросил:

– Что случилось?

– Ничего! Ты о чем?

– Ты не хочешь со мной общаться?

– Гера, я тебе чего-нибудь обещала? Нет! Что ты хочешь?

– Тань! Но мне показалось!

– Тебе просто показалось! – отрубил она и вернулась к столу.

Олег приобнял Таню и спросил:

– Он что, к тебе пристаёт?

– Да, защити меня Олежа, – заверещала Таня неестественно писклявым голосом.

Больше сидеть за столом желания не было. Я встал и тихо произнес:

– Тань, можно тебя на одну минуту?

Владимирский нотариус закатила глаза и медленно выдохнула, всем видом изображая недовольство.

– Хорошо, только на одну.

Мы отошли несколько метров от пристани.

– Но почему? – произнес я.

Повисла пауза.

– Сложно с тобой Гера, сложно! А я на отдыхе! Все, минута закончилась! Давай, отдыхай!

Как удивительно быстро может перевоплотиться женщина из леди в пьяную неразборчивую бабенку. Да и с чего это я взял, что Таня леди? Хорошая одежда и гладкая кожа сейчас признак достатка, а не аристократизма. Как писал Лимонов: «Леди невозможно стать, ей нужно где-то тихо и робко родиться!».

Таня вернулась за стол, а я, расстроенный уселся на пирсе, любуясь переливами лунной дорожки, ведущей к вечной спутнице Земли. Оставалось несколько дней до полнолуния, и Царица Ночи отбрасывала яркий свет, озаряя бескрайний океан. Вспомнилось: «Если долго смотреть на Луну, то можно стать идиотом». Я решил не испытывать судьбу и пошел спать.

«Белый снег, серый лёд, на растрескавшейся земле!» – зазвучало мне в след. Видимо рокер выпросил у малайцев гитару и решил блеснуть! Я остановился и прислушался. Пел он не плохо. В припеве к нему присоединилось несколько

женских голосов.

Через два часа меня разбудил стук в дверь.

– Кто там?

– Это я, Сергей. Пусти переночевать. А то в нашем номере Олежа Таньку «жарит».

– А бутылка есть? – поинтересовался, понимая, что так просто мне сегодня не уснуть.

– Обижает! Я без бутылки не хожу!

Следующий день был свободный и не предполагал никаких перемещений. Можно было спокойно отдохнуть от переездов и перелетов, но я встал на удивление рано. На завтраке не увидел никого из нашей делегации. Видимо все отсыпались после бурного ночного веселья.

Поныряв в окрестностях острова с маской и трубкой, и быстро насытившись подводными красотами, я решил осмотреть местную достопримечательность.

Дело в том, что в километре от нашего острова-отеля, находился еще один остров, маленький и необитаемый. К нему можно было пройти по песчаной косе, которую еле еле прикрывала вода. О наличии тропы, соединяющей два острова, рассказал гид по прибытию. Никого не известив о своих намерениях, я отправился в путь. Идти по белому песку, чуть прикрытому теплой водичкой, было приятно. Размышляя о смысле жизни и созерцая бесконечные океанские горизонты, я быстро добрался к пункту назначения. Но, как только ступил на коралловый песок этого, не столь удаленного

от цивилизации острова, мною овладело странное чувство. Возникло ощущение какой-то неотвратимой беды. Беспокойство нарастало с каждой минутой! Все детские фантазии о необитаемом острове превратились в панический ужас. А что будет со мной, если я действительно останусь один на таком крохотном куске земли посреди океана? История Робинзона Крузо представилась в реальном, совершенно невеселом ракурсе. Быстренько осмотрев остров, я решил вернуться, но на обратном пути возникли сложности.

Возможно, если бы я поставил в известность работников отеля, о своем походе, меня бы предупредили об океанских течениях, отливах и приливах. Но я пошел сам по себе, никому ничего не сказав. Пройдя десяток метров в обратном направлении, обнаружилось, что уровень воды на косе соединяющей два острова стал внезапно повышаться. Если во время моего пути на остров вода была максимум по щиколотку, то сейчас уже поднялась до колена. Возвращаться в таких условиях было достаточно сложно, а вода тем временем, все прибывала и прибывала. Я рванулся изо всех сил, но пробежав несколько десятков метров по колени в воде, свалился от усталости, а останавливаться было нельзя. Образовавшийся поток мог утащить меня с косы, а значит лишить возможности возвращения на остров, где был отель. Выгрести в открытой воде против такого течения практически не возможно и меня просто бы унесло в океан, в лучшем случае до следующего необитаемого острова. Возникла мысль

вернуться назад, на необитаемую сушу, но я никому ничего не сказал, а значит, меня будут искать только вечером, а может вообще при отъезде. Вода поднялась выше колена. Возникшее течение настойчиво тянуло в океанские просторы. Каждый шаг давался все сложнее и сложнее. «Врешь, не возьмешь!» – «по-чапаевски» подбадривал я себя, хотя как говорят спортсмены, мои морально-волевые были далеко не на пиковом уровне. Частые пьянки и отсутствие постоянных физических нагрузок, сделали мое тело дряблым, неготовым к стрессовым ситуациям. На середине пути вода поднялась почти до пояса. Тело немело, ноги не слушались. Казалось, легкие уменьшились в размерах, и вдохнуть полной грудью уже не получится. На несколько секунд остановился. Сразу потянуло в сторону. Стал помогать руками. Надежды на «земное» уже не было! От отчаяния заорал изо всех оставшихся сил: «Господи, помоги!». И вдруг случилось чудо! Уж не знаю, что именно произошло в моем организме, но было очень похоже, что открылось «второе дыхание». У меня получилось вздохнуть полной грудью. Ноги заработали. Осталось метров двести. Уже отчетливо стали видны домики и люди. «Видимо рано меня списывать со счетов!» – радостно мелькнуло в голове. Последний рывок. Стало мельче. Вода уже ниже пояса, уже не так тянет, уже по колено. Не дойдя до острова метров пятьдесят, рухнул в воду. У берега течение было не таким сильным. Вода приятно омывала моё уставшее тело. Отдышавшись, я сел на задницу, и еще долго смот-

рел в океанскую даль.

Чуть позже выяснилось, что буквально неделю назад двое туристов застряли на этом острове во время прилива. Люди не решились на опасный переход и ждали, пока их не заберут. Обнаружили пропажу гостей только на ужине. Руководство отеля обратилось к военным, которые на катерах спасли людей.

После этого случая у меня в голове что-то перевернулось. Может быть шок, а может Промысел Божий заставил взглянуть по-другому на некоторые вещи. Голову заняли рассуждения о хрупкости человеческого существа, которое мнит себя неизвестно кем. Взглянув отстраненно, я пришел к выводу, что по масштабам Вселенной мы маленькие муравьишки, вцепившиеся в крохотный глиняный шарик, летящий в бескрайнем космосе. И несмотря на наши ничтожно малые, можно сказать микроскопические размеры, мы рассуждаем о механизмах зарождения вселенной, спорим с Всевышним, или еще хуже не верим в того, кто нас создал, погрязнув в пьянстве и разврате.

Мысли о том, что такое хорошо и что такое плохо привели меня к простому выводу – надо бросать пить! Употребления алкоголя – тупиковый путь, трусость, желание спрятаться в своей маленькой ракушке от проблем дня сегодняшнего.

Оставшиеся несколько дней нашего путешествия прошли в душевном равновесии и одиночестве. Я ни с кем не любезничал, никому не читал стихи, наслаждаясь красотами Ма-

лайзии, в трезвом уме и светлой памяти. Как только начиналось «веселье» я предупредительно уходил к себе в номер. Окружающие списывали мою перемену на неудавшийся роман с Татьяной, но я никого переубеждать не пытался. Мысли мои были уже далеко, на Родине, там, где были проблемы. Заканчивались деньги, разваливалась семейная жизнь. Нужно было что-то решать с убыточным бизнесом. А владимирский нотариус тем временем проводил все ночи и дни в обществе рокера и текилы.

На обратном пути, совершив три перелета, мы застряли в Шанхае. Рейс в Москву задержали на пять часов. Шли вторые сутки без отдыха. Всем хотелось быстрее запрыгнуть в самолет и заснуть на ближайшие десять часов. Но как только мы взлетели и поели, один из пассажиров начал дебош. Вначале он с кем-то пил, потом, как водится повздорил, а когда аргументы закончились, стукнул оппонента бутылкой. Благо голова пострадавшего была крепкая, и до увечий дело не дошло. Стюардессы и стюарты «China Airlines» спокойно стояли в стороне, не вмешиваясь, видимо ожидая первой крови. Причем место хулигана было в «бизнесе», но приключения он искал исключительно в «экономе».

Наскандалившись в хвосте самолета, дебошир перешел вперед, где сидела наша делегация. Большинство соотечественников видя, куда перемещается эпицентр скандала, укрылись одеялами и делали вид, что спят, дабы не поймать бешеный взгляд возмутителя спокойствия. Пройдя между

рядов, скандалист наткнулся на красивые открытые глаза владимирского нотариуса. Надо сказать, что мужчина, который терроризировал наш самолет, был красив, высок и очень хорошо одет. Женщина, сидевшая со мной, прошептала, что это известный московский игрок. Таня, пропитанная алко-голем, заинтересовалась красавцем, но через минуту пришла в ужас. Сразу после «шапочного знакомства» мужчина схватил ее за руку, и потащил в туалет. Таня упиралась и искала защиты, но окружающие только сильнее натягивали одеяла на головы, чтобы не быть втянутыми в историю. Все происходило буквально в трех креслах от меня.

Лет десять назад, на глаза мне попался репортаж, о том, как молодой парень погиб спасая детей из горящего поезда. Вездесущие репортеры, решили взять интервью у убитого горем отца. Седовласый старик со слезами на глазах сказал единственную фразу: «Я не научил сына прятаться!». Так вот и мой отец не учил меня прятаться, как бы высокопарно это не звучало! Кто-то должен был вступить за честь женщины.

Я поднялся и громко произнес:

– Оставь её, это моя женщина.

Красивый скандалист, чуть ослабил усилие по вытаскиванию нотариуса из своего кресла, но жертву из рук не выпустил. Повернув лицо, изобилующее правильными чертами в мою сторону, он произнес:

– Ты отвечаешь, что это твоя женщина?

Начинался разговор «по понятиям». Меня это совсем не радовало.

Я посмотрел в его глаза. Даже при тусклом свете видно было, что он не просто пьян, а обдолбан, какими-то тяжелыми наркотиками. Огромные зрачки делали его карие глаза черными, как у героев фильмов ужасов.

«Куда я лезу? Ради чего? Разве я заставлял Таню с ним любезничать?» – прозвучали в голове резонные вопросы. Возникла пауза и тишина. Казалось даже двигатели боинга стали работать тише, чтоб не пропустить кульминацию этой истории.

– Отвечаю, это моя женщина – произнес я, как можно убедительнее.

После этого зложелатель оставил Татьяну и подошел ко мне. Опершись на спинку кресла стоящего впереди, он стал молча смотреть мне в глаза. В мои планы не входило соревноваться в «гляделки» с таким опасным экземпляром и, открыв какой-то гляцевый журнал, я стал имитировать чтение, изображая совершенное спокойствие. На протяжении часа он стоял и сверлил меня своим обдолбанным взглядом, лишь изредка отвлекаясь на банку пива, которую брал у, вызванной с моей кнопки, стюардессы.

Честно говоря, я не на шутку испугался. Каждую секунду можно было ждать тычка, удара, выпада. Причем, если в обычной схватке ты хоть как-то можешь себя обезопасить стойкой уменьшающей площадь поражения, то здесь, про-

тивник находился надо мной и мог выкинуть все, что угодно. Начинать заваруху первому было как-то глупо. Человек стоит рядом ничего не делает. С какой стати я наброшусь на него с кулаками? Да и потом я был напуган. В любом поединке главное уверенность в себе, а в этой ситуации я морально проигрывал.

С одной стороны, если рассуждать «по понятиям» он был не прав, приставая к чужой женщине. Но с другой стороны я его обманул, эта была не моя женщина – значит не прав я. Причем всё это может очень быстро выясниться, когда проснется рокер или если в аэропорту Таню будет встречать муж. А если это действительно известный игрок, то он общается в тех кругах, где за свои слова «отвечают». Сейчас конечно не девяностые, но людей все так же калечат за любую мелочь! В таких грустных мыслях прошел еще час. На минуту демон отошел за очередной порцией пива. У меня появилась возможность размять тело и поменять позу. И тут вдруг, откуда не возьмись, появилась «Рыжая», видимо действительно задремавшая и пропустившая весь спектакль. Она осмотрела восхищенным взглядом на моего красивого недоброжелателя и произнесла:

– Мужчина, а вы мне не поможете? У меня там что-то с креслом. Не откидывается.

– Окей красотка, поможем! – бодро ответил мой страж, внезапно переключив все внимание на новый объект.

Какое-то время я сидел неподвижно, боясь спугнуть уда-

чу. Но потом все же решил обернуться и к своему изумлению увидел, что Алена-Лена пьет с дебоширом на последнем свободном ряду. Вот уж действительно: «не знаешь, где найдешь, где потеряешь».

В «Домодедово» прибыли уже за полночь. На паспортном контроле женщины нашей делегации высказывали, восхищение моим поступком и обещали помочь добраться по ночной Москве в любую точку. Таня тоже поблагодарила, но сдержанно без всяких эмоций. Случайно столкнулся с игроком, который шепнул мне: «Я за тобой наблюдаю!». От этих слов мороз прошел по коже. Вся надежда была на то, что вместе с коллегами я выйду из аэропорта и смешаюсь с общей массой встречающих и прилетающих. Но не тут-то было. Как только народ получил багаж, все разбежались в разные стороны. Те, кто обещали мне помощь, просто испарились. Была надежда на аэроэкспресс до «Павелецкого», но последний ушел тридцать минут назад.

В растерянности и одиночестве я стоял на улице, размышляя о том, как можно ночью добраться на «Казанский» с минимальными финансовыми потерями, потому как на самолет до Ростова у меня денег не было. И тут, как в кино, к главному входу в аэропорт, подъехали «гелендваген» и роскошный S-класс. Из черного джипа вылезли серьезные мужчины, которые быстро пошли навстречу какому-то важному прибывающему. Я отошел в сторону и оглянулся. Встречали нашего дебошира-игрока. Разные мысли посещали в тот мо-

мент мою голову, но главная была: «Жаль, что ничего путного я в своей жизни так и не сделал!». Мужчины обнялись, как старые знакомые, но все же чувствовалось «расстояние» между теми, кто приехал во внедорожнике и тем, кто должен был ехать в S-классе. Один из встречающих услужливо взял из рук важного человека большую кожаную сумку. Эскорт вместе игроком прошел буквально в метре от меня. Я замер. Непонятно откуда взявшаяся смелость, а может просто ступор и шок, не дали мне убежать в здание аэропорта. Когда мы были на одной ступеньке, недруг брезгливо кинул взгляд в мою сторону. Возможно «на земле» у него были более серьезные дела, чем разбираться со мной. Хотя многие сильные мира сего не гнушаются любыми разборками. Сердцебиение пришло в норму лишь через несколько минут после того, как «мерседесы» отчалили. Я отдышался и двинулся в путь.

Есть города, которые я так и не смог полюбить. Москва в их числе. Уж не знаю почему, но не лежит у меня душа к этому городу. Вот и в этот раз, «московское гостеприимство» было на высоте! Чтобы добраться на свой вокзал, мне нужно было проехаться на нескольких вонючих маршрутках со злыми людьми внутри. Добрых лиц не было. Видя моё загорелое лицо и красивые пакеты, половина пассажиров смотрела на меня, как на врага, половина, как на потенциальную жертву для нападения и грабежа. Но этим мои приключения не заканчивались. Прибыв на «Казанский», я не смог туда

зайти, потому что у меня не было билета. А билет купить не представлялось возможным потому, что в кассе был технический перерыв на полчаса. Ну как можно полюбить такой город? Где какой-то «бомжеобразный» тип спит на вокзале, а честный гражданин желающий воспользоваться услугами «РЖД» не может купить билет и войти в помещение. Почти через час в кассе появилась раздраженная женщина с выщипанными бровями, которая сообщила мне, что ближайший поезд в мою сторону будет только в восемь утра. Деваться было некуда! Мне предстояло семь часов ожидания. Почти двое суток я не спал, и любое сидячее, более-менее теплое место моментально проваливало меня в сон. Но физиологическое состояние покоя мне опять не светило. Несмотря на то, что вокруг был закон и порядок, чрево вокзала кишело разными паразитами. Уровень подозрительных личностей был, от простых бомжей, до карманников и кидал. Не успел я устроиться в кресле, ко мне сразу выстроилась очередь желающих пообщаться. Первыми были милиционеры. Они вежливо проверили мои документы и не найдя повода поживиться удалились. Как только стражи порядка отошли на безопасное расстояние, наступила очередь «темных сил». Криминальные элементы старались окружить меня заботой. Ненавязчиво предлагали выпить, поговорить, сыграть в карты.

Решив хоть как-то обезопасить себя, я попытался, присесть к небольшой компании, состоящей из молодых де-

вушек. Девочки в полном недоумении рассматривали, как я размещаюсь рядом с ними, и как только из моих уст прозвучало приветствие, схватив багаж, буквально сломя голову убежали в другую часть зала. А «нечисть» тем временем, видя мою сонливость и «дьюти фришные» пакеты подбиралась все ближе. Если рассудить здраво, то самое дорогое, что у меня было – это бутылка хорошего шотландского виски, которую я купил в Шанхае. Остальное – копеечные сувениры и летняя верхняя одежда. Из денежной массы осталась валютная мелочь и немного рублей на такси от вокзала домой. Но как это объяснить привокзальным мошенникам? Как только мои веки тяжелели, со всех сторон начинали подползать плохопахнувшие упыри. Видя мое состояние, они сопровождали меня по всему зданию вокзала. Как только я закрывал глаза, один из моих «сопровождающих» вроде как случайно придвигался ко мне.

– Что тебе надо мужик? – спрашивал я.

– Ничего мне не надо, просто сплю, – резонно отвечал он.

А я был близок к тому, чтобы «отрубиться». Не выдержав, я подошел к милиционерам и задал вопрос по поводу людей, которые ко мне все время подползают. Стражи порядка не заинтересованные в бесплатном решении этого вопроса, отбились общими фразами о своих должностных обязанностях. Но на упырей моя бдительность подействовала. Они отстали, дав подремать мне возле платного туалета.

В полвосьмого утра, я запрыгнул в свой поезд. В купе нас

было двое – я и веселый дядька, лет пятидесяти пяти. В ожидании попутчика он разложил на столе традиционную трапезу всех путешественников по рельсам – курицу в фольге и яйца. Венчала классический натюрморт, расположенный на откидном столике, бутылка запотевшей «столичной». Увидев мужчину спутника, он обрадовался, так как будто ему сообщили, что он выиграл в лотерею. Но у меня уже не было ни сил, ни желания с кем-либо общаться. Не смотря на его радушие и доброе расположение, пить и есть я отказался, сославшись на плохое самочувствие. Чтоб он окончательно отстал и дал мне поспать, пришлось подарить ему бутылку шотландского виски. Дядька долго рассматривал диковинную бутылку, и не понимая моего отказа, произнес: «Что даже по маленькой не пропустим? А пригубить?». «Извини» – ответил я и, забравшись на верхнюю полку, закрыл глаза. Попутчик все еще пытался меня уговорить, но мне уже снилась Алена, жена и московский игрок. Во сне они были почему-то знакомы, что меня очень расстраивало. После двух суток без сна я проспал всю дорогу. Проснулся на подъезде к Ростову. Взглянул вниз. Натюрморт преобразился. В центре столика лежала раскуроченная курица, которую видимо всю дорогу пытали, ломая позвоночник и вырывая ноги. Повсюду разбросана яичная скорлупа и пустые бутылки. Вчерашний дядька, облачившись в тельняшку и «треники» спал, издавая жуткий храп. На другой полке почивала не молодая женщина, еле прикрывшая маленькой простыней свое грузное тело.

По всему было видно, что она присоединилась к застолью и видимо «пригубила».

В Ростов прибыли в полночь. Как только ступил на перрон, в голову полезли мысли об Алене. Вслед за ностальгией по бывшей, накатило чувство вины перед женой.

Глава 15. Прощай турбизнес

Отдохнувшая супруга была рада моему возвращению. Она увлеченно рассказала о тех местах, где ей удалось побывать. Чужая страна и чужой воздух подействовали благотворно. Я в свою очередь тоже поделился впечатлениями. Казалось, семейная жизнь налаживается и одной проблемой стало меньше.

Наутро пошел в офис своего турагентства. Меня встретили расслабленные работницы и убытки. Несмотря на то, что клиенты были, расходы намного превышали доходы. Если год назад я мог себе это позволить, то сейчас такая роскошь была не по карману. За последние полгода я не заработал ни копейки, а только тратил, тратил и тратил. Можно было конечно уволить часть работниц и переехать в помещение поменьше, максимально сократив расходы. Но вместо спасения собственного бизнеса, я внезапно охладел к идее, зарабатывания на ниве туризма и решил продать турагентство. В этот момент, голову посетила еще одна «гениальная» мысль: «А что, если выступить посредником при продаже бизнеса?» Заплатив очередную аренду и зарплату работницам, я приступил к реализации нового проекта. За неделю мне сделали сайт с громким доменом mirbiznesa.ru. Параллельно я дал объявление в газете: «Покупаем-продаем бизнес». Все это естественно стоило денег, и не малых, но моя бурная натура

не слушала рассудок! Вместо реанимации готового предприятия я взялся за новое, совершенно незнакомое мне дело! Надо сказать, что для 2005 года купля-продажа бизнеса была неплохой и достаточно свежей идеей. Под этим соусом можно было выступать агентом в сфере продажи коммерческой недвижимости. Через две недели мой сайт пестрел внушительным списком желающих продать свой бизнес. Здесь было все от парикмахерских и аптек, до небольшого консервного завода. Особую гордость составляли объявления о продаже заграничного бизнеса. Ну и конечно же, центральное место было отведено продаже моего турагентства.

Желающих продать бизнес было много, а вот покупателей пока не было. Работницы потихоньку искали новые места работы, но убегать не торопились. А туристическое агентство, тем временем, продолжало работать. Меня, как руководителя, приглашали на выставки, семинары и конференции. Я с удовольствием ходил по всем этим мероприятиям, подсознательно желая, встретится с Аленой.

В один из дней на своем рабочем столе я обнаружил приглашение в клуб «Люди», где турецкие партнеры устраивали презентацию очередного нового «резорта». В то время отели в Турции росли, как грибы после дождя и турецкие маркетологи считали, что лучший способ продвигать их на российский рынок – это организовывать роскошные вечеринки для работников турбизнеса.

В назначенный день и час, надев все лучшее, что осталось

из прошлой жизни, я отправился на презентацию. Казалось, что именно здесь я встречу Алену.

Зайдя в огромное помещение клуба, традиционно обнаружил, что большинство приглашенных – женщины.

Началась официальная часть. Вместо того, чтоб впитывать информацию о новом отеле, я крутил головой на триста шестьдесят градусов, рассматривая окружающих. Кое-кто, из собравшихся, мне был знаком. Алены не было.

Если не считать турецких партнеров, то из полсотни приглашенных, всего четверо, включая меня, были мужчины. Первый был молодой симпатяга, одетый слишком фривольно для такого мероприятия. Казалось, что он попал сюда случайно. Второго представителя сильного пола я знал. Звали его Сергей. Мы с ним встречались на какой-то выставке. Это был солидный полный мужчина «чуть за пятьдесят», но из-за пристрастия к куреву и алкоголю, выглядел он гораздо старше. Сергей был хозяином небольшого завода и соучредителем крупной туроператорской компании. Складывалось впечатление, что он купил долю в туристическом бизнесе, только для того, чтобы не пропускать такие вечера, полные выпивки и женского пола. По всему видно, он томился официальной частью и ждал когда начнут допускать к фуршету. А водку, тем временем, уже разливали в десятки замороженных стопочек.

Третий был высокий худой мужчина моего возраста. Сразу бросалось в глаза, что на этом празднике жизни он не

один. Как только он поворачивал голову влево или вправо, эффектная блондинка, сидящая рядом, тут же одергивала его. Складывалось впечатление, что это муж и жена.

Женщины в этот вечер были на любой вкус и цвет. Стройные блондинки и нестройные брюнетки! Рыжие и шатенки, в мини и макси! Одним словом, о такой разнообразии, можно было только мечтать. Все это конечно радовало, но по возвращении из Малайзии я дал себе слово не пить и хранить верность супруге. А в этот вечер была реальная возможность нарушить и то и другое. «Такие случаи выпадают нечасто! Немного выпью, немного пофлиртую! Ну что в этом предосудительного?» – успокаивал я себя.

Плотские желания делают нас слабыми, но я верил, что устоять от соблазна силы у меня есть. Оставалось это проверить.

Официальная часть закончилась и все помчались к накрытым столам, где остывали креветки и нагревался алкоголь. Я взял бокал «сухого» и бутерброд с икрой. Недолго думая подсел за столик к двум молодым девушкам. Логика была проста – молодых вряд ли заинтересует моя личность, а раз так, с ними я не напьюсь и смогу сохранить верность жене. Но не тут-то было. Как только туристическая элита, «пропустила» первые несколько рюмок, началось веселье. А какое веселье без мужчин? В первую очередь женщины окружили заботой турецких партнеров. Молодого симпатягу быстренько прибрали к рукам три девушки в коротких юб-

ках на высоких каблуках. Не молодой любитель выпить без всяких усилий был взят в плен компанией из четырех «возрастных» дам. Без плотной опеки остался только я! Муж при жене, бармен и ди-джей не в счет. Конечно же, далеко не все из присутствующих женщин быстро напились и начали поиски приключений. Но даже десятой части собравшихся хватило, чтоб я ощутил себя востребованным мужчиной.

В этот день мне пришлось испытать, что чувствует одинокая длинноногая блондинка в ресторане полным мужиков. Включили музыку. Турагенты и туроператоры пустились в пляс. В течение одной песни ко мне несколько раз подходили женщины, приглашая к ним присоединится. Я вежливо отказывался. Бокала сухого вина явно было недостаточно, чтоб нарушить обещания и поступиться принципами. Зазвучал «медляк». Ди-джей, видя возрастную категорию публики, поставил знаменитый хит восьмидесятых. Ко мне подошла женщина и чуть заплетающимся языком спросила: «Молодой человек, скучаете? Можно вас пригласить?». В этот момент я почувствовал себя девушкой, которую пытаются «снять». С одной стороны, конечно приятно внимание противоположного пола, но с другой стороны было как-то боязно! Она же выпившая! С такими девичьими мыслями я побрел на центр зала, где танцевали всего три пары. Женщина по-мужски крепко заключила меня в объятия, прижавшись ко мне всем своим жарким, раскопчегаренным предыдущим танцем, телом.

– Анжелика, – почти прокричала мне на ухо партнерша.

– Георгий, – ответил я.

– Вы здесь один?

– Да.

– Это хорошо, – крикнула Анжела и начала активнее двигать бедрами, создавая напряжение ниже пояса.

Надо отметить, что моя партнерша прекрасно двигалась. Несмотря на десяток лишних килограмм, она совершала фантастические движения, бедрами описывая воображаемую «восьмерку». На вид ей было около сорока. Судя по правильным чертам лица и тела, в молодости она была красивой и видимо манипулировала мужчинами, как хотела. Как многие «бывшие» красавицы, Анжела не утратила былой уверенности в себе и, несмотря на возраст и комплекцию, пыталась взять меня штурмом.

Весь танец, я старался зафиксировать талию партнерши, желая прекратить поступательно-вращательные движения ее таза, потому как со стороны все выглядело, неслишком благообразно и было больше похоже на тантрический секс. Но горячую женщину было не остановить. Конец чувственного трения наступил только вместе с концом музыки. Я был трезв, поэтому чувствовал себя жутко неловко! Хотелось быстрее сбежать куда-нибудь подальше, но партнерша не выпускала моей руки и тянула за свой столик, где сидело шесть одиноких женщин.

Если бы такая ситуация случилась со мной лет пять назад,

то конечно же я не растерялся и воспользовался ситуацией. Женщина сама идет на контакт и всем видом показывает, что «хочет». А вокруг веселье и бесплатный алкоголь. Ну что еще надо? Садись за стол, пей, веселись. Конкуренции ноль! Но у меня получилось устоять. Я галантно чмокнул ручку партнерше и вернулся за свой столик.

С каждой минутой окружающим становилось все веселее и веселее, а я чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Девушки сидящие со мной убежали танцевать, оставив меня в одиночестве. Решив, что еще один бокальчик вина мне не навредит, я направился в бар.

Не дойдя несколько метров до бара, меня поймала знакомая директриса, специализирующаяся на Турции. Через нее я отправлял жену в «рекламник». Она обхватила меня и затащила в круг танцующих. Я не большой любитель танцев. В пляс могу пуститься, только под любимую песню, после приличной дозы спиртного. Но здесь, на трезвую голову, один в женском обществе!/? Ну а с другой стороны? Чего я хотел? Раз уж я пришел на такое мероприятие, то должен отдавать отчет о том, что здесь творится. И нечего изображать из себя недотрогу. Боишься искушений, сиди дома. Для порядка я подрыгал конечностями и в паузе между песнями направился к выходу. По пути в гардероб меня поймала Анжелика с подругой. Назвав меня «пупсиком» она взяла с меня обещание, что следующий медленный танец я танцую с ней. Отказ не принимался. В лучших традициях прекрасного пола, на-

врав, что мне срочно нужно в туалет я схватил в гардеробе куртку и убежал домой, дав себе очередное обещание не посещать больше подобные мероприятия.

Подчас, женщины нелестно высказываются о мужских развлечениях, но женская пьянка, по сути, тоже самое. Конечно, нельзя «грести всех под одну гребенку», есть разные мужчины, есть разные женщины. Я лишь констатирую отдельные случаи, которым был свидетелем и сообщу, если представительницы прекрасного пола хватили лишнего, то такое начинается! Про анекдоты и откровения лучше не упоминать. Уши заворачиваются!

По дороге домой зазвонил телефон. На экране высветилось: «Алена». Несколько секунд я медлил, но любопытство победило.

– Привет! – раздался в трубке до боли знакомый голос, – мне девчонки сказали ты на презентации у турок?

– Привет! Был. Сейчас уже еду домой.

– Жалко, что я не пошла, а то бы пообщались, – произнесла Алена с искренней горечью.

– Может быть в следующий раз.

– Может быть! Пока.

– Пока.

Ну зачем я опять ищу встречи? Зачем опять ищу мучений? Надо гнать от себя любые мысли и исключить любую возможность встречи с Аленой.

Через неделю позвонили желающие купить турагентство.

После недолгих переговоров мое детище перешло в руки трех женщин.

Как только оформили все бумаги, и я получил деньги на руки, работать на поприще купли-продажи бизнеса мне мгновенно расхотелось. Идея была хорошей, но требовала инвестиций. Нужно было опять снимать офис, обставлять его мебелью, нанимать хотя бы секретаря. Посчитав, во сколько мне это обойдется, я решил, что оставлю этот проект в интернет варианте.

По-хорошему, деньги, полученные с продажи турагентства, нужно было срочно вкладывать, но я, перевозбужденный произошедшими событиями, решил по-другому. В первую очередь мне захотелось наладить отношения с женой. Для этого нужно было организовать что-то сногсшибающее то, от чего Саша не в силах будет отказаться. Ну а что может быть круче, чем отдых на Мальдивах?

Через неделю мы были на экваторе, плескаясь посреди Индийского океана. Жена была в восторге. Белый песок, кристально чистая вода, пальмы, кокосы, ананасы! В таком месте отдых по определению не мог быть плохим! Наши отношения с каждым днем налаживались, превратив поездку во второй медовый месяц.

Вместе с нами, на небольшом острове отдыхало человек тридцать, может сорок. Причем у каждой пары или семьи было свое бунгало и свой маленький пляж. Такое размещение давало возможность практически не пересекаться с дру-

гими отдыхающими.

С утра до вечера жена нежилась на солнышке с тропическим коктейлем в руке или спала в тени кокосовых пальм, а я, с группой французских дайверов, бороздил просторы океана, погружаясь с аквалангом в поисках мант и акул. Вечерами мы сидели на берегу рядом с нашим бунгалом, любуясь неповторимыми океанскими закатами.

Две недели на сказочном острове, окруженного бирюзовой водой, пролетели незаметно. Вернувшись домой, я загрустил. Оставшаяся наличность требовала разумного применения. Но в тот момент мудрые решения были не по мне. Если переиначить слова героя Шукшина: «Я нервничал, потому что мне деньги жгли ляжку!». Идей как жить дальше не было, а душа стесненная многоэтажками спального района, опять рвалась в дальние страны. Ничего умного не придумав, я улетел с женой на Мальту, а оттуда в Париж, в гости к старому другу. За неделю, проведенную во Франции, мы успели посмотреть не только достопримечательности столицы, но и съездили на север страны в Нормандию. Дальше была Турция, а после, увлекательная поездка в Бирму, но уже без жены, которая великодушно отпустила меня, в благодарность за столь увлекательные каникулы.

Путешествуя по разным странам, я гордился собой, убеждая свое эго, что жизнь удалась, раз столько всего могу себе позволить. Все это было похоже на болезнь, или точнее сказать на зависимость. Постоянные приключения и перемеще-

ния вырабатывали в моем организме избыток гормонов будоражащих кровь. Уж не знаю, что это было адреналин или дофамин, но обычная жизнь уже была не по мне. Остановило меня от безудержного «приключенчества», тоже, что и дало возможность – деньги. Продолжать дальше такой образ жизни не представлялось возможным по финансовым соображениям.

Глава 16. Вьетнам.

Первое знакомство

Деньги были на исходе, а хорошая работа на горизонте все не появлялась. Обращение в несколько рекрутинговых агентств результата не дало.

Посчитав остаток наличности, которая таяла, как снег под весенним солнышком, я понял, что красивая жизнь закончилась. «По карману» было только жалкое существование. Нужно было срочно начинать экономить на всем, чтоб не увязнуть в долгах и дотянуть до будущей работы, которая появится неизвестно когда. Бросив машину на стоянке, впервые за долгие годы, я начал передвигаться по городу на общественном транспорте.

Настроение ухудшалось с каждым днем. Медленно, но верно мной овладевала тоска и уныние. Я начал пить. Вначале по чуть-чуть, затем все больше и больше. Вечером очередного серого никчемного осеннего дня, позвонил старый друг Стас и бодро сообщил: «Билеты взяты, визы сделаны, вылетаем во вторник!». Я не сразу понял, почему билеты взяты, а визы сделаны. Но самое главное, я и близко не представлял, куда мы вылетаем во вторник. Мозг подтормаживали двести грамм водки, которые я влил в себя полчаса назад. Стас позвонил в этот самый момент, когда в животе начинало теп-

леть, а кровь, обогащённая алкоголем, медленно растекалась по венам, принося псевдоуспокоение. Проблемы дня сегодняшнего уходили на завтра, а тут такой поворот. Стараясь не обидеть моего бодрого друга, я переспросил, прощупывая почву: «Почему именно во вторник?». «Потому что по вторникам и субботам самолет летает в Ханой!» – раздраженно отчеканил кандидат медицинских наук. Тут я начал припоминать, как две недели назад мы со Стасом встречались и по пьяни собрались ехать во Вьетнам к его родителям, которые уже пятнадцать лет там жили и работали.

– Стас, ну у меня сейчас с работой проблемы и денег совсем нет! – пытался я отбиться от такого затратного путешествия.

– Ничего не знаю. Потом отдашь! – отрезал Стас.

Зная резкую натуру своего друга, я понимал, если откажусь от поездки, которую возможно сам и инициировал, то дружбе конец, тем более что «билеты взяты». Тут же я вспомнил, что и младший брат Стаса, работающий на юге Вьетнама, тоже как-то приглашал меня в гости. Алкоголь разогнавшись по венам ударил в голову.

– Ок! Как скажешь, во вторник, так во вторник!

Теперь, нужно было как-то объяснить мой очередной отъезд жене. Но все прошло лучше, чем я ожидал. Саша видя мое непотребное состояние, решила что мне не помешает проветриться.

Через неделю, я отправился в путешествие, которое изме-

нило всю мою дальнейшую жизнь.

В международном аэропорту столицы Социалистической Республики Вьетнам – «Нойбай» нас встретил нас отец Стаса.

Проходя таможеню, я заметил, что в документах на визу (тогда еще требовалась виза для посещения Вьетнама) моё имя было написано не так как в загранпаспорте. Фамилия отсутствовала, а имя представителя таможни разбили на две части. Я показал Стасу. Он пришел в восторг:

– Во, «Geo Rge», прям грек или грузин какой-то! Теперь если чего натворишь в этом государстве, то Георгия Ивановича Кирсанова, никто искать не будет.

– Вот это вряд ли. Я читал, у них тут местный КГБ покруче нашего будет!

Выйдя к встречающим, я на всякий случай показал свою визу отцу Стаса, который меня быстро успокоил:

– Георгий, вьетнамцы по сути своей разгильдяи. У них допускается до трех ошибок в имени. Здесь больше половины населения Нгуены, остальные Тхани. Самое главное для них имя. Знаешь, что они написали на моем кабинете? «Mr. Viy Ches Lav»! Ни фамилии, ни отчества, только имя, разорванное на три части! «Дикие люди, дети гор»! Впустили в страну и замечательно! Наслаждайся!

Мы сели в машину, припаркованную невдалеке, и отправились в Ханой.

Аэропорт находился в 45 км от города, но добирались мы

почти два часа. Дело в том, что во Вьетнаме очень престижно иметь дом у дороги. Так исторически сложилось, что для вьетнамцев дорога это жизнь и поэтому все пытаются построиться у главной артерии соединяющей не только город с пригородом, но и гораздо дальше, лишь бы быть у проезжей части. Для нас автострада – это шум, гарь, вонь, а здесь это престижность и зажиточность. Как я позже узнал, земельные участки по всему Вьетнаму продаются исключительно размером пять на двадцать метров, причем на дорогу выходят как раз эти самые дорогие пять метров. Этой национальной традицией продиктована и архитектура. Дома строятся под участки, узкие на фасаде и длинные, уходящие вглубь двора.

Я много где успел побывать, но в этот раз дорога из аэропорта в центр новой для меня страны, была наверно самой утомительной за все мои путешествия. Представьте, что все люди, живущие у дороги, постоянно спуют, переходят улицу, что-то продают сидя у самой кромки! Добавьте к этому бегающих детей и домашних животных, за которыми никто не смотрит. Двигаться быстро по таким улицам не возможно! Отец Стаса, привыкший к такому движению, умело распахивал носом автомобиля встречающиеся преграды, ежесекундно крутя руль вправо и влево, при этом попеременно давя на тормоз и газ.

Еще одна особенность, вьетнамского трафика, это пробки из мотоциклов и велосипедов. Сейчас Вьетнам изменился и кое-где зажирел. По улицам поехали красивые новые маши-

ны и автобусы. Но тогда, в 2006 году основной трафик состоял из двухколесных транспортных средств. За рулем сидели не только взрослые мужчины, но и тетки с детьми, дедушки и бабушки. Причем, большая половина участников дорожно-го движения вообще не представляла, что есть какие-то правила, которые нужно соблюдать. От этого дорога была точной копией беспорядочного движения частиц, которое описал ботаник Броун.

В развитых странах перемещение большинства граждан осуществляется общественным транспортом. Здесь же автобусов практически не было. На секунду представьте, что было бы если в Москве каждому жителю перемещающемуся на метро или автобусе, дали мотик или велосипед и выпустили на улицу.

Кое-как, в каше, состоящей из двухколесных агрегатов, мы доползли до Ханоя.

Как только въехали в центр, сразу бросилось в глаза, что во Вьетнаме у руля коммунистическая партия. Потрясало обилие красных флагов с изображением серпа и молота, вывешенных на улицах через каждые сто метров. Складывалось впечатление, что время отмотали лет на сорок назад, и мы попали в Советский Союз перед майскими праздниками.

Еще одна сложность, с которой мы столкнулись – это влажность и вонь. Первое время дышалось очень трудно. Складывалось впечатление, что мы попали в парилку, где на горячие камни кто-то налил воду из канализации. Такой тя-

желый воздух получался потому, что большинство вьетнамских городов расположено в дельтах рек. При температуре +30 любая влага испаряется, в том числе из ближайших болот и канализационных стоков. Особенно это чувствуется поздней весной и летом. Но наш визит был в конце октября, и поэтому дышалось более-менее комфортно.

Остановились мы в огромной служебной квартире, которую снимали родители Стаса. Мне выделили небольшую, скромно обставленную комнату, в которой был стул, кровать и кондиционер. Большого, уставшему путнику, не требовалось.

Я принял душ и став у окна, принялся разглядывать местное население, снующее по небольшой, узкой улице. На первый взгляд, ничем особенным вьетнамцы от тех азиатов, которых я успел увидеть в Бирме, Малайзии и Китае, не отличались. Черные волосы, узкий разрез глаз, желтый цвет кожи. Всё как везде, за исключением небольших вариаций с фигурой и особенностями черепа. Но вглядываясь в лица этих людей, меня не покидало странное чувство. Мне почему-то казалось, что я здесь застряну, причем надолго. Как это могло быть возможно, я даже и близко не представлял. Ведь не было ни единой предпосылки к такому повороту моей судьбы. Уж слишком много всего держало меня на родине, да и финансовое положение не предполагало эмиграцию. Но именно в тот день, это странное, пока непонятное чувство, отчетливо «отметилось» или сказать точнее «посели-

лось» в моей голове. Тогда я еще не догадывался, какие приключения меня ждут в ближайшие десять лет.

В течение следующего дня мы осмотрели главные достопримечательности Ханоя. К моему удивлению их оказалось немного: «Озеро возвращённого меча», Мавзолей Хо Ши Мина и «Хоалó», он же «Ханой Хилтон», небольшой остаток от бывшей тюрьмы, построенной французскими колонизаторами для содержания политзаключённых. В нашей программе был еще пяток небольших музеев, но после «тюрьмы» мы никуда не пошли.

Ханой мне показался скучным и не интересным. Скорее всего, так получилось потому, что путешествовали мы сами по себе, и если бы рядом был местный гид, то нам наверно все виделось совсем по-другому.

Вот например, Озеро Хоанкьем. С первого взгляда небольшой водоём в центре города. Посередине крохотный храм. Ничего интересного и экстраординарного. Но опытный экскурсовод расскажет вам невероятную историю о том, что именно здесь, восставшему против китайского владычества императору [Ле Люю](#), волшебной золотой черепахой был дарован меч «[Тхуантхьен](#)». Получив чудо-оружие, Ле Лой разбил китайские армии и стал основателем [возрождённой династии Ле](#). Согласно этой легенде, в честь великой победы Ле Лой устроил праздник на озере, где жила черепаха. Когда Ле Лой и его приближённые выплыли на середину озера, перед ними опять явилась черепаха. Она сказала: «Тебе,

Ле Лой, был послан меч, чтобы разгромить врага. Твой долг выполнен. Смертельное оружие верни мне». В этот момент произошло очередное чудо. Меч вырвался из рук Ле Лоя и описав над водой полукруг, полетел прямо в пасть черепахе, которая тут же погрузилась в воду.

После этой истории перед туристами всё выглядит по-другому. Но нам никто эти сказки не рассказывал и поэтому, тема «озера возвращенного меча» для нас осталось не раскрытой!

После двух дней проведенных в столице, согласно ранее разработанного плана, нам предстояло очередное передвижение. На этот раз наш путь лежал в одно из самых красивых мест Вьетнама – бухту «Ха Лонг».

Проехав на рейсовом автобусе сто двадцать километров за четыре часа, мы оказались на берегу Южно-китайского моря в городе Хайфон. Почитав в дороге путеводитель, я с удивлением узнал, что это место буквально пропитано историей. Оказалось, что после колонизации Вьетнама Францией, порт Хайфона стал одной из важнейших французских военно-морских баз и получил прозвище «Тонкийской Венеции», а в сентябре 1940 года именно здесь высадились японские оккупанты. Но на этом, терзание самого крупного северного вьетнамского порта не закончились. На протяжении всей вьетнамо-американской войны, «Б-52» нещадно бомбили это место, потому именно сюда приходила дружеская помощь из Советского Союза и Китая.

Если не считать раздражающих перемещений по дорогам, то наше путешествие было легким и не скучным. Сопровождал нас отец Стаса. За долгие годы пребывания во Вьетнаме, Вячеслав Алексеевич так и не выучил вьетнамский язык, но зато прекрасно разобрался в менталитете местного населения. Оперируя десятком слов, он легко мог договориться с любым вьетнамцем на любую тему. Если нам нужна была хорошая скидка или бесплатная услуга, Вячеслав Алексеевич, рассыпаясь в любезностях и комплиментах, используя свой скромный языковой запас. Получив требуемое, он называл вьетнамца «дэпчай» («красавчик») и презентовал ему конфету. Этого было достаточно! Ну как можно отказать человеку, который назвал тебя красавчиком и дал карамельку?

Через час формальностей по покупке однодневного тура и размещению на кораблике стилизованном под старую «джонку», мы вышли в море. Моему взору открылась удивительная картина. После серого, суетливого, дурнопахнущего Ханоя, мы попали в чудо природы. Три тысячи островов, расположенных на лазурной глади моря, площадью в полторы тысячи квадратных километров потрясли воображение. Описывать эту картину не хватит слов, да и зачем? Надо приезжать и смотреть. А если нет возможности увидеть, то зачем расстраиваться? Ведь если изложить на бумаге самое изысканное гастрономическое блюдо, ощущение от вкусовых рецепторов все равно не передать. Как гласит народная пословица: «Сколько не говори «халва, халва», во рту слаще не

станет!».

Даже сейчас, спустя годы, объехав полмира, я считаю, что это одно из самых красивых мест, где мне удалось побывать.

Сидя на верхней палубе, запивая жареные креветки легким местным пивом, я безмятежно любовался окружающим меня чудом. Голова, освободившись от внутренних напряжений, отдыхала и не желала возвращаться к моим российским коллизиям.

Наш кораблик замедлил ход. Остановившись в небольшой бухте образованной матерью природой внутри внушительно-го острова, организаторы тура предложили всем искупаться или поплавать на байдарках. Я не раздумывая, скинул майку, и сиганул в манящую, радующую глаз своей прозрачностью и бездонностью, пучину. Скопление горько-соленых вод приняло мое, отравленное алкоголем и унынием тело, давая очередную возможность, очистится не только физически, но и духовно. В воде возникло не только ощущение прилива сил, но даже показалось, что я переродился для чего нового, совершенно неизведанного.

Короткие тропические сутки заканчивались. Последние солнечные лучи еле протискивались сквозь расщелину в скале, и уже слабо освещали нашу бухту-приют. Собрав и пересчитав всех любителей водных процедур, мы двинулись дальше. Через пару часов наша «джонка» пристала к центральному острову в этом архипелаге под названием Кат Ба.

Остановившись в отеле, находящимся на центральной на-

бережной, напитанные впечатлениями и свежим морским воздухом, мы сразу отправились спать. Несмотря на массу положительных эмоций полученных в течение дня в эту ночь меня посещали беспокойные сновидения. Я видел жену, целующуюся с каким-то молодым парнем и странную, незнакомую мне девушку, которая жаловалась на то, что у нее выпал зуб. В конце этого нелицеприятного парада негатива, дремотные видения убедили в том, что у меня украли мой любимый «мерседес».

Проснулся в поту, возрадовавшись, что все это только сон. За окном уже кипела жизнь. Местные жители, вставшие чуть свет, пытались сделать свои дела до наступления полуденного зноя. Вышел на балкон. Место было фактурное. Такой вид мог вдохновить любого мариниста. Большая бухта, обрамленная горами с тропической зеленью, была усыпана маленькими суденышками. Всего десять долларов за ночь, а такой вид! Сюда бы Тернера, а лучше Айвазовского!

Позавтракав, мы решили прогуляться по набережной, которая изобиловала продавцами недорогого жемчуга и печеной кукурузы. Как настоящие туристы, мы приобрели по жемчужному ожерелью и закопченному початку. Затем двинулись на рынок, осмотреть рыбные ряды. По пути меня ждало очередное удивление. Я столкнулся с местными секс-услугами, находящимися в прямом доступе, на расстоянии вытянутой руки.

В момент, когда мы проходили мимо массажного салона,

к нам подошла молодая девушка в пижаме, с изображениями Мики и Мини Маусов.

– Масса бум-бум, бэби ням-ням! – произнесла она с детской непосредственностью, как будто предлагала нам мороженое.

– Что такое «бум-бум» и что такое «ням-ням»? – спросил я Вячеслава Алексеевича.

Отец Стаса, избегая устных объяснений, ударил ладошкой по сжатому кулаку, показывая, что именно она предлагает.

– Понял, – ответил я и принялся рассматривать девушку, которая все это время стояла рядом улыбаясь, ожидая нашего решения.

Живя в Париже, в районе площади Пигаль, я частенько видел, в аквариумных окнах баров, красивых женщин в корсетах и чулках, на высокой шпильке. Они приветливо улыбались и приглашали зайти в их заведение со всеми вытекающими. Вот они производили впечатление! А здесь!? Передо мной стояла азиатская дюймовочка в пижаме и резиновых шлепках, предлагающая «масса бум-бум» и «бэби ням-ням». Такая асексуальная картина не вызывала ничего кроме чувства жалости. Мне захотелось ей дать денег, но я вспомнил, что с недавнего времени сильно ограничен в средствах.

Замечу, что происходило всё это в восемь часов утра. По моим наблюдениям, в это время ночные бабочки уже спят, ну или собираются отходить ко сну. Здесь же с раннего утра можно было купить не только кукурузу и жемчуг. Одним

словом вьетнамская простота, с которой здесь предлагали плотское удовлетворение сразу после завтрака, произвела на меня глубокое впечатление.

После созерцания даров моря представленных на рынке и фотографиях сделанных в компании с огромной барракудой мы решили вернуться в отель. Разглядывая окружающих, я отметил большое количество мужских пар держащихся за руки. Причем пары были не только интернациональные, но и чисто вьетнамские.

– Вячеслав Алексеевич, – обратился я к нашему провожатому, – это что «нетрадиционные»? И вьетнамцы тоже?

– Да Гера, они это любят!

– Они «это» любят или деньги? – не унимался я, стараясь докопаться до сути.

– И деньги любят и «это»! Конечно, далеко не все, но здесь, на Кат Ба, так исторически сложилось. Получился курорт с небольшим ультрамариновым отливом. Есть даже клуб, «Blue Wave» называется.

– Да, чудеса!

Честно говоря, в 2006 году, на севере Социалистической Республики Вьетнам, я меньше всего ожидал увидеть «такое». Хотя чему удивляться? Все это было везде, еще с ветхозаветных времен.

На следующий день мы отправились назад в Хайфон, а оттуда в Ханой.

Не успев перевести дух в столице, нам уже надлежало со-

бираться в новое приключение. Наш путь лежал на юг Вьетнама.

Прилетев в Сайгон, сразу из аэропорта мы отправились в Муйне.

Если взяться описывать любой населенный пункт Вьетнама находящийся на берегу океана, то повествование можно начинать с того, что это была бывшая рыбацкая деревушка. Так вот, Муйне – это бывшая рыбацкая деревня, превратившаяся в современный дорогой курорт.

Наш провожатый рассказал, что «раскрутили» это место – тень от луны и ветер, как ни парадоксально это звучит.

Первый раз, в октябре 1995 года, сюда приехала международная группа ученых, наблюдавших за солнечным затмением, потому как именно через эту точку проходила область наилучшей видимости закрытия солнечного диска.

С удивлением астрологические «светила» отметили, что место хорошее, но нет ни сервиса, ни отелей. В то время на всей прибрежной линии находилась всего одна гостиница построенная французом. Вьетнамские партийные бонзы прислушались к мнению авторитетных людей и задумались об освоении местности. Вот так солнце, или точнее сказать его затмение, дало первый толчок к началу строительства курорта.

Следующий импульс развитию инфраструктуры дал ветер. Обнаружив обжитый кусок берега, где зимой плюс тридцать и постоянно дует ветер, сюда стали приезжать серфе-

ры и кайтеры со всего мира. Помимо благоприятных погодных условий, свою роль сыграли цены. Тогда во Вьетнаме всё действительно стоило копейки.

Вьетнамцы, видя начавшееся движение, быстро настроили отелей и ресторанов, создав комфорт не только для экстремалов, но и для любителей рвануть посреди зимы в лето, чтоб полежать на пляже и поесть экзотических фруктов.

Русские, несмотря на долгий перелет, были в числе первых, ошарашивая местных предпринимателей масштабами отдыха. Я был свидетелем, когда подвыпившая компания заказала в ресторане всё меню, с первого до последнего пункта. Бедный официант долго не мог понять, что именно эти странные люди хотели. Что значит: «All in the menu»?

В Муйне, мы остановились в отеле «Пальмира», где хозяин, а точнее сказать совладелец, был россиянин, с емким для нашей страны именем Вася. Он делал все, чтоб соотечественники останавливались только здесь, предлагая русифицированный отдых и хорошие цены.

В течение следующих двух суток, меня не покидало ощущение, что отъехав двести километров от Сайгона, я очутился в Турции. Те же пьяные, пузатые мужики, те же орущие дети, те же не слишком стройные русские женщины, меняющие по несколько раз в день наряды и купальники. Эффект усиливался отечественной музыкой, которую вечерами крутили в баре. Причем несмотря на благодатную окружающую обстановку россияне сохраняли традиционно злой и недо-

вольный всем вид. Ну что еще человеку надо? Море, солнце, фрукты! Живи и радуйся! Но, несмотря ни на что, лица соотечественников были искажены общим недовольством. Все раздражали всех. Женщин бесило, что мужики пьют и не дают им затариваться дешевыми вьетнамскими шмотками, а мужиков, что им не дают пить и лежать целыми днями в номере под кондиционером.

Быстро, устав от особенностей национального отдыха, оставив Стаса в обществе отца и отдыхающих из «Ебурга», я решил в одиночестве прогуляться по берегу. Помимо созерцания ночных достопримечательностей, мне хотелось посмотреть, где и как тусуются «люди ветра». В течение дня, я с восхищением наблюдал, как разноцветные кайты, наполненные ветром, несли за собой безбашенных парней, время от времени взлетающих над волнами.

Находясь в плену киношных стереотипов, у меня сложилось впечатление, что серферы живут в другом, каком-то особенном мире, полном не только риска и адреналина, но и безумного веселья.

Пройдя чуть больше километра, я наткнулся на небольшой бар, расположившийся на берегу под названием «Wax».

Здесь было все как в кино! Грубая деревянная барная стойка и крыша из пальмового листа подчеркивали экваториальность и непафосность заведения. Загорелые парни, с длинными, слипшимися от соленой воды волосами, пили пиво, что-то весело обсуждая. Некоторые не прячась, курили

марихуану. Вокруг небольшого костра, с бутылками в руке, пританцовывали «моднявые» стройноногие девушки, демонстрируя мужским особям свои мало прикрытые тела и умение двигаться под музыку. Хорошая половина посетителей состояла из моих соотечественников. В отличие от вечно недовольных, пузатых постояльцев «Пальмиры», эти ребята источали радость и веселье. Убежав из душных мегаполисов, они отдавали себя ветру и воде, не задумываясь о том, какое будет завтра.

Сидя за стойкой, с бокалом содовой, я искренне завидовал той беззаботности, с которой они проводят, а может, прожигают свою жизнь. На секунду, мне даже захотелось бросить все и стать частью этого веселого сообщества, но реалии жизни быстро вернули меня на землю.

Спустя годы мне представилась возможность увидеть изнанку серферской жизни, и мнение о многих из них сильно изменилось. Но в тот первый день моего наблюдения за «людьми ветра» я был в восторге.

Тем временем, вечеринка в баре набирала обороты. Посетители прибывали, а музыка становилась все громче. Появился какой-то богатый дядя с девушками модельной внешности. Он ударил в колокол, висевший над стойкой, извещая, о том, что «он угощает». В благодарность за бесплатную выпивку тусовка заулюлюкала. Мне очень хотелось посмотреть на кульминацию вечера, но я, вспомнил, что никому не сказал куда ушел и спешно вернулся в отель.

В «Пальмире», никто моего отсутствия не заметил. Спутники спали, а русские постояльцы были в том состоянии, когда, не смотря на запрет и поздний час, хочется прыгнуть в одежде в бассейн, что они собственно и делали.

Утром, Вячеслав Алексеевич подойдя к зеркалу, стал пристально осматривать свой язык. При виде серого, как мартовский снег налета, он громко произнес: «С сегодняшнего дня не пьем!». И громко запев: «Детство, детство, ты куда ушло...» удалился гулять по отелю, пританцовывая под собственное пение.

Директивы нашего сопровождающего не обсуждались и поэтому мы с другом горестно посмотрели на остаток «огненной воды», к которой так привыкли за эти дни.

Надо отдать должное, тогда во Вьетнаме делали неплохой алкоголь. Наверное, потому что производство основных видов продукции принадлежало государству. За время нашего путешествия я с удивлением заметил, что местное население в большинстве своем употребляло пиво, причем со льдом. Сначала в бокал бросался огромный кусок льда, а потом наливалось пиво. От этого напиток делался легким и очень холодным. В жару такая выпивка частично утоляла жажду и не очень пьянила. Крепкие напитки предпочитали рыбаки и госслужащие, в особенности, работники силовых структур. В то время во Вьетнаме были популярны два вида местной водки произведенной с помощью риса. Самая дешевая, но ужасно вонючая, называлась «Ле Мой». Если хотите пред-

ставить ее запах, то в вареный рис бросьте носки, которые носили неделю по жаре в ботинках. После русской водки пить ее практически невозможно. Вторая по популярности была водка «Ханой». В замороженном виде, по вкусу она не отличалась от хорошей нашей. К ней-то мы со Стасом и прирастились. Стоила она недорого, по два доллара за бутылку, а на утро голова не болела.

Из Муйне мы отправились в Вунг Тау, город, где жил и работал младший брат Стаса Алексей.

В дороге я открыл путеводитель, и традиционно обнаружил, что Вунг Тау – это бывшая рыбацкая деревня. Дальше было чуть интереснее.

Первые упоминания об этом населенном пункте восходили к 1296 году, но что именно здесь творилось, автор путеводителя так и не узнал. Потомкам осталось только название города – Тянь Бо, которое мало о чем говорит. Более подробная информация начиналась с восемнадцатого века. В то время португальские моряки, совершающие переходы из Малакки в Макао, заметили высокий мыс в восточной части дельты Меконга, который стал служить им ориентиром для прокладывания курса. Чуть позже, португальцы открыли для себя большую бухту, где можно было пополнить запас провизии и укрыться от непогоды. Как было принято в те времена, неизведанные части земли и моря европейцы называли в честь Святых. Так на картах появился мыс Святого Апостола Иакова, покровителя странников и мореходов.

Но где торговые пути, там естественно появляются пираты, которые не ограничиваются захватом кораблей. На какое-то время бухта Вунг Тау стала «Тортугой» для местных флибустьеров. Разбираясь в сложившейся ситуации, очередной вьетнамский император оценил стратегическое значение мыса Святого Иакова, приказав разместить здесь воинов и построить укрепления. До конца девятнадцатого века вьетнамцы успешно справляясь с набегами малайских пиратов, но не смогли защитить юг страны от вторжения французов, которые переименовали мыс на свой лад, назвав его мысом Святого Жака. На протяжении всего периода своего присутствия в регионе, французы построили в Вунг Тау большое количество зданий, которые «живы» и используются по сей день. Помимо архитектуры от колонизаторов остались багеты, йогурты, рыбный соус и кофе, которые вьетнамцы очень полюбили.

После того, как Франция потихоньку передала бразды правления своей колонией американцам, здесь стала базироваться крупная военная база, включающая большой порт и аэродром.

Вунг Тау мне показался милым курортным городишком, с хорошими дорогами и зеленой городской набережной. Центр города традиционно представлял собой сборище магазинов, массажных салонов и азиатских ресторанов с большим выбором морепродуктов. О недавнем американском присутствии напоминали только две огромные радиолокаци-

онные станции, стоящие на горе.

Уже в первый день нашего пребывания в Вунг Тау, не вооруженным глазом было видно, что население юга сильно отличалось от вьетнамцев, живущих на севере. Здесь народ был более сытый и богатый, а в организации бизнеса чувствовалось влияние капитализма и европейских ценностей.

Большинство новых отелей располагалось на «заднем», как его называли местные жители, пляже. Моё, переполненное впечатлениями, воображение очередной раз было потрясено. Ступив на берег, я ощутил себя в Бразилии на известном пляже Копакабана (кстати, этот район Рио, тоже бывшая рыбацкая деревушка). Нет, здесь не было мулаток с мясистыми задницами, но все остальное, было если не точной копией, то по крайней мере подобием известного на весь мир места. Огромная береговая линия, песок, волны, рядом небольшой остров, но главное, на горе возвышалась статуя Христа-Искупителя, издали похожая, как две капли воды, на ту, что стоит в Рио-де-Жанейро. Причем оказалось, что она всего на шесть метров ниже бразильской.

Оставалось два дня до нашего возвращения домой. Мне хотелось побольше посмотреть, и поэтому, отказавшись от семейного ужина, организованного младшим братом Стаса, я пошел гулять в одиночестве, по нетуристическим тропам Вунг Тау.

Первое, что мне бросилось в глаза, это то, что практически в любой точке города можно было удовлетворить

свои физиологические потребности. Причем всё не ограничивалось утолением жажды, голода или «справлением нужды». Город буквально кишел заведениями, направленными на оказание секс-услуг. Желания, возникшие от созерцания местных девушек, можно было удовлетворить, не прилагая к этому никаких усилий. На каждом углу мне предлагали уже знакомый: «Масса бум-бум, бэби ням-ням!». Даже когда я просто шел по улице, каждые пять минут подъезжала девушка на мотике или велосипеде с аналогичным предложением. Уж не знаю, при ком здесь больше началась развиваться проституция, при французах или американцах, но таких масштабов продажности я нигде не видел, кроме Паттайи.

Отойдя от центра города, я отметил для себя еще одну особенность. У многих улиц была своя специализация. Помимо «мебельной» и «мотоциклетной», я случайно наткнулся на «гробовую», полную магазинов продающих гробы. Причем здесь можно было не только купить гроб, но и взять его на прокат! Позже мне пояснили, что некоторые семьи, берут «деревянный костюм» в краткосрочную аренду, на то время пока родственники прощаются с усопшим. Обычно это два-три дня. Потом покойника перекладывают в изделие попроще и рано утром, с оркестром отвозят на кладбище.

«Пройдя по абрикосовой, свернув на виноградную», я оказался на очередной «краснофонарной». Возле бара, под названием «Витамин С» стояли две девушки в коротких юб-

ках, зазывая посетителей. Поддаваясь инстинкту исследователя, я не удержался и зашел вовнутрь. Ко мне сразу подошли три девушки и на хорошем английском стали предлагать общество и выпивку. Я осмотрелся по сторонам. Небольшое помещение было украшено зеркалами и бутылками, с азиатской скромностью. Видимо «фишка» этого заведения заключалась не в интерьере, а в его работницах. Но маленькие, одетые во все яркое и безвкусное, они не производили впечатление. Конечно, для зашедшего сюда туриста это была экзотика, а для пьяного туриста возможное веселое приключение. Но у меня не было ни денег, ни алкоголя в крови, поэтому я извинился и поспешил на выход.

На следующий день, услышав мои впечатления, Вячеслав Алексеевич рассказал о том, как в 1975 году, когда на юг Вьетнама пришли коммунисты, новая власть решила искоренить древнейшую профессию. Якобы в течение одного дня, со всей округи, собрали две тысячи проституток, посадили их на баржу и, заварив трюмы, потопили в ста километрах от берега. Уж не знаю, насколько это правда, но как вы понимаете, документальных подтверждений этому нигде нет, и не будет.

На какое-то время проституция исчезла. Но через двадцать лет, видя туристический успех некоторых азиатских городов, руководство компартии видимо решило закрыть глаза на массажные кабинеты с розовыми фонарями.

Ни для кого не секрет, что истинной причиной, по ко-

торой Паттайя стала центром секс-туризма, была война во Вьетнаме.

Началось все в пятидесятые, когда «штаты» отправили солдат в Таиланд строить авиабазу У-Тапао (оттуда впоследствии, В-52 наносили авиа удары по Вьетнаму). На тот момент, это был один из крупнейших военных объектов за пределами территории США. Во время строительства, большинство американских солдат проводили свободное время в рыбацкой деревушке, находящейся неподалеку. Называлась эта деревушка Паттайя. Ну а как развлекались солдаты? Выпили и пошли искать любовь. Спрос, естественно, рождает предложение. Чем больше прибывало военных на военную базу, тем больше Паттайя нуждалась в отелях, барах, ну и конечно в проститутках. Женский пол массово двинулся сюда на заработки из соседних городов и деревень. Известная «Walking street», началась с бара «Marine». Там, в конце шестидесятых, можно было «купить» местную красавицу за пятьдесят центов. Столько же стоил номер в отеле. Это при том, что американские солдаты получали от ста до двухсот долларов в месяц, а офицеры от трехсот до семисот! С такой зарплатой и такими ценами можно было разгуляться!

Во Вьетнаме творилось примерно то же самое. Сайгон и Вунг Тау были рассадниками греха. Выпивка, наркотики, продажные женщины! Всё было к услугам американских оккупантов. В 1975 году, когда началась операция «Порывистый ветер», с уверенностью можно сказать, что наркодиле-

ры и проститутки рыдали, понимая, что больше такую клиентуру им не найти, ну и конечно они догадывались о том, какая жизнь их ждет после прихода коммунистов. Вот уж кто точно был в проигрыше от окончания войны.

Перед самым отъездом из Вунг Тау, у меня состоялся разговор с младшим братом Стаса. Уже пятнадцать лет он жил и работал во Вьетнаме. На полном серьезе Леша предлагал мне остаться во Вьетнаме, обещая работу и покровительство. Причем ни должность, ни фронт работ, ни зарплату он почему-то не озвучивал. Все было в общих чертах. Вроде бы, открывается фирма и нужны люди на туристическо-спортивное направление. Сплошной туман, никакой конкретики. В моей жизни хватало не определенности, и поэтому я не воспринял его предложение серьезно.

По дороге домой с нами произошло удивительное событие. Назад мы летели «Аэрофлотом» на «Ил – 86». Погода в Москве была самая, что называется не лётная. А тут еще что-то, видимо, случилось с самолетом. При посадке нас серьезно попросили не паниковать и проверили, у всех пристегнуты ли ремни. Самолет начал кружить над «Шереметьево» то ли ожидая хорошую погоду, то ли сжигая остатки топлива. Когда он в шестой раз делал круг над аэродромом, я не на шутку испугался. Обычно я летаю под легким, а то и тяжелым действием алкоголя, а тут мы полетели «на сухую», ничего не купив в «Duty Free». А когда спохватились, и поняли свою ошибку, нам сообщили, что «Аэрофлот» «не наливает»

и на борту ничего не продает! Представляете, лететь десять часов и как говориться «ни в одном глазу», а в конце пути еще такие-то проблемы.

Страшные мысли стали роиться в моем мозгу. А вдруг у самолета не получается сесть? А вдруг мы разобьемся?

Как это всегда бывает в момент безысходности, я задумался о высоком. Что я сделал в жизни? Бесполезные годы, как наяву, пролетали в моем воображении. Ведь если случиться беда, что останется после меня? Ничего! Я полностью бесполезный для общества человек. Никто, кроме родителей, не будет обо мне помнить, никто не будет обо мне плакать. Лайнер зашел на седьмой круг. Снизился. Вынырнул из тумана, показалась земля. Пилот аккуратно посадил громадину на промозглый бетон аэродрома. Я поклялся, что с этого дня буду делать только хорошее, и никогда не буду летать трезвым.

Из Москвы ехали на поезде. Унылые черно-белые картины заброшенной глубинки, медленно, но верно вгоняли в депрессию. После двенадцати дней проведенных в зелени под экваториальным солнцем, поздняя осень в России с ее серой однотонностью, печалила и тянула к бутылке.

Глава 17. Эмиграция

По возвращении домой, навалилась страшная тоска. Меня ждала холодная квартира и невеселая жена. Грустный пейзаж за окном и полное отсутствие перспектив на будущее, настроения не придавали. Нужно было срочно оплачивать счета за жилье. На стоянке я не появлялся второй месяц. Плюс, предстояло как-то вернуть долг Стасу за столь увлекательное путешествие. Можно было бы конечно, срочно заняться поисками работы. Причем не искать кресло руководителя, а довольствоваться любым местом, где платят деньги. Но мне решительно ничего не хотелось делать. Родной город вызывал отвращение. Наступила апатия ко всему. Каждый день я пил, и до полуночи пялился в телевизор, монотонно переключая каналы. Настроение усугублялось еще и тем, что ко мне вернулись мысли об Алене. Я все чаще и чаще стал думать о ней. Осознание того, что она где-то здесь рядом, но с кем-то другим, вызывало волну нестерпимой боли. Я пытался заглушить боль алкоголем и выкинуть ее из головы, но увы, ничего не получалось.

Видя моё разбито-подавленное состояние, жена перестала со мной общаться, демонстративно не замечая моё присутствие в квартире.

В некоторых фильмах и сериалах, используется прием развития двух параллельных сюжетов из одной временной

точки. Например, героиня опаздывает, но все же успевает на поезд, и как следствие, застаёт своего парня с подругой. С этого момента вся ее жизнь кардинально меняется. Она коротко стрижется, делает карьеру и находит новую любовь. В другом варианте, она не успевает на поезд, не застаёт парня с подругой, не делает карьеру. Носит длинные волосы, живя обычной серой жизнью.

А может, если бы тем злосчастным июньским днем 2002 года я обратился в другое туристическое агентство, вся моя жизнь сложилась бы по-другому? Я не потерял бы голову из-за Алены и возможно, у меня все еще были бы деньги и работа. Я был бы счастлив, продолжая жить своей сытой аморальной жизнью! Как знать, как знать! А может быть и нет!?

Как сказал Конфуций: «Миром правят знаки и символы».

Через неделю такой тоскливой алкогольной жизни, со мной произошло несколько событий, которые я воспринял как знаки свыше. Возможно, именно они встряхнули меня и повлияли на мою дальнейшую жизнь, перевернув все «с ног на голову».

Дождливым осенним вечером зазвонил телефон. Номер был не знакомый.

– Привет, как ты? У тебя все нормально?

Голос был жутко похож на мою почившую любовь.

– Нормально. А как ты? – ничего не понимая, ответил я, отделяясь общими фразами.

– Прости меня. Ты сможешь приехать ко мне?

– Да, а куда?

Опасаясь ошибки, я двигался как сапер по минному полю.

– Туда же, где я жила последние полгода, на «конечную» Орбитальной.

Девушка говорила почти шепотом, сквозь проступающие слезы. Интонация и адрес были очень похожи на Алёну.

– Хорошо, давай через час на остановке, – предложил я.

– Ну, если не хочешь заходить ко мне, тогда давай на остановке, – согласилась то ли Алёна, то ли другая очень расстроенная девушка.

Я обрадовался, что моя унылая серая жизнь вдруг раскрылась хоть каким-то событием. Если это Алёна, то случилось видимо что-то очень серьезное? А если это другая девушка, то откуда она знает мой номер телефона и почему она живет там же, где и Алёна? Совпадение? Тогда слишком много совпадений.

Через час, при полном параде я стоял на остановке рядом с домом, где последний раз жила девушка, разбившая мне сердце и карьеру, однако, самой изменницы на горизонте не наблюдалось. Я прождал пятнадцать минут. Рядом со мной время от времени появлялись какие-то люди, но они тут же садились в автобус и уезжали. Единственным бессменным ожидающим была худенькая девушка небольшого росточка. Она беспокойно ходила из стороны в сторону, постоянно поглядывая на телефон. Тоненькие ножки и крючковатый нос делали её похожей на маленького птенчика, который выва-

лился из гнезда и теперь мечется в ожидании помощи.

Я не выдержал и позвонил по номеру, с которого мне назначили встречу. Каково же было мое изумление, когда на мой звонок ответила девушка-птенчик.

– Вы кто? – начала она разговор.

– Простите, а вы кто? Где Алена?

– Какая Алена? А где Олег?

Через несколько минут выяснилось, что Лиза (так звали эту девушку) поругалась со своим парнем, стерла все его контакты, а через день решила позвонить, но ошиблась одной цифрой и попала на меня. Голосами мы оказались удивительно похожи. Все было достаточно правдоподобно. Ведь я тоже принял ее голос за голос Алены. Хотя говорят, некоторые девушки специально «ошибаются номерами», чтобы таким способом познакомиться с мужчинами. А Лизе, с ее внешностью, видимо было тяжеловато заводить знакомства. Если представить девушку, которая мне никогда не понравится, это был точный типаж моей новой знакомой. Маленький рост, болезненная худоба, ножки «спички», большая голова, нос с приличной горбинкой и «нулевой» размер груди. Когда она улыбнулась, обнажился поломанный по диагонали передний верхний зуб. И только большие черные глаза миндалевидной формы, отвлекали от не слишком привлекательной внешности.

После того, как мы во всем разобрались, я подытожил:

– Теперь вы знаете, что на этой цифре я, значит найти

Олега, будет проще.

– Да, спасибо. Вы уж извините меня. Так неудобно получилось.

Возникла небольшая пауза.

– А что, если сейчас мы пойдем ко мне. Приглашаю Вас в гости. У меня там стол накрыт, думала Олег придет, – сказала Лиза, опустив вниз свои «персицкие» глаза.

Далее случилось, то, что я менее всего ожидал от себя.

– А почему нет? Не пропадать же вечеру и добру? – ответил я, изумляясь своей логике и выбору.

Лиза снимала маленькую однокомнатную «гостинку», в том же доме, где жила Алена. Я разделся и пробежался взглядом по сторонам. За последние двадцать лет в квартире ничего не меняли и ничего не делали. Облезлые обои, диван «раскладушка», чешская «стенка» с книгами Данилевского, ковер на стене. В центре комнаты стоял стол, заставленный традиционными салатами и остывшей курицей гриль.

– Что вы будете пить? Есть водка и вино? – робко предложила Лиза.

Я почувствовал себя неловко.захотелось уйти.

– Не знаю, а может просто чаю?

Лиза-птенчик в расстройстве хлопнула своими ресницами как маленькими крыльями и горестно выдохнула:

– Ну, если хотите чаю, то немного подождите, его нужно согреть и заварить.

– Ладно, давайте выпьем водки, – сказал я, ругая себя за

всю эту историю.

Вот теперь эта бедная девушка придумает себе что-нибудь, начнет переживать не только из-за ушедшего Олега, но еще из-за меня. А я уйду, обязательно уйду, исчезну из её жизни, и она меня больше никогда не увидит.

После первых стопок, от захмелевшей хозяйки, я услышал стандартную историю о том, как она приехала из провинции, закончила ВУЗ, и не смогла устроиться по профессии. Сейчас работает «мастером чистоты» четыре раза в неделю, убирая дом состоятельных людей. Я в свою очередь, разгоряченный алкоголем, битый час веселил её историями о своих путешествиях.

Время двигалось к полночи. В какой-то момент Лиза встала с дивана и чуть качаясь, удалилась в ванную. Прошло минут десять. Мне показалось, что девушке нездоровится. Появился прекрасный повод собираться домой. Надо было заканчивать этот вечер полный сюрпризов, но дверь ванной открылась и в проёме появилась моя новая знакомая. На тоненьких ножках красовались черные чулки в крупную сеточку, а хрупкое тело обтягивал красный комбидресс. Чтоб скрыть излишнюю худобу, на плечи был наброшен прозрачный пеньюар, отороченный красным пушком. Венчала весь этот наряд девушки с бульвара «красных фонарей», лакированная шпилька на огромной платформе. Видимо изначально этот наряд предназначался Олегу, но теперь вся красота досталась мне.

– Ну и как я тебе? – произнесла Лиза, стараясь держаться уверенно, но роль обольстительницы у неё совсем не получалась.

Честно говоря, я не понял что за дефиле, и как надо на него реагировать. Ну, ошиблась телефоном, ну познакомились, и что? Сразу в кровать? Даже для меня, это было уж как-то совсем быстро.

– Лиза, давай не будем. Я не хочу тебя обманывать, я женат, – пытался выкрутиться я.

– Ну и что женат? Вы все женаты. Олег, вон тоже женат, попользовался и свалил.

– Мы слишком мало знакомы, я так не могу. Да и потом, я только только расстался с девушкой, которую очень любил, – продолжил я, стараясь быть убедительным.

Лиза скинула тяжеленную шпильку, которую женщины надевают для «игришь» на первые две минуты и, поджав ноги, уселась на диван. Из ее черных восточных глаз потихоньку потекли слёзы.

– Меня никто не любит, никто не хочет! Еще этот зуб сломался, а денег его сделать нет. Но я его сделаю, я обещаю. Хочешь, я подстригусь, покрашусь. Я сделаю все, как ты хочешь, только не уходи.

Я сел ближе и обнял бедного плачущего птенчика. Расстроенная девушка еще некоторое время всхлипывала в моих объятиях, но потом успокоилась, как ребенок в объятиях родителя.

Все мы боимся одиночества, хотя порой лукавим, рассуждая о том, что одному жить проще и веселей. Женщины особенно болезненно переносят отсутствие нормальных отношений. В самой их сущности заложена забота о муже и детях. Вы не задумывались, почему так много кошек рядом с женским одиночеством? Заботясь о животном, женщины сублимируют, на подсознательном уровне обманывая свою сущность и природу.

– Ну что ты успокоилась? – произнес я через несколько минут.

– Да.

– Ты можешь меня внимательно выслушать?

– Да.

– Я тебе сейчас дам несколько советов, которые могут изменить всю твою жизнь. Выслушаешь? Только без слез?

– Хорошо.

– Первое. Ты красивая девочка, просто не можешь себя подать. Зачем ты носишь мини? Ноги худые, их надо прятать, а не выставлять напоказ. Поэтому старайся носить длинные юбки до пят и летом и зимою. Есть очень интересные модели, в которых можно выглядеть стильно в любое время года. В нарядах должно быть больше загадочности. Глупо выставлять недостатки на всеобщее обозрение. Второе. Постарайся сбалансировать питание и начать заниматься спортом. Любую фигуру можно изменить, это я тебе как бывший спортсмен говорю. Есть дешевые тренажерные за-

лы, туда можно походить. Да и потом если кого-то не устраивает твоя фигура, подожди, найдется тот, кого она устроит. Вот у меня есть друг, которому нравятся только худые девушки, он «грудастых в теле» терпеть не может. Третье. Не связывайся с женатыми мужиками, это тупиковый путь. Мало кто уходит из семьи, тем более, если есть маленькие дети. Да и потом, на чужом счастье своего счастья не построишь. Ходи по выставкам, театрам. На футбол можно сходить. Не гонись за молодыми. И в сорок, и в пятьдесят, мужчина хочет создать семью. От такого брака ты только выиграешь. У меня бывшая работница вышла замуж за мужчину, который её на двадцать лет старше. Она счастлива, недавно родился ребенок. Муж с нее пылинки сдувает. Главное условие, чтобы тебя любили и хотели, а не делали тебе одолжение.

– А зуб?

– Зуб надо сделать. Я постараюсь тебе помочь, у меня есть знакомый протезист. А теперь мне нужно идти домой.

– Может, ты все же останешься? – сказала Лиза, пытаясь сесть на меня сверху.

– Эту тему мы закрыли, раз и навсегда. Будем друзьями, – сказал я и без труда переместил невесомую искусительницу на своё место.

Следующим утром, мы с женой, традиционно встретились на кухне. Она как обычно готовила себе завтрак, не замечая меня. В мою больную и еще не протрезвевшую голову пришла чудная идея, а может, я перемещаюсь по нашей кварти-

ре в «шапке невидимке» и поэтому она меня не видит? Или открылся какой-то портал в параллельное измерение, который влияет на меня и делает прозрачным?

– Доброе утро, – начал я.

В ответ тишина.

– Тебе что, трудно сказать пару слов?

Видимо, помимо «шапки невидимки», у меня еще была способность говорить и передвигаться так тихо, что простые смертные меня не только не видели, но и не слышали.

Уходя из кухни с чашкой, жена сказала:

– У нас стиральная машинка сломалась.

– Ну и что? – ответил я.

В ответ опять тишина.

Проследовав за женой в её комнату, я попытался возобновить диалог:

– Вот мне интересно, когда мы катались по Европе и отдыхали на Мальдивах, ты меня замечала, а теперь, когда закончились деньги и работа, меня не стало в твоей жизни? Ну да я пью. Но это временное явление. Наступил тяжелый период в моей жизни. В такие моменты жены должны поддерживать своих мужей, а не игнорировать!

Жена продолжала спокойно есть свой завтрак, смотря в телевизор. Видимо, в какой-то момент действие портала или «чудо-шапки» на время прекратилось, и она увидела меня, но сейчас мои «супер способности» вновь заработали и меня опять никто не видел и не слышал.

Делать было нечего, пришлось заняться возникшей проблемой. Найдя номер сервиса по ремонту стиральных машин, я вызвал мастера, который приехал на редкость очень быстро.

Это был высокий симпатичный парень, с голубыми лукавыми глазами и громадными мускулистыми руками. Александра, услышав шум, подошла в ванную, чтоб убрать белье. Она никогда не была замечена в интересе к процессу ремонта, но как только увидела «красавца» ремонтера, мгновенно преобразилась. Глаза загорелись. Её вдруг стало интересоваться, что могло случиться с машинкой и «почему она перестала крутить». Со стороны всегда видно, как один человек реагирует на другого, а если это мужчина и женщина, то я со сто процентной уверенностью могу сказать, что происходит. Жена не просто реагировала на молодого красавца, у нее «текли слюни». Еще час назад это была холодная женщина, которую никто и ничто не интересовало. Но сейчас на бледном лице появился румянец, тонкие сжатые губы превратились в алые, чуть приоткрытые розовые лепестки, а глаза заблестели и забегали словно солнечные зайчики.

Видя эту «непотребную» картину, я взял Сашу за руку и буквально оттащил в её комнату.

– Пожалуйста, сиди здесь, пока мы разберемся в чем там дело, – как можно строже произнес я.

Но моя визуализация для неё еще была не доступна. В картинке, которую видела жена, меня не существовало. Она

смотрела «сквозь», на большую мускулистую спину повелителя «стиралок» и домохозяек. Не замечая ни меня, ни моих протестов, Саша вернулась к ремонтёру, который уже вытащил электронный блок.

– Смотрите, – сказал симпатяга глядя в осоловелые глаза моей жены, – скорее всего поломались «мозги», ремонт будет стоить три с половиной тысячи. Вас устраивает?

– Конечно, вы когда следующий раз придёте? – выпалила Саша.

– Как только электронщик все проверит, я позвоню. Запишите телефон.

Жена записала и проводила мастера до двери.

Как говорил один мультяшный герой: «При звуках флейты, теряет волю», так и моя жена, правда без звуков флейты, вдруг потеряла волю, показав своё второе «я». Конечно же, такое поведение для неё было не типично, но все когда-то начинается.

Как только жена вернулась в свою комнату, исполненный ревностью я решил поговорить.

– Что это было? Что за «выступление»? Увидела молодого красавца и поплыла? Да и потом, зачем нужно было сразу соглашаться на его цену? Ах да, тебе же все равно, платить-то мне.

Жена спокойно сидела на кровати, жуя и смотря телевизор.

– Са-ша! – крикнул я изо всех сил.

Видя, как при моем крике она вздрогнула, стало отчетливо понятно, что «шапка невидимка» все еще действует, но вот громкий звук видимо до нее долетает.

«И ты Брут!» – произнес я и, совершенно расстроенный пошел к себе в комнату утопить очередное расстройство в бутылке.

Через два дня, в мое отсутствие, еще раз приходил мастер. Выяснилось, что у нас сломался не только электронный блок, но еще и нагревательный элемент. В общей сложности мастер взял с нас пять тысяч и сердце жены, оставив мне пустой кошелек и отвратительное настроение.

Покопавшись в технической литературе, я понял, что возможно, дело было только в «тэне», а не в электронике. В машинке просто сработала защитная система. Но не это больше всего меня расстраивало. «Пятерка» конечно деньги немалые, но они не решали всех проблем. Ужас был в том, что я увидел совершенно другую жену.

Ну а чего я собственно хотел? «Наказаний без вины не бывает!». Пока я шлялся «по девочкам», она все терпела. Теперь настала её очередь идти на поводу у своей плоти.

В принципе ничего смертельного не произошло. Я тоже, когда вижу красивую девушку «реагирую». Почему жена не имеет права, раз в сто лет, показать, что она живая женщина? Но это событие, как червяк-паразит, засело внутри меня, и стало точить, разрушая проспиртованный мозг.

Все эти годы, пока мы были вместе, Саша была пусть чуть

холодной, но все же образцовой женой. Она никогда ни с кем не флиртовала и терпела все мои выходки. Изредка, в знак протеста, она переставала со мной разговаривать, но через неделю не выдерживала и возобновляла диалог. Даже, когда я «загулял» с Аленой, она терпеливо ждала, когда я озвучу и вернусь в лоно семьи. Но сейчас, «на лицо» были конкретные изменения в характере моей второй половины. Видимо и ангельскому терпению бывает предел.

Не успел я прийти в себя после душевной и финансовой травмы, нанесенной мне ремонтом стиральной машинки, как случилось еще одно событие переполнившее чашу моей психической нестабильности – Алена вышла на связь.

На электронный адрес пришло сообщение, в котором было одно слово «послушай». Прикрепленный файл оказался грустным блюзом. Я прекрасно знал, что это значит: «Мне плохо, давай встретимся». Сутки я раздумывал, стоит ли отвечать. В конце концов, письмо удалил, оставив без ответа.

Нервная система, угнетенная ежедневными алкогольными излияниями, начинала давать сбои. Погода, новости, жена – всё это уже не раздражало, а бесило. Масло в огонь подлил звонок Леши, брата Стаса. На фоне музыки, криков и звона бокалов, он заплетающимся языком стал звать меня во Вьетнам, обещая золотые горы. Для убедительности он дал телефон какому-то вьетнамцу, который на ломаном русском сообщил, что всё будет нормально, мне предоставят кров и чай.

Проснувшись утром, у меня случилось прозрение – чтоб решить все проблемы, надо бежать из России. Встретившись с женой, как обычно на кухне, я начал издаലെка:

– Звонил Леша, брат Стаса, зовет работать во Вьетнам.

Саша спокойно занималась омлетом, продолжая игнорировать меня.

– Я не знаю, как там сложится. Отработаю сезон, а там посмотрим.

В ответ только зашипели яйца на сковородке.

– Если захочешь, можешь потом ко мне приехать, – продолжил я свой моноспектакль, – я тебе оставлю денег.

Реакция на мои слова была «никакая». Ни протеста, ни одобрения. В нынешней ситуации, всего этого следовало ожидать. Как говорил один мудрый китаец: «Когда пути неодинаковы, не составляют вместе планов».

Известив жену и не встретив никакого сопротивления, передо мной встала другая и, пожалуй, сама главная задача. Где найти денег, чтоб начать новую ананасово-кокосовую жизнь, полную солнца и моря?

Выбора у меня особо не было. Продать, «что-нибудь ненужное» на такую сумму было не реально. Открыв свой ноут и найдя нужный сайт, с болью в сердце, я выставил на продажу последнее, что меня связывало с прошлой жизнью – мой любимый «мерседес». Цена была бросовая и поэтому на такое предложение мгновенно откликнулись несколько перекупщиков. Через день, машины у меня не стало. Скинув

балласт, я вздохнул полной грудью. «Alea iacta est» – как сказал Цезарь перейдя Рубикон. Назад пути уже не было.

В первую очередь, я купил самый дешевый билет в один конец, чтобы не было соблазна вернуться при первых трудностях. Затем, расплатившись со всеми долгами, стал верстать бюджет. Нужно было отложить немного денег жене на первое время, и оставить небольшую сумму родителям. Вспомнил про зуб Лизы-птенчика. Не самое лучшее время заниматься благотворительностью, но раз обещал, нужно было помочь. В результате, на тропическую жизнь денег оставалось совсем немного.

У меня не было определенного плана, чем я буду заниматься во Вьетнаме, а на брата Стаса я сильно не рассчитывал. Прикинув, сколько у меня средств, попытался спрогнозировать, насколько мне их хватит, даже если я ничего не буду зарабатывать. По моим подсчетам полгода у меня было в запасе, а если уложусь в триста-четыреста долларов в месяц, то могло хватить и на год.

Теперь предстояло объяснить моим родителям, что я уезжаю далеко и буду не скоро. Отец воспринял известие о моей эмиграции с радостью, выразившись грубо и не нормативно. Смысл тирады был таков: «Делать в России нечего, и уж лучше с желтожопыми коммунистами жить». Маман завопила: «Только через мой труп!», но её голос был совещательный и поэтому ничего не решал. На прощание, я обнял родителей и пообещал, что через год их обязательно навещу.

Конечно, решение покинуть страну было крайностью. Можно было продать дорогую машину и купить подешевле. Из разницы в стоимости рассчитаться с долгами и продолжать жить-проживать среднестатистическую жизнь. Seriously заняться поисками работы, которая бы рано или поздно нашлась, а если нет, то зарабатывать частным извозом. Но, теперь всё это было не для меня. За последние несколько лет я посетил более десяти стран. Подышал воздухом свободы и понял, что я странник. Как пелось в песне моего детства: «Таков мой Крест, всю жизнь менять свое расположение, прощать, прощаться, все время быть в движении...».

Я вдруг осознал, что жить ради денег и карьеры – это не только глупость, но и преступное расточительство того маленького отрезка времени, который нам дается свыше. Зачем нужны деньги и карьера, если твоя жизнь тебе не принадлежит? Говорят: «Деньги дают свободу выбора и свободу перемещений!». Отдых раз в году в пятизвездочном отеле это свобода? Это телескопический поводок-рулетка. Тебя отпускают, только на то время и расстояние, которое устраивает твоих хозяев. Каждый день ты должен помнить о том, что если ты не вернешься вовремя, твое место займут коллеги по офису или конкуренты по бизнесу. А как же олигархи, скажете вы!? Они же делают, что хотят? Яхты, страны, красотки. Они тоже на коротком поводке, только на другом уровне. Причем не первую тысячу лет. Достаточно вспомнить Цицерона, который описал историю о тиране и его ца-

редворце Дамокле. Над всеми богатыми и сильными мира сего, всегда висит на «Дамоклов меч».

Глава 18. Welcome to Vietnam!

Взорвав все мосты и пути к отступлению, я отправился на поиски новой жизни и нового счастья. Через сутки уже знакомого мне пути Ростов – Москва – Ханой – Сайгон – Вунг Тау, я был на месте.

Брат Стаса, как и обещал, предоставил мне на первое время кров и чай. В то время он снимал большую двухэтажную виллу недалеко от пляжа. Первые две недели пролетели не заметно и главное, не затратно. Каждое утро я ходил купаться в океане. Днем спал, а вечером предавался веселью в баре, принадлежащему Леше и его друзьям.

Бар находился на территории серфстанции, и поэтому основными посетителями этого заведения были туристы-спортсмены, которые днем занимались кайтсерфингом, а вечером нарушали спортивный режим. На еду и алкоголь тратится не приходилось. Каждый день происходили какие-то вечеринки или презентации, на которых всё было бесплатно. А если вечер проходил без «события», то находились люди, которые щедро угощали меня, найдя пустяковый повод для попойки. Да, собственно, первый раз за последний год мне пить особо не хотелось. Появились новые друзья и новые впечатления, которые вытесняли собой негативные воспоминания дней минувших. В свободное дневное время, чтобы чем-то занять голову, я начал изучение вьетнамско-

го, и решил подтянуть английский. Новые знакомые помогли мне освоить популярные графические редакторы. Одним словом: «Life goes on!», как говорят англичане.

Встречая брата Стаса, я почти ежедневно задавал вопрос о том, когда же приступлю к исполнению своих обязанностей. «Скоро, вот вот. Пока отдыхай!» – звучало в ответ.

Наконец, директор компании, которым оказалась его жена, рассказала, чем я должен заниматься. Мне предстояло делать визы клиентам серфстанции, бронировать отели и, по желанию встречать наших гостей в аэропорту. Огласили жалование. Зарплата, надо сказать, была гораздо меньше, чем обещал Леша по телефону, но предполагался процент от прибыли. По российским меркам это было не много, но во Вьетнаме на эти деньги можно было жить. А если учесть, что у меня пока остались нетронутыми деньги с продажи машины – будущее казалось безоблачным.

Злоупотреблять гостеприимством друга-босса не хотелось, и я начал искать себе жилье. Знакомые знакомых предложили небольшой дом на окраине, с двумя спальнями и домиком для прислуги находящимся во дворе. Не разобравшись в ситуации, у меня мгновенно созрел бизнес-план. Я решил, что можно использовать этот дом как мини-гостиницу, предоставляя русским туристам эконом-жильё. Таким образом, не только «отбивая» аренду, но еще получая дополнительный приработок. «Вот он Вьетнам, страна неограниченных возможностей!» – мелькнуло в голове, расслаблен-

ной океанским воздухом.

Цена была хорошей и поэтому, не вникая в детали, я подписал договор, по которому мне надлежало оплачивать аренду за три месяца вперед, плюс оставить хозяину дома депозит в размере месячной платы. Как это всегда случается с людьми, которые недавно поселились в чужой стране, естественно меня обманули.

Первая проблема, с которой я столкнулся это тараканы. Дом буквально кишел огромными чудовищами. Потрясали их размеры. В отличие от российских, которых я давно не видел, эти были от пяти до десяти сантиметров в длину. Я взялся их травить, но несмотря на обилие вредоносных химикатов, уходить из моего жилища они не собирались.

Через громадные щели в жилище проникали не только тараканы, но и разнообразные «летучие» и «ползучие». Комары были самыми безобидными моими постояльцами. В один из дней, на шторе, я обнаружил гигантского ядовитого паука «Ричарда». Говорят, что если случайно раздавить его и потереть глаза, можно ослепнуть навсегда. Но тогда я этого не знал, и сбив его веником на пол, раздавил ногой. Еще через несколько дней в дом через вентиляцию попыталась пролезть змея. Схватив огромное садовое мачете, и порыве общей злобы на всю эту живность, я разрубил пополам нарушительницу моего спокойствия. Позже выяснилось, что эта была болотная гадюка. Именно эту змею привез из Индии доктор Ройлетт (герой рассказа Шерлока Холмса «Пестрая

лента») и использовал в своих коварных планах.

Но ядовитые обитатели Юго-восточной Азии были не самой страшной проблемой моего пребывания в этом доме. Рядом находился маленький «народный» ресторанчик, в котором пьяные вьеты каждую ночь ныли под местное караоке. Очень может быть, что от этого ужасного пения, десятки тараканов прибегали ко мне обрести относительную тишину и душевное равновесие.

Кафе напротив закрывалось рано, но с пяти утра крутило на всю округу, непотребную вьетнамскую попсу.

Конечно же при такой обстановке ни о какой мини-гостинице речь идти не могла.

Через месяц мучений я решил покинуть злосчастий дом. Но не тут-то было! Договор не предполагал никаких возвратов. Ни деньги, ни депозит, никто отдавать мне не собирался. Позже я понял, что забрать деньги у вьетнамца невозможно, даже если ты дал ему поддержать их на несколько минут. Единственный выход, оставаться на весь срок оплаченной аренды, плюс предстояло «прожить» сумму депозита.

Деньги терять не хотелось, и я решил навести порядок. Следующим утром пошел к руководству «кофешопа» с протестом в отношении громкой музыки. На пальцах и часах, объяснил, в чем моё недовольство. Народ реально не понимал в чем проблема. Ну и что с того, что в пять утра включают один и тот же диск с песнями, которые я уже выучил наизусть? Что в этом плохого? Днем очень жарко, поэтому

вьетнамцы просыпаются с первыми лучами солнца, и делают все дела в первой половине дня. По местным меркам, «побудка» с помощью музыки нормальная практика. С караоке была та же песня. «Ну что с того, что люди после работы отдыхают? Имеют право!». Одним словом, кругом тупое непонимание. Все довольны, кроме меня.

Прожив в этих жутких условиях еще две недели, я плюнул на деньги и перебрался в квартиру, расположенную в деловом центре города. В отличие от моего первого места пребывания, жилье располагалось в престижном пятнадцатизэтажном доме. Стоило всё дороже, но оно того стоило. Сто три квадратных метра! Потолки три двадцать. Большая спальня со сплит-системой, рабочий кабинет, просторная гостиная и кухня «студия». Внизу парковка и охрана. Из окон четырнадцатого этажа открывался шикарный вид на город и океан. О такой квартире в Ростове можно было только мечтать. Правда из-за этих арендных коллизий, я потерял треть денег, но зато приобрел опыт и хорошую квартиру.

Для работы нужно было оборудовать рабочий кабинет. Начальство без разговоров выдало денег на сканер, принтер и факс. Подключили интернет. В квартире образовался полноценный офис.

Встала еще одна проблема. Во Вьетнаме, в то время практически не было общественного транспорта. Все население передвигалось на велосипедах и мотобайках. Чтобы смешаться с общей массой, и получить право свободного пере-

мещения, мне срочно нужно было транспортное средство. Поэтому первое, что я купил во Вьетнаме, это был небольшой скутер «Ямаха». Счастью моему не было предела.

Когда-то, давно в детстве, я мечтал о двухскоростном мопеде. Очень хотелось «Ригу – 16» или «Верховину – 6 «Спорт». Стоило такое сокровище в 1982 году двести рублей и его можно было купить в любом магазине «Спорттовары». Моим друзьям состоятельные родители купили, а мне мои только обещали. В какой-то момент, устав от ожидания, я взял с мамы «честное коммунистическое» причем в письменной форме, снабдив документ подписью и отпечатком большого пальца. Но время шло, а заветного мопеда всё не было. Наверное, тогда я в первый раз задумался над тем, что разговоры о светлом коммунистическом будущем ерунда, раз коммунисты не сдерживают свое слово.

Сосед, четырнадцатилетний «бизнесмен», в приватной беседе подсказал скользкий путь, с помощью которого можно было, относительно легально, заработать немного денег. Он собирал дома черешню и продавал на базаре. Когда черешня закончилась, он перешел на абрикос, в том числе соседский. Мопед очень хотелось, и поэтому, я с энтузиазмом взялся собирать и продавать фрукты. Проработав, таким образом, полтора месяца, и скопив тридцать рублей, я купил подержанную рухлядь с необыкновенным рокерским рулем, сделанным из нержавеющей трубы с помощью трубогиба. Несовершеннолетний коммерсант по фамилии Се-

робаба обещал, что «Рига – 5» «аппарат хороший», нужен лишь небольшой ремонт и мопед будет «летать как новый». Неделю я реанимировал своего двухколесного друга. В какой-то момент он даже завелся, и пронес меня с диким ревом метров двадцать. Но затем внутри что-то заскрежетало, раздался хлопок, и мой мопед заглох навсегда, сообщив о своей кончине тонкой струйкой черного дыма. Что я не пытался с ним впоследствии сделать, он так и не ожил. С тех пор у меня не было ни мопеда, ни мотоцикла. И вот на конец, я мог осуществить мечту своего детства. В фирменном салоне «Yamaha», за полторы тысячи долларов, я приобрел новенький скутер, сделанный по образу и подобию спортивного байка.

Теперь, прохладными ночами можно было носиться вдоль берега, огибая весь полуостров, вдыхая свежий океанский воздух.

Вот так Вьетнам реализовал одно из моих детских несбывшихся желаний.

Жизнь во Вьетнаме резко отличалась от жизни в России, полной стресса и грубости. Я спокойно, не торопясь, делал визы, бронировал отели. Понимая, что сам заинтересован в большем количестве туристов, на меня никто не давил и не «пил кровь». Начальство лишь изредка напоминало о себе, интересуясь положением дел за кружкой пива в дружеской беседе. В разгар рабочего дня, я мог выключить телефон и пойти купаться. Причем если кто-то не мог мне дозвонить-

ся, это было нормально, ведь я «был на воде», а это уважительный предлог для того, чтоб не работать. Наша компания была ориентирована на спортивный туризм, и поэтому руководством приветствовались любые занятия водными видами спорта.

Учредителей было трое, но лишь один из них имел прямое отношение к серфингу. Он был чемпионом России и имел небольшой завод в Питере по производству досок для кайт-серфинга. Остальные «учредосы» были просто «сочувствующие», которым нравилось находиться в серферской тусовке и пить в собственном баре. Один из них был Леша, брат моего друга Стаса.

У нашего предприятия было «три источника, три составные части»: серф-станция, бар и агентство по туризму в моем лице. Больше всего денег естественно приносил бар. На втором месте по доходности был туризм. Серф-станция хотя и зарабатывала меньше всех, но была вывеской и прикрытием для всех наших дел.

Мечта заняться серфингом и «оседлать» большую волну, первый раз появилась в студенческие годы, после просмотра культового по тем временам фильма «На гребне волны». Борьба со стихией и внутренним страхом, показанная на экране, потрясала, но я никогда не представлял, что окажусь так близко к волне и к доске для серфинга. Во Вьетнаме появилась реальная возможность попробовать себя на новом поприще.

Погода в Вунг Тау была ветреная и больше подходила для кайтсерфинга, но еще это было идеальное место для начала занятия серфингом. В первую очередь потому, что небольшие волны и песочное дно делали процесс обучения безопасным.

Поначалу у меня ничего не получалось, но видя мои ежедневные потуги, известный сёрфер и писатель Замеховский, работающий тогда у нас простым инструктором, объяснил мне принцип скольжения по воде. Через день я «встал на доску». Радости моей не было предела. Приобретя в спортивном магазине пестрые серферские шорты с расчёской для доски, я стал похож на настоящего бездельника, ждущего большую волну.

Прошел еще один месяц моей безмятежной жизни. Леша очередной раз поругался со своей женой и меня назначили директором компании, в которой я работал. Это «повышение» никак не повлияло на фронт моих работ и на мою зарплату, но теперь меня приглашали на разные конференции и совещания местных туристических структур. Все чаще я стал надевать белую рубашку и брюки, вспоминая свою прошлую жизнь руководителя.

Потихоньку я обрастал связями. Знакомился с директорами гостиниц и туристических агентств. Иногда, вечерами мы встречались и потягивали пивко со льдом. Общались на английском, но для более тесного контакта, нужно было по-настоящему взяться за вьетнамский.

Не найдя хорошего учителя, я стал записывать в блокнот нужные фразы на вьетнамском языке, сопровождая транскрипцией и переводом. Вьетнамцы слыша, как я говорю на их языке, хвалили за хорошее произношение, но сами, чтоб не мучиться, называли меня «Зунг». Переводилось мое новое местное имя как «храбрый». Почему «храбрый» мне не объяснили.

В середине зимы русские туристы традиционно активизировались. Чтобы заработать лишнюю копейку, я не гнушался никакого приработка. Ночами ездил в аэропорт Сайгона и лично встречал туристов, сопровождая их в отели. В свободное время организовывал экскурсии. Процент от брони гостиниц и виз, существенно увеличивал мою зарплату. Теперь я зарабатывал гораздо больше, чем тратил, и у меня возникла идея пригласить сюда жену. Но Саша от приглашения отказалась. Обиженный, я пожелал ей удачи в личной жизни и решил написать Алене, но вовремя остановился.

Глава 19. Бар

Видя мои успехи в работе, начальство решило расширить сферу моей деятельности, назначив «смотрящим» за баром. Дело было новое и незнакомое, но сулило дополнительные деньги, поэтому я с радостью согласился. Перво-наперво, я посмотрел видеоуроки в интернете, в которых рассказывались рецепты приготовления коктейлей. Затем, изучил основы учета и ведения бухгалтерии. Через неделю я имел представление о секретах продажи алкоголя и о том, почему каждый пятый «шот» принадлежит бармену.

На тот момент в баре работали двое. Русская девушка Даша и вьетнамо-китаец, Джимми (так он себя называл, хотя по паспорту от был Нгуен Ван Чой). С первого дня мои отношения с персоналом не сложились. В первую очередь потому, что я решил навести порядок и исключить воровство.

После первой проверки стало понятно, как и сколько крадет денег Джимми. Понял и Джимми, что дело может закончиться увольнением, и поэтому сразу миллион «сорри» и полное раскаяние, с обещанием выполнять все мои инструкции. Причем, когда я его воспитывал, он, как китайский пионер, улыбался и со всем соглашался. В результате моих действий, сумма, ежедневно краденная Джимми, уменьшилась до исторического минимума. С Дашей было тяжелее. Она была слишком независимой личностью, чтоб

выполнять какие-либо приказания и предписания.

Вся её жизнь была классическим примером «дауншифтинга». Несмотря на то, что у нее был красный диплом юрфака МГУ, и работа в московской прокуратуре, она, увлекшись кайтсерфингом, бросила всё и укатила за границу искать большой ветер. Пятый год Даша колесила по свету, временно остановившись во Вьетнаме.

С момента нашего знакомства мы не понравились друг другу. Несмотря на то, что это была высокая рыжая девушка, а рыжие и высокие мне всегда нравились, все в ней вызывало неприязнь. Даже длинные спортивные ноги и крепкий округлый зад не могли «перевесить» чашу весов симпатий, из-за ее характера. Может быть потому, что теперь у меня была аллергия на «независимых» и «слишком умных». А свою независимость и ум Даша подчеркивала при каждом удобном случае. Всё она знала и во всем разбиралась, почти как Алена. Произнося свои умные тирады (слушатели были, конечно же, мужчины) акцент делался на её неповторимости и «столичности». Особенности речи не были исключением. Апострофировала она, с московским акцентом-говором, растягивая «а». От этого недиссимилятивного «аканья» меня просто передергивало.

Пигментные пятна-веснушки, унизывающие все её тело с головы до ног, и большие выпученные глаза, с рыжими, почти невидимыми ресницами, дополняли список неприятия.

На форуме Винского, я случайно наткнулся на её блог:

«Вьетнам – рай для кайтсерфинга». Почитав немного, отметил, что у нее определенно дар писать, но симпатий от этого не прибавилось.

Моя персона ей тоже не нравилась. Уж не знаю почему, но с первого дня, на мои приветствия она отвечала сухо, всем видом показывая высокомерие и неприятие.

Теперь я оказался ее непосредственным начальником, от чего наши отношения окончательно испортились. Когда очередной раз, в смену Даши, обнаружилась недостача пива и разбитые бокалы, в ответ на мои претензии она просто послала меня подальше. Призвав руководство в лице Леша для умирения неуправляемой работницы, я сообщил ему об инциденте. На все вопросы ответ Рыжей был простой: «Кирсанов меня домогается, а я ему не даю – вот он и придирается». Руководство устроило такое объяснение и всё «спустило на тормозах». В приватной беседе, подвыпивший Леша, «открыл мне глаза»:

– Понимаешь, Даша человек тусовки. Она создает движение, к ней идут люди. Ну побили бокалов, ну выпили пива на халяву. Ну и что? Это же «кислота», это же серферская тусовка! А ты что, реально её домогался? Говорят, «заезжие» ей штуку баксов предлагали, чтоб с ней переспать, а она отказалась!

– Леша, никого я не домогался. Ладно, проехали. Все понял, – ответил я, с большим желанием закончить этот глупый разговор.

С этого дня мне стало понятно, что излишнее рвение к работе никому здесь не нужно и лишь портит отношения.

Еще один немало важный факт я отметил для себя. Профессиональные серферы (те, кто зарабатывает на жизнь своим увлечением) практически никогда ни за что не платят. У них есть свой кодекс: «Мы парни особые, не такие как все. Хотите с нами дружить – платите за все». И действительно, платили за все приезжие туристы-любители те, кто занимается серфингом в свободное от работы время. Обычно это были хорошо зарабатывающие топ-менеджеры или руководители предприятий, которым надоело пить и париться с бабами в бане. Увлечшись экстримом, они пытались разнообразить свою пустую жизнь, путешествуя по серферским местам, проводя каждый отпуск то в Венесуэле, то на Филиппинах, то во Вьетнаме.

Я был свидетелем, когда состоятельные женщины платили за выпивку молодых серферов, но ни женщин, ни серферов, от этого не коробило.

Даша «варилась» в этой тусовке и, конечно же, угощала своих друзей, за счет заведения. Теперь на это я закрывал глаза, а рыжая бестия восприняла это как победу.

Несмотря на незаурядный ум и яркую внешность, в отличие от остальных обитателей русского сообщества, Даша постоянно пребывала в одиночестве. Лишь один раз стал свидетелем, стремительно развернувшегося романа с ее участием, который чуть не закончился трагедией.

На несколько дней, в наш городишко, заехала группа серферов, которые решили посмотреть Вунг Тау и заодно поискать здесь ветра и волны. Первым делом парни отправилась в наш бар, где располагался негласный центр помощи соотечественникам, потому как здесь всегда можно было недорого взять мотик напрокат и найти дешевый, а иногда и бесплатный ночлег.

В день появления ребят на нашем «споте» работала Даша. Естественно, с первых минут, все внимание было обращено к ней. Высокая, спортивная, с огненно-рыжей копной. Такую девушку не возможно было не заметить. Короткие джинсовые шорты и белый топик, одетый на голое тело, лишь подливали масла в огонь общего интереса. Постоянно наклоняясь за льдом, она демонстрировала безупречно круглую, почти «бразильскую» задницу. Одним словом, в этот вечер, рыжая фурия была всеобщим предметом вожделения.

Поначалу Даша присматривалась, и купалась во внимании мужского пола, но затем, не удержалась, и начала блистать эрудицией, вываливая на слушателей свои познания в разнообразных областях. Ближе к полуночи, один из парней, невзирая на умные речи и нарочито подчеркнутую независимость, ничего не объясняя, взял рыжую повелительницу бесплатного пива в охалку и буквально утащил в темноту, оставив бар без бармена. Мне пришлось занять ее место, хотя я уже собирался ехать домой. Через час Даша вернулась совершенно другим человеком. Уж не знаю, что там с ней

делали, но она «поплыла» и растаяла. От былой «буки» не осталось и следа. Рыжая вредина стала мила и приветлива, даже со мной. Она поблагодарила за то, что я ее подменил, и попросила выходной на будущую смену. Видя такую перемену и такой «лямур», конечно отказать ей не представлялось возможным.

Следующий день она провела в обществе своего нового друга, днем совместно рассекая волны на кайте, а вечером гоняя на мотиках по округе. Издалека казалось, что они нашли друг друга.

Внешне, избранник Даши ничем особенно не выделялся. Он не был красив, он не был высок. Обычный молодой поджарый разгильдяй, с кубиками на животе, решивший связать свою жизнь с ветром и океаном. Возможно, он знал на какие-то волшебные места-кнопки на которые нужно давить, чтоб женщины ему подчинялись. Но скорее всего, Даша была той ханжой, которая пряталась под маской переборчивой утонченной недотроги, а на самом деле ждала грубого вмешательства в ее душу и в мышечно-эластическое образование малого таза.

Как это обычно бывает, такие романы, либо длятся годами, либо заканчиваются через день. Увы, парень «поимел» мою работницу и на вторые сутки отправился дальше искать ветер и приключения, даже не попрощавшись с объектом временного физического пристанища. Взбешенная Даша, бросила всё и рванулась вслед за любимым. Благо, на

юге Вьетнама все серферские тропы вели в Муйне, где найти его не составило труда. Очевидцы рассказывали, что в момент разбирательства, разъяренная Даша пыталась вылить в лицо вчерашнего возлюбленного пузырек с «зеленкой», а когда промахнулась, схватилась за нож. Чудом, дело не закончилось смертоубийством. Все происходило в ресторане, при большом стечении народа, поэтому рыжую мстительницу удалось быстро нейтрализовать. Затем, видимо желая «отомстить» она подстриглась наголо и вернулась в Вунг Тау. После такой встряски, естественно ни какой работе речь идти не могла. Видя работницу без роскошной рыжей гривы, я понял, что нужно начать поиски нового бармена.

Неделю Даша с горя пила, а потом ни с кем не попрощавшись, укатила на Баракай.

Глава 20. Ева

Каждую пятницу в баре, где теперь я проводил часть своей жизни, устраивались тематические вечеринки. Обычно выбиралась какая-то определенная «тема», а к ней подбирались музыка и наименование бесплатного первого коктейля. На этом «тематика» заканчивалась. Далее вечер превращался в обычную попойку.

На одной из таких вечеринок, обозванной «Mexican Party», судьба свела меня с интересной девушкой по имени Ева. Время было за полночь. Я как обычно развлекал очередную партию туристов рассказами о местных достопримечательностях и менталитете местного населения. После того, как народ изрядно наакался мексиканских напитков и натанцевался на стойке бара под песню «А я, я йа, йа!», кто-то крикнул: «На маяк!». И все кто стояли на ногах, оседлав своих двухколёсных коней, поехали, точнее сказать полетели, смотреть сооружение, построенное сто лет назад французскими колонизаторами. Я естественно присоединился.

Поездка на маяк была местной забавой, которая иногда не очень хорошо заканчивалась. Дело в том, что маяк находился на горе, и к нему вел извилистый серпантин. Там и трезвому человеку было сложно проехать, но нам после бутылки текилы «на брата» и пяти «маргарит» «на сестру» дорога казалась совершенно безопасной. Обгоняя друг друга,

мы неслись наверх с бешеной скоростью, по опасной извилистой дороге.

Со мной поехала Ева, молодая девушка, прилетевшая на месяц отдохнуть во Вьетнам с подружкой. Уже неделю она была в поле моего зрения, но я не решался с ней заговорить потому, как вокруг нее постоянно вертелись молодые загорелые спортсмены. На этой вечеринке Ева была «навеселе» и, поддавшись общему порыву, запрыгнула на сиденье моего скутера.

Беды в тот раз, к счастью, не случилось и в конечную точку нашей гонки все добрались живыми и здоровыми. Бросив невдалеке свои мотобайки, ночные посетители горы разбежались в разные стороны. Ева схватила меня за руку и потащила на край смотровой площадки, с которой открывался прекрасный вид на остывающий от дневного зноя, ночной город. Достав из сумки текилу, предусмотрительно захваченную в баре, я сел на бетонный край свесив ноги. Спутница поддержала инициативу, разместившись рядом. Из вежливости предложил «даме» первой. Ева махнула прямо «из горла».

Стыдно признаться, но тогда мне нравились девушки, пьющие крепкие спиртные напитки. Сейчас я понимаю, что пить плохо, а пить молодой девушке тем более. Но в тот момент жизни, вместо жеманницы предпочитающей «Дайкири» в специальном бокале, я отдавал предпочтение девушке без запросов, способной на простое потребление сорока-

градусного яда. Такое «видение» питания, скорее всего, было продиктовано киношными стереотипами. В заокеанских фильмах частенько показывали героя пьющих из бутылки. Видимо, по мнению создателей кинолент, это подчеркивало безысходность ситуации или крутость главного героя.

Вдруг вспомнилось, как мы с Аленой напились в центре Москвы, среди бела дня, когда летели в Тунис. Руководитель группы почему-то собирал всех у «Павелецкого». Пока ждали опаздывающих, промерзли до костей. Проникнув в теплое тело вокзала, я решил, что надо срочно «согреться» изнутри. Электричка в «Домодедово» отходила через пятнадцать минут, и куда-то идти, просто не было времени. Достав из чемодана водку, приготовленную в качестве подарка тунисским друзьям, я сделал несколько глотков прямо из бутылки, несмотря на протесты любимой. Тогда еще можно было выпить посреди общественного места, без опасений, что тебя оштрафуют или арестуют. Алена долго возмущалась, но видя мои повеселевшие глаза, тоже решилась. Для порядка она посмотрела на меня осуждающе, как будто я толкал ее на преступление. Потребовала «тару» и хоть какую-нибудь закуску. Группа, с которой мы летели, двинулась на перрон, с интересом разглядывая Алену стоявшую посередине Павелецкого вокзала в длинной шубе с бутылкой водки в руке. Времени на поиск посуды и еды совсем не оставалась. Алена открыла водку, зачем-то ее понюхала, заправски выдохнула и сделала несколько глотков. Проглотила, не морщась, пока-

зывая характер. Алкоголь моментально «согрел». В приподнятом настроении, с теплом в животе, мы весело двинулись к электропоезду, волоча за собой чемоданы. Всю дорогу в Домодедово Алена прижималась ко мне и шептала на ухо какие-то нежности.

Спутница передала бутылку. Я тоже выпил.

– Давайте знакомиться, раз уж мы пьем из одной бутылки.

Меня зовут Ева.

– А я знаю. Я вам с подругой визы делал. Гера, – произнес я, и привстав, чуть мотнул головой.

– Гера это Герман? – продолжила разговор моя спутница, – ваши родители что, «Пиковую даму» любили?

– Ну, во-первых, там был немец Германн, с двумя «н» на конце, во-вторых, это была его фамилия, а не имя. Кстати, имя его писатель так и не указал. Ну а в-третьих, я рад, что сижу рядом с молодой красивой девушкой, которая читала Пушкина, ну или хотя бы слышала о нем!

Ева надула губки. Видимо, природная воспитанность не давала ей возможность ответить на мое хамство, и она произнесла чуть заплетающимся языком, стараясь чеканить слова:

– Не знаю, как в оригинале, но в опере Чайковского в либретто, он с одним «н», а вот то, что это фамилия я, честно говоря, не знала.

– Снимаю шляпу! Гера – практически моё второе имя и, по совместительству уменьшительное от Георгий. Родители хотели назвать меня Герман, но дедушки и бабушки взбун-

товались.

– А мне имя Герман нравится!

– Мне тоже, но уж как назвали, так назвали. Причем, как выяснилось Герман имя почти русское. В древней Руси «предки» Германов были Ерманы, или Ермаки. А вы что оперу любите?

– Ой, это длинная история! У меня все в семье деятели культуры. Пойдемте Ерман, смотреть на маяк!

Ева схватила меня за руку, как ребенок берет родителя, и потащила в сторону входа в башню. Вьетнамец, дремавший на входе, долго упирался, что-то лепетал, но капитулировал при виде сто тысячной купюры, пропуская нас в чрево маяка.

Продолжая держаться за руки, мы поднялись по извилистой лестнице на самый верх, в световую камеру. Отсюда открывалась завораживающая панорама спящего города. Пока моя спутница любовалась ночными красотами, я, воспользовавшись прекрасным освещением, принялся ее рассматривать. Ева была спортивно пропорционально сложена. Длинные серферские шорты зрительно укорачивали ее ноги, но если бы на ногах вместо шлепок были туфли на каблучке, а вместо шорт короткая юбка, она выглядела бы определенно красавицей. Светло русые волосы выгорели под экваториальным солнцем, и поэтому, Ева смотрелась почти блондиночкой. Под опаленными ресничками, которые забыли, что такое тушь, блестели веселые, постоянно бегающие глаза.

Чуть вздернутый обгоревший нос придавал лицу легкомысленное, по-детски непосредственное выражение. Кипельно белая майка, одетая на голое тело, бессовестно обтягивала небольшую грудь, удивительно правильной формы.

– Ну что, пошли? – произнесла моя юная знакомая.

Я повиновался. Мы спустились и встретили у дверей нашу тусовку. Народ тоже хотел подняться на маяк, но охранник их пускать отказывался. Поступило предложение переместиться на другую сторону горы. Там была еще одна площадка, которая открывала прекрасный вид на ночную бухту со стороны городской набережной. Мне захотелось отделиться, увести Еву куда-нибудь подальше, чтобы остаться с ней наедине. Хотелось любви и близости с этой милой молодой девушкой. Но увы, и эту ночь мне суждено было провести в одиночестве.

Напитавшись ночными видами и остатками мексиканского самогона, всем разом захотелось чего-нибудь горяченького. Несмотря на то, что после двенадцати жизнь в Вунг Тау замирала, в центре города было несколько мест, где круглосуточно продавался знаменитый на весь мир суп «Фо».

Ева прыгнула на чей-то скутер и унеслась в темноту. Я остался один на один с ночным городом. Сердце опять защемило. Накатила грусть и безнадега. Мысли полетели на родину, где была жена и Алена.

Весь следующий день, с раннего утра до позднего вечера я провел на берегу в надежде еще раз увидеть Еву, но увы, чуда

не случилось. Она исчезла из моей жизни так же внезапно, как и появилась. Спустя сутки, один из участников ночного заезда на маяк рассказал мне, что Ева с подругой уехала в Муйне и больше в Вунг Тау не вернется.

Глава 21. «Красные фонари»

Я уже отмечал, что Вунг Тау, как любой портовый город, изобиловал борделями и барами с консумацией.

Туристы, желающие посмотреть «настоящую Азию», постоянно просили меня показать им эти заведения, и поэтому, я хорошо ориентировался в окружающем мире продажной любви.

Большинство «заведений» маскировалось под массажные салоны, которые были на каждом углу. Обычная нелегальная «массажница» представляла собой небольшое помещение, разбитое перегородками на максимальное количество кабинок, в которых еле умещалась кровать. Если встать на носочки, то можно было рассмотреть, что делается в соседней кабинке. Но были и салоны «премиум» класса. В них девушки были симпатичнее и дороже, а комнаты больше и опрятнее.

Те, кто бывали в Юго-восточной Азии, знают, что в таких местах массажистки эксплуатируют определенные точки, при стимуляции которых, даже у мужчин, имеющих определенные проблемы, плоть пробуждается. Я заметил, что во время массажа они уделяют особое внимание внутренней стороне бедра, но где именно надавливают так и не понял.

Обычно, все происходит примерно так. Вначале вас для

порядка немного помассируют, затем потихоньку, вроде невзначай, начинают давить на нужные точки. У большинства возникает законное желание «продолжить» и «зайти чуть дальше». Но еще до того, как вы открыли рот, чтобы спросить «можно ли...», вам уже идут навстречу и предлагают удовлетворение, обычно в «устной» форме, но за отдельное вознаграждение. Именно эта плата и составляет основной доход таких заведений. Зная эту методику, даже в обморочно пьяном состоянии приходя в «массажные», я с порога сообщал: «Масса – тот, бэби ням ням – хом тот!». Если перевести эту мешанину английского и вьетнамского, то звучит это примерно так: «массаж – хорошо, минет – плохо». Кто научил вьетнамок называть оральный секс «бэби ням ням» для меня осталось загадкой.

Получать «любовь» в таких местах мне не позволяли принципы, но туристы, вкусившие продажный плод, говорили, что вьетнамские королевы полутьмы гораздо душевнее, чем наши блудницы. В чем выражалась их душевность, за все эти годы мне так и не удалось понять.

Внешне это были обычные девушки. От вьетнамок, ходивших по улицам, их отличал только вызывающий наряд и принципы. В большинстве своем, носили они, короткие трикотажные платья ярких цветов. Грудь практически у всех азиаток маленькая и поэтому отсутствие хорошего бюста компенсировалось поролоновой имитацией. Некоторые наклеивали ресницы и от этого были похожи на маленькие

фарфоровые куклы. Туфли на платформе и большом каблучке они снимали при первой возможности, меняя их на удобные шлепки.

Во время очередного экскурсионного тура по таким местам произошел комичный случай.

Трое друзей предпенсионного возраста из Южно-Сахалинска попросили показать им «хорошее» заведение с «плохими» девочками. В благодарность дальневосточные друзья подарили мне огромную банку красной икры.

Я эскортировал гостей в старейший отель нашего города, при котором находился известный массажный салон, где «делали всё»! Тут были и «традиции» и чистота, потому как стены этого борделя помнили еще американских вояк.

Два друга быстро выбрали себе массажисток, а вот третий, седовласый ворчун, перебирал и сомневался.

– Георгий, а там точно будет все нормально? А это не дорого? А сколько ей нужно после этого дать этих ваших вьетнамских фантиков? А я ничего там не подхвачу? А ты меня не бросишь?

Странная логика: «А я там ничего не подхвачу?». Конечно «подхватишь»! Рано или поздно это случится. Хочешь быть уверен на сто процентов, сиди дома, будь верен жене и не рыпайся.

Конечно, можно было рассказать, о том какая «зараза» присутствует в такого рода заведениях, но я решил не травмировать психику стареющего искателя приключений.

– Все будет нормально! – соврал я, – расслабляйся Петрович! Дашь ей двести тысяч и все!

– Георгий, только ты меня дождись, пожалуйста.

– Хорошо дождусь, – пообещал я, несмотря на поздний час.

Петровича завели в первую от входа кабинку и по моей просьбе предоставили ему самую красивую и искусную девушку, имеющуюся в наличии на тот момент.

Тонкие стены сделали меня свидетелем сакраментальной фразы, которая до сих пор вызывает улыбку.

Как и положено, клиента раздели и помыли. Затем, немного помассировали. Кровь прилила к нужным местам. Дальше последовало основное действие. В момент наивысшего наслаждения, которое наступило достаточно быстро, Петрович заорал: «Ой, ёй, как хорошо! Люблю, наверно жёнюсь!».

Вьетнамка администратор, спросила всё ли хорошо. Я перевел. Она засмеялась.

Через пять минут вышел Петрович, светящийся как новогодняя елка, и сообщил, что подобного возбуждения он не испытывал со времен перестройки.

Помимо «массажниц», и туристы, и местные экспаты, любили пройтись по барам продажной направленности. Самым крупным заведением «с девочками», был «Красный попугай». Там работало более тридцати молодых девушек, которые окружали тебя любовью и заботой с первой секунды тво-

его появления. Основной принцип их работы заключался, не в предоставлении интим услуг, а в выкачивании из тебя денег на алкоголь. Заказывая выпивку гостям, девушки уговаривали купить им чего-нибудь выпить. Обычно это были коктейли с замысловатыми названиями, которые в действительности оказывались сладкой подкрашенной газировкой. Однако, стоила эта «газировка», как двадцатилетний виски. Завсегдатаи таких баров знали эти уловки, и поэтому, наливали девочкам из своего стакана. «Куклы» морщились, но пили.

Многие «консуматорши» конечно нагтели, но в основном обстановка была веселая и непринужденная. Мужчинам нравилось ощущать себя местечковыми властелинами душ, напиваясь в компании смазливых мордашек.

Девушки давали подержать себя за талию или ниже, но не более. Если ты хотел большего, то нужно было заплатить астрономическую неустойку заведению, якобы за упущенную выгоду, и отвести девушку в ближайшую гостиницу. Но на это соглашались далеко не все работницы.

Ближе к полночи, в таких заведениях, предлагалась «промо-акция» – если купишь две бутылки виски, то девочки для тебя станцуют. Туристы, опьянённые атмосферой, велись на подобные предложения, но увы их ждало разочарование. Вьетнамки залезали на небольшой подиум с шестом и исполняли целомудренный танец. Движения их были просты и не замысловаты. Максимум, что они позволяли себе –

это чуть задрать юбку. В разных местах я наблюдал за танцами местных девушек и пришел к выводу, что танцевать вьетнамки совершенно не умеют.

Однажды я стал свидетелем дуэли «принципы против денег». В «Красный попугай» меня затащил хороший знакомый. Он заработал денег и после тридцати дней вахты в море жаждал развлечений. Изрядно выпив, товарищ пристал к одной из девочек с просьбой показать грудь. Работница алкогольного «развода», вежливо по-английски сообщила, что начальство не разрешает им обнажаться. Друг не унимался. Мне было понятно, почему его выбор пал именно на эту девушку. Я часто видел ее в «попугае» и про себя называл «Дикарка». Она не была похожа на обычную вьетнамку. В ней было что-то индонезийское или малайское. Большие глаза, острые скулы, волевой подбородок. Темная кожа. Взгляд был дерзкий и немного отталкивающий. Неповторимость придавал немного испорченный нос. Одна ноздря была чуть порвана. Видимо, у девушки была «веселая» юность. Одетая она была просто, но возбуждающе. Короткая узкая юбка, обтягивала маленький мускулистый зад, а короткий топик, еле прикрывал небольшую остроконечную грудь. Бюстгальтер, в отличие от всех остальных, она не носила.

Началась торговля. Друг предложил двадцать долларов за секундный топлес. Эта сумма никак не заинтересовала Дикарку. Пятьдесят долларов – ответ: «No»! Друг завелся, как игрок в казино. Пятьдесят долларов – это миллион донгов.

На эти деньги можно было снять номер в отеле и девочку с улицы на ночь. Ставки пошли вверх. Восемьдесят долларов! Опять нет! Дикарка смотрит на меня, смотрит на моего друга и не может понять, чего это мы именно к ней прицепились. Вокруг собрались девушки, готовые показать все и за меньшие деньги. Но нам была интересна именно ее неприступность и независимость. Когда же она сломается? Друг огласил последнюю цифру – сто долларов! Это два миллиона в местной валюте. При хорошем раскладе и экономии обычной вьетнамке можно месяц не работать. Дикарка отошла и села на красный кожаный диван. Мы с другом хлебнули вискаря. Через минуту девушка вернулась за наш столик. «Ок!» – сказала она твердым голосом.

После совещания, подружки-консуматорши организовали у стенки небольшой кружок, так чтобы ни посетители, ни бармен-надсмотрщик не увидели, что там делается. Мы подошли к живой изгороди. Дикарка стала в центр и с гордым видом скинула топик, обнажив миниатюрную, ничем не приметную азиатскую грудь. Прошло две секунды, топик вернулся на место. Сто долларов нашли нового хозяина. Я посмотрел на друга, он сиял.

– Ну и что ты нового там увидел? – спросил я.

– Я ее сделал! – гордо ответил он.

– Да нет дорогой, это она сделала тебя, – резюмировал я.

Мы оба засмеялись!

Глава 22. «Миллионерская дочь»

За время жизни моего самоизгнания из России, мне приходилось встречать много представительниц прекрасного пола. Все они были неповторимые и, наверное, каждая из них, заслуживает отдельной главы. Но была одна, которая так взволновала меня, что я на какое-то время забыл про всех и вся, включая Алену.

Во Вьетнаме обменяв сто долларов можно стать миллионером, в России рублевый миллион чуть больше, но этой цифрой уже никого не удивишь. А вот долларовые миллионеры все еще вызывают восхищение и интерес фискальных органов, в первую очередь потому, что мало кто заработал такие деньги честным путем. Но это мое повествование не о миллионах или миллионерах, а о встрече или, правильнее сказать, о романе с дочерью русского долларового миллионера.

В один из дней я, как обычно, приехал утром в бар контролировать своих сотрудников. Бармен, инструктор по серфингу, садовник и электрик-разнорабочий вышли на работу вовремя, без всяких приключений. Такое случалось не часто, потому как «кворум» был далеко не каждый день. Еще пару дней назад, в шесть утра, позвонил сторож и на вьетнамском языке сообщил, что случилась беда. Через полчаса выяснилось, что наш бармен Леночка «напродолжалась» так,

что такси привезло её обездвиженное тело под утро неизвестно откуда. Таксист подобрал её другой стороне острова, «вдрызг» пьяную. Поездка длилась больше часа, потому как пассажирка постоянно вырубалась и не могла внятно объяснить куда ехать. Путешествие закончилось, только когда Леночка случайно увидела за окном автомобиля знакомый пейзаж и промычала: «Здесь», указывая на бар на берегу. Рассчитаться пришлось мне так как, ни денег, ни трусов у девушки не было.

За день до этого, не вышел на работу инструктор по серфингу. Причина была более чем уважительная, так как «до утра они кого-то провожали в Муйне». Несмотря на моё возмущение, русский персонал продолжал напиваться, а «хозяйева» на все это закрывали глаза, потому как каждая пьянка приносила прибыль, а в нашей организации ни туризм, ни обучение кайтсерфингу не давало столько денег, сколько давал бар.

Обрадовавшись, что сегодня все на месте, я решил искупаться, но у кромки воды столкнулся с двумя русскими девушками. Одна из них была жена Леши, вторую барышню видел впервые. Рядом с ними бегали два белобрых мальчугана, которые были похожи друг на друга, как две капли воды. При чем один из них был сын Леши, а второго «брата близнеца» я никогда не видел. В голове невольно мелькнул сценарий индийского фильма, в котором братьев разлучили в роддоме и вот они встретились во Вьетнаме.

– Привет Свет! Здравствуйте прекрасная незнакомка, – бодренько поприветствовал я девушек.

– А я что, не прекрасная? – игриво спросила жена Леши.

– Светик, конечно, ты «прекрасна как морской рассвет» – начал я, но меня перебили.

– Познакомься, это Наташа. Она практически местная, так что «помогать ей посмотреть окрестности» и «свозить на маяк», предлагать не стоит, – предупредила жена моего начальника.

– Очень приятно, Георгий, – молвил я чуть растерянно.

В этот момент я поймал на себе брезгливый взгляд незнакомки. Удивительно, но я еще ничего не сделал ей плохого, а она уже смотрела на меня с отвращением. Ну да я некрасивый, не высокий, «на мне узоров нет, и цветы не растут», но неужели я до такой степени противный и отталкивающий?

Ощущение было такое, что девушка взяла в руки банку с медом, которая оказалась по краям липкая. Все её естество мгновенно возмутилось этой липкостью и тем, что опять ей придется мыть руки. Наверно это не слишком точное описание увиденного мной выражения лица. Для правдоподобности стоит прибавить еще какой-нибудь раздражающий фактор, например большую зеленую муху, которая кружит над медом.

Почувствовав себя липким и назойливым «мухо-мёдом», я попрощался и поплыл на глубину, чтоб смыть неприятные ощущения от утренней встречи.

Шел третий месяц моего пребывания во Вьетнаме. За это время я пытался пристать к какой-либо особи женского пола, но все мои потуги заканчивались ничем. В первую очередь потому, что с вьетнамками я принципиально связываться не хотел, а русских девушек в Вунг Тау было не так немного. Из-за такого дефицита, на каждую заезжую туристку был конкурс, как в институт международных отношений – на одно «девушко-место» десять желающих. А желающие, в большинстве своем, были либо молодые и красивые, либо богатые, нечета мне. Поэтому, конкурировать было сложно.

Основная добыча доставалась инструкторам по серфингу, молодым парням с кубиками на животе в приспущенных шортах, одетых на голое тело. Они, одни из первых, видели приезжающих, но избалованные женским полом, бросались далеко не на каждую девицу, отдавая предпочтение только юным персонам модельной внешности. Следующими соискателями на женские тела были местные работники нефтяной отрасли. В русско-вьетнамском предприятии, находящемся в нашем городе, работало около тысячи россиян и некоторые представители сильного, но неверного пола, бросив дома жен и детей, искали приключений в нашем баре. В городе они прекрасно ориентировались, а денег у них было в разы больше чем у остальных конкурентов.

Замыкали тройку претендентов на одноразовую любовь туристы, которые приехали без своих половин. Обычно их было не много. В большинстве своем это были мужчины «за

пятьдесят», группами по два-три человека. Потребляя ежедневно все спиртосодержащее подряд, под вечер они бросались на любую женскую особь, невзирая на внешность и возраст.

Представьте такую картину, приходит в русский бар девушка или женщина, а конкуренции ноль. Вокруг пьяные, на всё готовые мужички.

Разнообразием прологов девушек не баловали. Обычно вся завязка держалась на двух фразах: «Девушка можно я Вас угощу?». А через пять коктейлей или кружек пива: «Давайте съездим на маяк, полюбоваться ночным городом!». Находясь на берегу океана, под пальмами и красивым звездным небом, этого было достаточно. В большинстве своем, девушки на все соглашались.

Одним словом, если какой-либо представительнице прекрасного пола нужно поднять свою самооценку, то ей следует приехать в Вунг Тау. Вечером прийти в русский бар и заказать чашечку кофе. В течение вечера «пять подходов к телу» будет гарантировано. А уж с кем «продолжить», решать вам.

Подруга жены Леши, видимо знала всю эту «кухню» и поэтому, особенно брезгливо относилась к любым проявлениям познакомиться для романа на одну ночь.

На следующий день, вечером я опять встретился с Наташей и Светой, но теперь уже в баре. Во избежание очередной психологической микротравмы, разговаривать с ними не хо-

телось, но общение все же состоялось. Девушки подсади ко мне, потому как почти все места у стойки были заняты, и жена Леши с нотками зловредности в голосе произнесла:

– Ну что Гера, нашел сегодня кого-нибудь для поездки на маяк?

– Нет не нашел Светочка, разве что с тобой прокатиться? – съязвил я.

– Я не против. Сейчас выпью пару бокальчиков пивка и вперед.

С момента, как меня назначили директором компании, которую до этого возглавляла жена Леши, Света, то выплескивала желчь в мою сторону, то делала пространные намеки. Возможно, это была провокация, чтобы скомпрометировать меня в глазах супруга, а может, ей нужна была очередная жертва своей распущенности. Но я делал вид, что ничего не понимаю.

Наташа, в момент нашего «обмена любезностями», потягивала кокосовый коктейль, рассматривая окружающих.

Подошли знакомые итальянцы и жена Леши выскочила им на встречу, оставив меня наедине с подругой.

– А вы знаете, что коктейль, который вы сейчас пьете, придумал я? Точнее сказать смастерил «Пина коладу» из местных продуктов.

Девушка посмотрела на меня с некоторым интересом, но ничего не ответила.

– Там кокосовая сгущенка взбита с сахаром, а еще есть

рисовая водка и лед.

– Я люблю лед, – вдруг как-то невпопад произнесла скупая на фразы собеседница.

– Наташ, вы не думайте, пожалуйста, обо мне плохо. Ваша подруга все утрирует, – произнес я, пытаюсь реабилитироваться за то, что еще не совершал.

– А где находится Большая Медведица? В той стороне? – сказала моя визави, поменяв вектор разговора и показав рукой в сторону юга.

Стоит отметить, что меня приятно ошарашил тембр ее голоса. По моему твердому убеждению, голос это один из тех факторов, который либо располагает одного человека к другому, либо вызывает мгновенную антипатию. Несмотря на достаточно серьезный внешний вид, «звучала» Наташа как ребенок. Ее голос был похож на что-то среднее между тембром Мамонтенка, ищущего маму и Вовки из «тридевятого королевства», чуть простывшего и говорящего «в нос». С таким тембром она могла бы озвучить любого мультяшного персонажа.

– Медведица находится в другой стороне! – возразил я.

– Нет! Давай выйдем на берег, и я тебе покажу, – предложила Наташа, сразу перейдя на «ты».

– Окай!

В этот вечер был отлив, и вода, освободив большую часть песчаного пляжа, отползла от берега на приличное расстояние. Огромная, красно-желтая луна выглянула из-за гори-

зонта, осветив обнажившееся дно океана. Возникло ощущение, что наш путь лежит из оазиса в пустыню.

Пройдя метров сто, мы остановились и принялись разглядывать звездное небо.

Надо сказать, что на экваторе совсем другое расположение созвездий. Там все перевернуто с ног на голову, в прямом, а не переносном смысле. Те кто были в этих местах, наверное, обращали внимание на своеобразное положение месяца. «Большая медведица» не была исключением.

– Я видела ее там, просто сейчас не видно, – не унималась любительница льда и созвездий. – Спорим?

Из школьного курса астрономии я твердо помнил, что «Большая медведица» созвездие северного полушария, а Наташа указывала на юг. Возможно, она перепутала яркий пояс Ориона с двумя яркими звездами «медведицы», а может вообще забыла, как выглядит это созвездие.

Моих знаний хватало, чтоб без опасений заключить пари. Где здесь находился север, я знал точно.

– На что будем спорить? – начал я уверенно.

– Не знаю. Предлагай.

– Предлагаю. На желание. Желание любое, без всякой конкретики.

– Договорились!

В этот вечер на небе была легкая дымка, и не все созвездия просматривались хорошо. Вдобавок, пылающий огнями город делал свою «засветку» общей картины, поэтому при-

шлось прибегнуть к современным технологиям. Достав из кармана смартфон, я включил программу, которая с помощью камеры обозначала на экране точную карту созвездий, включая перевернутую вверх ногами «Большую медведицу». Наташу такое доказательство не устроило.

– Когда я сама увижу на небе «медведицу», тогда вопрос будет закрытым, – отрезала она.

– Но тогда нам придется, еще раз встретится?

– А почему нет? Тебе еще желание выполнять.

Мы вернулись в бар, где Наташу уже ждала подруга с горячими итальянскими парнями. Я отошел в сторону, чтобы не мешать, и направился на веранду, с надеждой посидеть в одиночестве, но меня поймал за руку новый друг и товарищ Сережа Басецкий. Басецкий был один из тех представителей местной русской тусовки, с кем всегда хотелось общаться. Это был образованный питерский парень, из профессорской семьи. В России его, возможно, ждала карьера, но он, закончив «макаровку», уехал из дома в поисках приключений. Работал в Бирме, Сингапуре, Малайзии, а теперь остановился во Вьетнаме.

У каждого из людей, комфортно чувствующих себя в Азии, есть свой «пунктик», то есть какая-то причина, по которой хотелось здесь жить. Серферам нравился ветер и волна, алкоголикам дешевый алкоголь, жителям дальнего востока палящее солнце, ну и конечно дешевый алкоголь. У Басецкого «пунктик» заключался в привязанности к азиаткам.

В любой стране этого региона, где он работал, он заводил роман, который всегда чуть не заканчивался женитьбой. В его списке были все, от бирманок до китайнок, включая даже одну девушку из Монголии, которую он случайно встретил в Сингапуре. Но его кипучая и ненасытная натура не могла ни на ком остановиться. Одним словом, он был в перманентном поиске идеальной спутницы жизни азиатской наружности.

– Привет Гера! Я смотрю, ты времени не теряешь! – начал Басецкий.

– Ты о чем? – ответил я, искренне не понимая предмет разговора.

– С Майской зажигаешь?

– Какой Майской?

– Наташей Майской!

– А, Наташей? Подружкой Светки? Не знал, что она Майская. Мы просто звездами ходили любоваться.

В русском баре считалось, что если парочка отошла от стойки в темноту, в сторону воды, то там происходят обязательно какие-то непристойности. В большинстве случаев так оно и было, но не в этот раз и не с нами.

– Звездами? Гера, не смей меня. Ты кстати знаешь кто у нее папа?

– Нет.

– Ты серьезно не знаешь кто у нее папа?

– Нет.

– Про «Сашу Мурманского» слышал? В «девяностые»

был известный «авторитет», он еще с «солнцевскими» воевал, когда те в Мурманске что-то отжимали.

– Кажется, что-то слышал. А что?

– Это ее папа! Говорят, когда в «нулевые» началась «чистка», компетентные органы намекнули ему, что Россию нужно покинуть, иначе «кирдык». Он вначале свалил в Тай, но пожив там немного, переехал сюда. Хорошо устроился, женился на вьетнамке. Через пару лет в среднем Вьетнаме построил завод по переработке местного перца, а на севере занялся отправкой консервированных огурчиков во «Владик». Долларовый миллионер! Причем все легально, правда, официально бизнесом владеет вьетнамская жена. А Наташа его любимая доча. Так что, в правильном направлении работаешь.

– Серый, она тебе чего, не дала?

– У нас с ней несовместимость, уж больно она «реактивная».

– Это как?

– Узнаешь потом. А ты давай, дерзай! Подружишься с «дядей Сашей», получишь блага!

– Какие блага? В фильмах мафиози ненавидят любовников своих дочерей и обычно их убивают, ну или хотят убить!

– Так это в фильмах! – сказал Басецкий и ринулся к стойке, за очередным азиатским приключением.

«Вот этот поворот! Ну я же ничего не сделал предосудительного? Чего мне бояться?» – подумал я и отправился до-

мой.

На следующий день, сделав все свои дела в баре, я отправился поужинать в любимый ресторан русского сообщества, где хозяин и по совместительству шеф, был итальянец Марко. Попытавшись заговорить с ним при первой встрече, на родном для него языке, я снискал в его глазах уважение и почет. «Задружили» мы после того, как я помог ему перевести на русский меню и отказался от предложенных денег.

– Buonasera singore! Parli italiano? – традиционно произнес я, видя у входа, хозяина ресторана.

– Sì! Io parlo un po' di italiano, – ответил Марко, громко засмеявшись, добавил уже по-английски. – Nice to see you George! How are you?

– Tutto va bene! Grazie! – продолжил я на итальянском, однако, на этом мой «разговорный» заканчивался. В запасе оставались отдельные слова и фразы, не подходящие к этому диалогу.

– Ciao, Giorgio, Ciao! – сказал Марко и дружески похлопал меня по плечу.

Ресторан, как обычно был полон посетителей. На втором этаже оказалось несколько свободных мест. За одним из столиков, я обнаружил подругу жены Леша в обществе сына.

– Присаживайтесь к нам, мы только пришли, – сказала Наташа вдруг перейдя на «вы».

– Спасибо! А я вам не помешаю?

– Да нет. Я кстати «прогуглила» наш вчерашний спор,

действительно «медведица» созвездие северного полушария, теперь осталось выяснить, где здесь север. Может там, где я показывала?

В этот раз я решил не спорить. Но, не потому, что на подсознательном уровне боялся разозлить дочку русского «мафиози», а потому, что начинал понимать, что это девушка упертая и достаточно категоричная. Такую, нужно просто слушать и совсем соглашаться, до того момента пока она не поймет, что сама не права.

– Можно я нам чего-нибудь закажу? – предложил я.

– А мы на «ты» или на «вы»? Я чего-то запуталась.

– Вчера были на «ты», сегодня на «вы».

– Давай на «ты», только без питья на брудершафт.

– Хорошо.

Я заказал три ананасовых «фреша» и два бокала домашнего итальянского вина. К радости ее сына, вместо обещанной ему мамой поленты, в заказ внесли большую пиццу пепперони.

Пытаясь произвести впечатление, я общался с официанткой на английском, сдабривая речь вьетнамскими фразами и словами, которые успел выучить.

Ожидая еду, у меня появилось время и возможность спокойно разглядеть девушку, которая при первой встрече изобразила отвращение, а спустя двое суток пригласила меня к себе за столик. Причем, я не прилагал никаких усилий к такой диаметрально противоположной реакции на мою лич-

ность, ни в первом случае, ни во втором.

Ничего необычного во внешности моей новой знакомой не было. Она не сражала наповал своими формами или размерами, но что-то в ней было определенно притягательное. В звуках голоса, запахе, манере поведения. Пока я не мог четко классифицировать ее магнетизм. Ко мне пришло то ощущение, которое иногда возникает в начале хорошей книги, когда прочитав десять страниц, ты еще не понял задумку автора, но почему-то уже убежден, что произведение хорошее. Вопрос читать дальше или не читать уже не стоит, и ты идешь до конца, какой бы финал не приготовил тебе писатель.

Это была девушка, или точнее сказать молодая женщина до тридцати. Ростом чуть ниже среднего. Присутствовали несколько лишних килограмм, но они не делали ее толстой, а лишь придавали некоторую мясистость ее формам. Честно говоря, мне никогда не нравились худые. По моему убеждению, пусть женщину «украшает» пара-тройка лишних килограмм, чем болезненная худоба. Короткие волосы имели опрятный вид и пепельный цвет. Видимо ее парикмахер имел хорошую квалификацию. Прическа подчеркивала достоинства и скрывала недостатки. Черты лица имели правильно-строгий, но чуть грубоватый вид. Несмотря на экваториальную жару, ресницы и губы приукрашивала косметика, что выделяло ее из общей массы окружающих женщин, не желающих краситься в таком жарком и влажном климате.

В одежде чувствовался стиль и дороговизна. Даже простое, на первый взгляд, льняное платье было сшито одним из ведущих мировых брендов. На милой ухоженной ручке, красовались не слишком приметные, но явно недешевые швейцарские часы (наверняка подарок папы). Одним словом, внешне она выглядела неброско, но «дорого». Во всем чувствовался лоск и «порода».

Принесли напитки. Мы выпили по глотку белого холодного вина.

– Я люблю «Мартини», – начала Наташа, – просто со льдом, чтоб было много льда! А ты был в Италии?

– Да, три раза. Ты знаешь, в Италии мало пьют «Мартини». В основном народ потребляет «сушняк». Ну а если уж где-то выпивают этот сладкий вермут, то с тоником или «содовой». Один знакомый итальянец предложил мне как-то положить в бокал с «Мартини» дольку репчатого лука. Ты знаешь достаточно прикольно.

– Какое извращение!

– А ты пробовала «мартини» с соком?

– Пробовала. Не люблю. Мне нужно льда, много льда.

– Стесняюсь спросить, а почему твой сын и сын Леши так похожи?

– У Светы родилась двойня и одного из близнецов я взяла на воспитание, – не задумываясь ответила Наташа.

Ребенок, сидевший за столом замер, выронив из рук телефон, в ужасе глядя на свою, а может быть теперь уже и не

свою мать.

– Seriously? – спросил я.

– Чё seriously? – переспросил, может быть уже и не сын.

Честно говоря, после того, как я узнал, что Наташа дочь известного «авторитета», ничему удивляться не приходилось. Я готов был поверить и в эту невероятную историю.

– Конечно нет! Я пошутила, а вы «повелись»! – весело произнесла Наташа, и рассмеялась своим мультяшным смехом, обнажив ряд безупречно ровных белых зубов.

Ребенок облегченно выдохнул.

– Ну мама? Чё за дела? – молвил теперь опять сын, вернувшись к игре на своем телефоне.

– Георгий, а ты что индийское кино любишь?

– В детстве любил! В моем детстве другого и не было. Либо про монтажников и трактористов, либо про индийские страсти.

– Мальчики одного возраста, одного роста, оба блондинчики. Издали похожи, но если присмотреться, то ничего общего в них нет.

– Понятно.

Принесли пиццу. Запивать качественную итальянскую еду хорошим сухим вином было приятно. Но, как только первый кусок пеперрони, увлажненный добротными дарами виноградной лозы, опустился в мой пустой желудок, зазвонил телефон. Приехали новые туристы. Нужно было срочно ехать в отель, чтобы помочь им с заселением. Я извинился

и спешно удалился, поблагодарив Наташу с сыном за компанию, не забыв оплатить счет.

Следующая встреча произошла на прибрежной части отеля, находящегося рядом с нашей серф-станцией. Показывая туристам территорию, я наткнулся на свою новую знакомую.

Во Вьетнаме не обязательно быть клиентом отеля, чтобы пользоваться бассейном. Оплатив три, а кое-где пять долларов, можно целый день плескаться в теплой хлорированной воде, игнорируя полезную океанскую пучину!

– Привет Наташ! – поприветствовал я купающуюся в солнечных лучах девушку.

– Привет!

– Сегодня обещают чистое небо. «Медведицу» искать будем?

– Хорошо, только давай встретимся на берегу, а не в баре. Хорошо?

Её предусмотрительность мне понравилась, особенно, в связи с «вновь открывшимися обстоятельствами».

– Давай в девять вечера напротив «Sammy Hotel». Погуляем, подышим. Заодно, ты выполнишь мое желание.

– Договорились. Купальник брать? Или будем купаться голышом? У тебя ж наверно, какое-нибудь такое желание?

Я оторопел.

– Шучу, – сказала она, и набросив полотенце на голову, опять погрузилась в релакс и солнечные ванны.

Ровно в девять, в районе назначенного места появилась

Наташа. Первый раз за долгие годы общения с женским полом я не знал, как себя вести. С одной стороны радовало, что она легко идет на контакт, но с другой стороны, без бинокля было видно, что предо мной девушка не простая, со странным, порой противоречивым характером. Как тинэйджер на первом свидании, я боялся ошибиться в выборе тактики.

– Ну и где «Медведица»? – начала Наташа.

– Вон там – сказал я, указывая на север.

Облаков в этот раз не было, и на экваториальном ночном небосклоне, усыпанным яркими звездами, четко просматривалась перевернутая вверх ногами «Большая медведица».

Наташа наклонила голову, пытаясь найти знакомый ракурс созвездия. Для пущей убедительности я достал телефон и включил программу, имитирующую компас с помощью GPRS, которую предусмотрительно скачал.

– Смотри, север там!

– Ладно, проиграла, – как-то уж очень быстро в этот раз сдалась любительница споров, – я ж блондинка!

– Давай прогуляемся вдоль берега? – предложил я.

– Это желание?

– Нет, предложение.

– Давай. А ты чего здесь во Вьетнаме делаешь?

– Не знаю. Как это не банально звучит, наверно бегу от самого себя. В России не стало ничего, ни работы, ни любимой женщины.

– Ни жены, – добавила Наташа.

Видимо, Светка уже осведомила ее о моих любовных неудачах и семейных коллизиях.

– А что, жена не может быть любимой женщиной? – сказал я, пытаясь увести русло разговора в другую сторону.

– Для вас, кобелирующих созданий, это разные вещи.

– Как говорил мой профессор в институте: «Современный человек должен отличать Гоголя от Гегеля, Бабеля от Бебеля, и кобеля от кабеля!».

Наташа рассмеялась.

– Георг! Можно, я так буду тебя называть?

– Конечно, только пожалуйста добавляй «Третий, король Британии и Ирландии».

– Хорошо, «Третий», ты кто по образованию?

– Инженер-технолог по композиционно-полимерным материалам, но по профессии ни одного дня не работал. Вечно шарахаюсь по местам, где больше платят. Вот только здесь нашел работу для души. Туристы, пальмы, кокосы. А ты чем занимаешься?

– Я доктор. Закончила «мед», работаю в роддоме. Ничего особенного. Один раз в год приезжаю сюда к папе на месяц и радуюсь жизни. В остальное время работа-дом-сын-работа. Ничего примечательного.

Дочь долларового миллионера, бывшего «авторитета», работает в роддоме? Я не удержался и спросил:

– А папа чего не помогает?

– Помогает, купил квартиру и машину, но на жизнь зара-

батываю сама!

Удивительная девушка. При таком папе работает, да еще в таком беспокойном месте.

– Так что там, с желанием? Вопрос исчерпан? Можно переходить к исполнению? – произнес я.

– А что ты хотел?

Я задумался. Желаний то у меня было много, но вот какое озвучить?

– Давай перед этим выпьем. Мартини со льдом.

– Ура! Давай! – искренне зардовалась Наташа, как ребенок, которому пообещали мороженое.

– Подожди меня тут минут пять, я все устрою, только никуда не уходи.

По остывшему от дневного зноя пляжному песку, я бодренько побежал в сторону нашего бара, который находился неподалеку. Взяв там «Мартини», бокалы и кулер со льдом, я вернулся к Наташе, застав её по колено в воде, на фоне множества светящихся огоньков.

Дело в том, что с наступлением темноты, местные рыбаки вышли на ночной промысел кальмара и сотня маленьких суденышек, стоявших возле берега, светилась тысячью огней, создавая иллюзию огромного морского города.

Подтащив поближе к воде два шезлонга, мы расположились у самой кромки моря, организовав незапланированный пикник.

Разлив «Мартини» в бокалы, полные льда, мы чокнулись

и синхронно, как по команде, отхлебнули. Надо сказать, мартины с большим количеством льда имеет совершенно другой, особый вкус. Холодный и чуть разбавленный, он становится не таким сладким, давая возможность раскрыться травяным ноткам.

Через пять минут полной тишины, которую прерывал только шум волн, мне захотелось блеснуть и заодно, добавить драматизма.

– А давай послушаем Вивальди, «Лето», – предложил я.

Наташа кивнула. Я достал из кармана плеер и поделился одним наушником.

Конечно, шум прибоя на фоне звездного неба это очень романтично, но если присовокупить к этому шедевр мировой классики, то получается сногшибательная визуально-звуковая картина.

Под последний аккорд третьей части «Лета» бокалы опустели. Наливая очередную порцию, я взглянул на Наташу. Уж не знаю, что именно на меня так повлияло, Вивальди или повышенная градусность вермута, но я ощутил прилив сил и чудесного настроения. Мне захотелось петь, плясать, декламировать стихи. Захотелось совершать глупости! Пока я раздумывал, как и с чего начать безумствовать, не заметил, что лью мимо фужеров, напивая прибрежный песок пятнадцати процентным алкоголем.

– С тобой все в порядке? – спросила ночная фемина, придавая горлышку бутылки нужное направление.

– До встречи с тобой было не очень, но сейчас всё в порядке.

После очередных глотков ледяного «Мартини», Наташа вдруг произнесла:

– А ты стихи любишь?

Я оторопел. Обычно эту фразу произношу я.

– Люблю. Лермонтова, Рубцова, Есенина.

– А я Асадова.

– Асадова знаю, у меня его родители любят, но я никогда не читал.

– Мне нравится вот это: «Как много тех с кем, можно лечь в постель, как мало тех с кем хочется проснуться!».

Наташа продолжала сражать меня на повал.

– Красиво. А что там дальше?

– Стихотворение длинное, все не помню: «Как мало тех, с кем можно помолчать, кто понимает с полуслова с полувзгляда, кому не жалко год за годом отдавать, и за кого ты сможешь как награду, любую боль, любую казнь принять!».

Возникла пауза. Каждый думал о своем, под шум океанского прибоя. Желание безумствовать почему-то пропало.

Как это всегда бывает, совсем некстати, у Наташи зазвонил телефон. Она взглянула на экран, встала и отошла в сторону. Сквозь шум волн я услышал: «Да милый!». Настроение моментально испортилось. Может быть звонил сын, а может любимый мужчина. Да и потом, с чего я взял, что она свободная женщина? Самодостаточная, умная, краси-

вая, она не могла быть свободной. Наташа вернулась без настроения. Стало понятно, что вечер закончился.

– Тебе уже пора? – начал я.

– Да мне пора, спасибо за вечер, – ответила Наташа, надевая шлепки.

– Тебя отвести?

– Нет спасибо, я возьму такси. Провожать не надо.

– Как скажешь, – почти обидевшись ответил я, и усевшись в шезлонг, продолжил в одиночестве слушать Вивальди.

Наташа, постояв минуту, тихо произнесла:

– Мне было сегодня хорошо. Я тебе потом все объясню.

Но, я уже этого не слышал, в моих ушах звучала «Зима» и стихи Асадова: «Как много тех, с кем можно лечь в постель, как мало тех, с кем хочется проснуться!».

Леночка в очередной раз «перебрала» в ночную смену, и мне опять пришлось работать вместо бармена. Обычно в пять часов вечера бар пустел. Вьетнамцы, подчиняясь зову желудка направлялись к местам продажи еды, а русские туристы разъезжались по своим отелям, чтобы принять душ и переодеться перед еще одним вечерним приключением.

За стойкой, кое-как стояла пара пузатых австралов и несколько соотечественников, которые никак не могли отлипнуть от бесплатного «wi-fi».

Проверяя кассу, я не заметил, как появился местный коммерсант Альберт Александрович. Он приходил к нам всего несколько раз, но мне запомнился по редкому имени и пото-

му, что в отличие от остальных наших посетителей, пил он исключительно зеленый чай, оставляя хорошие «чаевые».

– Привет Георгий! Хорошее у тебя имя, – начал он, – родится сын, обязательно назову Георгий. Георгий Альбертович! Звучит?

– Добрый вечер! Звучит! А вы что сына хотите? А я вот дочь!

– Каждый настоящий мужчина должен вырастить наследника. Кстати, а ты дочь мою не видел?

– А у вас что, есть дочь? Не знал, не видел.

В этот момент, в баре появилась Наташа с мокрым, только что выловленным из морской пучины, сыном.

– Привет пап! – произнесла она, и поцеловала Альберта Александровича в щечку.

– Привет дед! – крикнул сыно-внук, проделав тоже самое. Я замер, или точнее сказать, обмер.

Так что, Альберт Александрович – это «Саша Мурманский»? А почему он Альберт? Он ее папа? И мы уже знакомы? В голове возникло множество глупых, ненужных вопросов.

– Сделайте нам, пожалуйста, два кокоса из холодильничка, – сказала Наташа, делая вид, что мы не знакомы.

– Окей, сейчас сделаю, – ответил я, с излишней волнительностью в голосе.

– Георгий, сейчас придут мои гости, чем тише будет музыка, тем больше мы выпьем. Это понятно? – молвил папа

Наташи.

– Чего выпьете? Чаю? – почти истерично пошутил я.

Глаза бывшего авторитета сверкнули так, что я увидел этот блеск через затонированные стекла его очков.

– Я пью чай, а мои друзья хороший виски, – явно сдерживая свое раздражение, произнес Альберт Александрович.

– Все понял. Вам зеленый чай, гостям хороший виски, а музыки вообще не будет! – выпалил я, и марионеточно выключил усилитель, оставив всю территорию бара без музыкального сопровождения.

В полной тишине я стоял почти по стойке «смирно» в ожидании гостей, возможно таких же бандюганов, как папа моей новой знакомой.

– Э, Гера! А кокосы будут? – закричал сын Наташи.

– Милый мальчик, откуда он знает, как меня зовут? Непонятно, – зачем-то отчитался я перед «Сашей Мурманским».

– Тебя же здесь все знают. Георгий, ты чего такой дерганный? – произнес Альберт Александрович.

Наташа, глядя на мои несуразные действия, еле сдерживала себя, чтобы не разрыдаться от смеха.

– Да, да. Все знают. Город маленький! Конечно, меня все знают и никуда от этого не деться. И не сбежать! – ответил я себе под нос, метнувшись к холодильнику с кокосами.

Через несколько минут в баре появились двое. Седовласый пожилой мужчина и молодой здоровенный парень. Гости были одеты в строгие костюмы, несмотря на тридцати-

градусную жару. Уединившись в отдельном домике, стоящем недалеко от бара, они выпили по бокальчику двадцатилетнего виски и через десять минут собрались уходить.

– Сколько с меня? – поинтересовался Альберт Александрович.

– Уже уходите? Не понравилось? Музыка не было! Ничего вы не должны. Все за счет заведения! – сбивчиво и не логично затараторил я.

– Не понял. А с чего это вдруг, тебе меня угощать? Ты не заболел? Ты мне ничего не должен. А то получится, я тебе буду должен. А мне с моим образом жизни нельзя быть должным кому-то. Ты понял?

– Понял! С Вас двести сорок тысяч донгов.

– Вот так-то лучше, – сказал папа Наташи, дав мне полмиллиона, – сдачи не надо. И еще....

– Слушаю Вас.

– За Наташкой присмотри. А то говорят, она с каким-то мудаком крутится. Вчера их на берегу видели.

– Хорошо, присмотрю. Не переживайте.

– Ты все же какой-нибудь вьетнамской травки попей, для успокоения, – молвил Альберт Александрович и пошел к машине, где уже ждали его гости.

– Попью, – произнес я вслед, и хлопбыснул полстакана вьетнамской водки, без всякой закуски и «запивона».

– Сколько с нас? – услышал я за спиной.

Повернувшись, увидел Наташу с деньгами в руке.

– Ничего, за счет заведения.

– Я не поняла?

– Что тут непонятного? Или тебе тоже работа не позволяет быть кому-то быть должной?

– Что за тон?

Глаза дочери авторитета блеснули папиным блеском.

– Извини. Мне что-то нездоровится. Я просто хотел тебя угостить.

Кинув на стойку деньги, Наташа ушла, ничего не объясняя и ни в чем не разбираясь.

После вчерашнего, оборванного на высокой ноте вечера, я вернулся к своему прежнему «амебному» состоянию, в котором пребывал последний месяц. Новизна Вьетнама начинала приедаться. Теперь мало что радовало и удивляло. Кто-то сказал: «Человек животное кроткое и общественное, а не уединенное и дикое». Несмотря на то, что вокруг меня кишели люди, я был одинок. У меня не было рядом того, о ком бы мне хотелось заботиться, кому бы я мог отдать часть своего тепла. Возможно, это было наказание свыше за то, что я натворил в России. Но как искупить свои грехи? Вернуться к жене? Я приглашал ее в гости, но она приезжать не хотела. Возможно, я ей уже просто не нужен. Можно было опять начать общаться с Аленой, с перспективой пригласить ее во Вьетнам, но я отдавал себе отчет, что это тупиковый путь. Кроме животных страстей нас ничего не объединяет. После недели безумного секса меня бы опять ждало разочарование.

Одним словом, я был расстроен и остро нуждался в любви.

Несколько дней Наташа меня не замечала, несмотря на то, что ежедневно мы встречались на берегу и в баре. Я убедил себя, что «не по Сеньке шапка» и свыкся с мыслью, что наша встреча была ошибкой.

Наступил День Рождения Светланы, жены моего непосредственного начальника. Леша попросил меня провести мероприятие на высшем уровне, не ограничивая в бюджете, потому как были приглашены местные «нужные» вьетнамские руководители. Несмотря на мою неприязнь к этой вздорной аморальной бабенке, я сделал все так, что недозволенных не было. Шашлыки «à la russe», красная икра, запотевшая русская водка. В середине вечера, для вьетнамцев традиционно, прозвучала их любимая песня «Миллион алых роз». Помимо местных важных гостей, естественно, присутствовал весь русский бомонд.

В конце вечера, пьяная и благодарная Светка подошла ко мне и шепнула на ушко:

– Она очень ревнивая и ты ей нравишься.

– Кто? Кому? – не понимал я.

Вокруг было человек пятьдесят, но Светка кивнула в сторону скользящей за стойкой Наташи.

– Пригласи меня танцевать.

План был не очень, да и Светка была не лучшим союзником, но доля авантюризма, которая все еще присутствовала во мне, толкала на эксперимент.

– Хорошо, сейчас поставлю «медляк».

Первый раз за все это время, в баре звучала медленная композиция. Народ воспринял такое ноу-хау с одобрением. Молодое поколение, почему-то не танцует под «медляки». Сейчас наступила другая эра, когда можно прижиматься к друг другу под любым пустяковым предлогом. В наше же время, медленная композиция была единственным способом для того, чтоб приблизится к девушке на расстояние вытянутой руки.

Наташа не сразу заметила меня, танцующего в объятьях подруги. А Светка тем временем, для дополнительного эффекта, прижалась ко мне так сильно, что я забывший за все эти месяцы, что такое женщина, возбуждился душой и телом. Видя неподдельность моих реакций, вызванных трением Светкиного тела о моё, Наташа естественно психанула и, метнув в мою сторону испепеляющий взгляд, нервными шагами направилась к воде.

Бросаться ей в след было глупо, да и не входило в мои планы. Пока все, что сказала Светка было похоже на правду. Если она ко мне ровно дышит, то с чего ей так реагировать?

Тут, я невольно вспомнил слова Басецкого, который охарактеризовал «мадам Майскую», как девушку «реактивную».

К полуночи гости разошлись. Я вышел на берег и увидел Наташу, все еще сидящую на берегу в шезлонге.

– У тебя все нормально? – начал я.

– Гера, отвези меня на маяк.

– Я ж вроде Георг!

– Да, я помню, Третий! Но тебя так все называют, да и тебе так больше идет! – совершенно невесело произнесла Наташа.

– Хорошо, я сейчас все закончу и мы поедем.

Через полчаса мы были на горе.

Наташа долго стояла на краю смотровой площадки, всматриваясь в ночной город. Что творилось в ее голове, оставалась только догадываться. Взяв ее за талию и положив голову на плечо, я трусливо задумался о том, что своими действиями могу вызвать неодобрение не только у хозяйки талии, но и у её папы.

На удивление мой порыв был принят. Наташа повернулась и, обняв меня, нежно поцеловала вначале в щечку, а потом в шею, избегая преждевременной откровенности. Складывалось впечатление, что она совершенно неискусна в любовных утехах. Я, в свою очередь, взял инициативу на себя, придав нашим действиям логическое продолжение в виде долгого поцелуя. Чувствовалось, что в моих руках находится на все готовая молодая горячая женщина. Еще чуть-чуть и мы сольемся в единое целое, но «железная леди» прервала полет моих фантазий, опустив на землю.

– Гера, мне пора, – сказала она, аккуратно высвобождаясь из моих объятий.

– Хорошо. Я понял. Во сколько завтра мы встретимся?

– Завтра не встретимся. Завтра я улетаю домой.

– Хорошо. Я все понял. Видно не судьба, – произнес я, стараясь не выдавать степень своего расстройтва.

Спускаясь с горы, мы молчали. Я ждал, что Наташа пообещает мне новые встречи. Ведь она когда-нибудь опять придет в гости к папе, и мы могли бы опять встретиться. Но, увы, ничего обнадеживающего и жизнеутверждающего не звучало. Лишь на мгновение, мне показалось, что Наташа чуть сильнее прижалась ко мне, перед тем, как мы подъехали к ее дому.

– Спасибо за все. Завтра я вышлю тебе мой электронный адрес. Пиши, – молвило мое очередное разочарование.

– Пока, – ответил я и, как можно быстрее уехал домой.

Две недели мы очень сдержанно переписывались. Я интересовался погодой в Москве, она погодой в Вунг Тау. В один из дней, не выдержав обмен метеосводками, я решил расставить точки над «и».

«Наташа, давай разберемся и хоть как-то классифицируем наши отношения. Мы кто любовники? Друзья? У нас есть будущее?»

Ответ, как говорят в определенных кругах, был «чисто конкретный».

«Гера! Ты что хочешь позвать меня замуж? Так зови, только вначале разведись! А если нет, что ты от меня хочешь? У меня миллион проблем, а тут ты со своими претензиями. Я приехала и третью неделю не могу прийти в

себя и разобрать чемодан. Нас разделяет время и расстояние. Слишком большое расстояние!»

Прочитав это совершенно логичное, но естественно не понравившееся мне письмо я понял, что наша встреча была ошибкой. Нужно было жить дальше.

Глава 23. Ресторан

Люди, уехавшие жить в другую страну в той или иной степени достойны восхищения. Не каждый решится бросить сложившийся годами уклад и поехать на край земли. Для этого, нужно быть не только смельчаком, но и авантюристом.

Дома жить проще. Всегда кто-то поможет, и с работой, и с крышей над головой. Здесь же, ты предоставлен сам себе и помощи порой ждать неоткуда.

Живя в чужой стране, сразу сталкиваешься с десятком проблем, о которых на родине даже не задумываешься. Тут другие законы, другой язык, другая ментальность, ну и конечно, здесь абсолютно все хотят тебя обмануть. Кто-то может ужитья и подстроиться, а кто-то возвращается домой.

За десять лет жизни во Вьетнаме я видел многих людей, которые оставались здесь на ПМЖ. Были и бездельники, но были и прекрасно образованные люди, имеющие на родине хорошую работу. Устраивался, кто как мог. Кто-то начинал свой бизнес, а кто-то работал продавцом, барменом или официанткой.

Поначалу, вьетнамцы поощряли открытие иностранцами бизнеса во Вьетнаме. Причем приветствовалось любое начинание от маленького кафе, до серьезного бизнеса, связанного с добычей нефти (в 1983 году здесь с помощью советских специалистов нашли крупное нефтяное месторождение).

Но со временем, по мере увеличения денежной массы, потихоньку все «отжималось». Причем механизм был очень простой. С ресторанами и гостиницами расправлялись достаточно просто. Заключался договор аренды на небольшой срок, обещая пролонгацию в будущем до скончания века. По мере истечения срока предлагали продлить договор, но аренда повышалась в разы, «в связи со сложившимися обстоятельствами». Естественно, человек уходил, а на этом, уже «раскрученном» месте, появлялось точно такое же заведение, только с вьетнамскими корнями.

С крупным бизнесом было практически тоже самое, лишь с небольшими вариациями. Не продлевалась лицензия на определенные виды работ, создавались трудности в финансовом секторе, ну и конечно, в разыгрывании тендеров предпочтение отдавалось вьетнамским компаниям.

Если десять лет назад иностранцы были спасением для экономики Вьетнама, то теперь они вызывали раздражение у всех слоев населения. У бедных, потому что они якобы отнимали рабочие места, у богатых, потому что отнимали деньги.

Точно такая же ситуация происходила в Индии на Гоа. Поначалу индусы были рады засилью иностранцев, но потом, начали «наводить порядок». Я как-то беседовал с одной русской «беженкой» из Гоа. Она рассказала, как сносили ее ресторан на берегу моря. В отличие от вьетнамцев, индусы были более бесцеремонны. В один из дней пришли полицейские и сообщили, что ресторан закрывается. На вопрос

«Почему?», ей ответили: «Закрывается и все! А если будешь скандалить, то у тебя в кармане найдут марихуану!».

Вот такой вот «Lex una omnes» – «закон один для всех» по-азиатски!

Единственная возможность сделать свой бизнес во Вьетнаме – это партнер вьетнамец, на которого нужно все записывать, или жена вьетнамка, которая, опять же всем официально владеет. И те, и другие «кидали» иностранцев направо и налево. Но никого это не останавливало. Появлялись новые «бизнесмены», которые свято верили, что их партнер самый порядочный и с ними такого не случится.

Конечно, встречались интернациональные пары, которые жили долго и счастливо, встречались и совместные предприятия, которым удавалось заработать денег, но это были единичные случаи!

Прожив во Вьетнаме два года, я понял, что делать бизнес с хитрыми азиатами – просто потеря времени и денег. Но заезжие люди, с завидным постоянством, предлагали мне возглавить какой-нибудь бизнес-проект. Разнообразием идей не баловали. Народ хотел открыть либо ресторан, либо гостиницу. Особо продвинутые предлагали начать экспорт кофе и риса. В основном это были туристы, которым за время пребывания очень понравилась разгильдяйская вьетнамская жизнь. Меня на тот момент все устраивало, и под разными предложениями я отказывался от любых начинаний.

В один из душных весенних вечеров, когда термометр да-

же вечером не опускался ниже плюс тридцати, мне пришлось работать барменом из-за очередной проблемы с персоналом. Клиентов не было, и я решил пораньше закрыться, но в бар зашли двое. Один посетитель мне был знаком. Звали его Хынг. Он прекрасно говорил по-русски и работал каким-то начальником в «эмигрейшен». Сопровождал его мужчина со светло-рыжим ежиком на голове, белыми бровями и такими же белыми ресницами. Опухшая физиономия почти альбиноса выдавала его пристрастие к спиртным напиткам. Как и положено бармену, я попытался развлечь клиентов рассказами о последних новостях русского сообщества, но эта парочка стала терзать меня вопросами в отношении рентабельности бара, количества клиентов и наценок на алкоголь. Если бы это все происходило в России, то конечно, я ничего никому не рассказал бы. Там все всего боятся! Там надо бояться, потому что неприкасаемых нет! Это наша ментальность и образ жизни! Но здесь, можно было говорить всё и всем, по крайней мере, мне так казалось.

Чуть позже выяснилось, что эти двое задумали открыть ресторан. В то время, в Вунг Тау было несколько европейских ресторанов, но русского не было! Несколько человек подходило ко мне с этой идеей, но я всех отговаривал. Как можно открывать ресторан, если в этом городе через каждые десять метров находится закусочная, а там где нет закусочной, с тележки продают суп, который можно поесть тут же, на маленьком пластиковом стуле за маленьким пластиковым

столом. Точнее сказать, ресторан то открыть можно, но вот что можно на этом поприще заработать? А с другой стороны, все иностранные заведения как-то выживают!?

Через неделю, Хынг и его русский партнер предложили мне возглавить заведение на сто посадочных мест. Я задумался. Дело в том, что моя текущая работа потихоньку начала надоедать. Каждый день был похож на предыдущий. Я не двигался вперед, а топтался на месте. А моей кипучей натуре хотелось чего-нибудь нового, масштабного и неизведанного. Конечно, немаловажный был финансовый вопрос, потому как, мне пообещали хорошую зарплату плюс процент. Но я привык к тому, что во Вьетнаме все всем что-то обещают, и мало кто, эти обещания выполняет. В подтверждение серьезности своих намерений русский совладелец выдал мне три тысячи долларов «подъемных», взяв с меня обещание не покидать ресторан, пока он не начнет нормально работать. Решение было принято! Я вступал на новое поприще.

Текущие работодатели не могли поверить, что у меня хватит духу отправиться в свободное плавание, потому как их предприятие по сути было центром русского сообщества. Покидая его, я лишался помощи и связей, но увидев, что я не шучу, отпустили на вольные хлеба, не забыв, как это водится, обвинить во всех смертных грехах и собственных неудачах.

Открытие ресторана стало новым этапом не только в моей вьетнамской жизни, но и в жизни вообще. Меня всегда тя-

нуло к ресторанному бизнесу. Путешествуя по всему миру, я не раз задавался вопросом, смогу ли я возглавить какой-нибудь ресторанчик, или на худой случай, маленькое «бистро». Как знать, быть может это мое призвание, кормить людей? Мне всегда нравилось это занятие.

Первым делом нужно было осмотреть помещение. Увидев трехэтажное здание, которое без согласования со мной взяли в аренду, я пришел в ужас. У вьетнамцев всегда были проблемы со вкусом, но не до такой же степени? Строение было окрашено в голубой цвет, как снаружи, так и изнутри, причем крыша не была исключением.

– Что это за цвет? – спросил я, не скрывая своего возмущения.

– Во Вьетнаме всегда жарко, и поэтому, стены сделали голубыми, чтобы было прохладно! – ответил мне Хынг.

Все было очень логично по местным меркам, но я еле находил слова, продолжая свое возмущение.

– Настоятельно прошу Вас перекрасить все, и крышу в том числе, – отчеканил я, – по моему мнению, ресторан должен был быть светло-коричневый, создавая имитацию радужного дома, а крыша должна быть похожа на крышу. Как можно было покрасить натуральную черепицу?

Дело в том, что само здание представляло собой классическую колониальную виллу на берегу океана, переделанную под ресторан. И уж если это вилла, то она должна выглядеть как вилла, а не как домик для смурфиков.

– Все это очень дорого! – заняла вьетнамская сторона.

Русский партнер, хлебнув пивка, поддержал меня:

– Директор прав, красим!

Дело в том, что до нас в этом помещении размещался вьетнамский ресторан под названием «Морская звезда» в котором местные рестораторы торговали блюдами из морепродуктов. Но дела у них не пошли, даже несмотря на прохладный голубой цвет.

В принципе, место было хорошее. Ресторан находился на городской набережной. С одной стороны, располагалась канатная дорога, которая отвозила туристов в парк находящийся на горе. С другой стороны, был огромный «кофешоп» с живой музыкой.

Следующими проблемами стали дизайн и концепция. Несмотря на то, что ресторан задумывался как русский, ничего русского в нем не планировалось. Мою идею с матрешками и балалайками босс соотечественник отнёс сразу. Меня это немного насторожило. В моем понимании русский ресторан за границей – это прялки, телега с салатами, чучело медведя и самовар. На стенах, стилизованных под сруб, висят лапти и ложки. Но не тут-то было! В результате долгих совещаний решили сделать «классический» ресторан, с баром, караоке, банкетным залом и двумя «випами» во французском и марокканском стиле. Одним словом, единой концепции заведения не предвиделось.

Дальше – больше.

– Раз ресторан будет «классическим» то, как он будет называться, и что будем готовить? Какая будет кухня? – поинтересовался я.

– «Черный кот», Фьюжен! – отрубил уже подвыпивший с утра, русский учредитель.

Надо отметить, что в отличие от вьетнамского совладельца, русский партнер постоянно пил и поэтому большинство его решений было продиктовано действием алкоголя.

– С названием разобрались, но «фьюжен» это как? – искренне не понимал я.

– Это всего понемногу! Моя мама сделает меню и пришлет тебе!

Как только я получил первые варианты меню, стало понятно, что с едой у нас у нас будут большие проблемы. Все мы любим мам, все их уважаем, но наверно нужно разобраться, где можно положиться на маму, где нет.

«Фьюжен! Мама! Классический! Курица по-домашнему». Все это расстраивало, но назад пути не было.

Следующим камнем преткновения стал интерьер. Как и в случае с меню, внятной концепции не было. Я перелопатил в интернете сотню вариантов дизайна ресторана и случайно наткнулся на картинку ирландского паба в Екатеринбурге. Красивая строгая мебель и безукоризненный стиль производили впечатление. Уж если у нас такая каша, то почему бы не взять за основу «irish-style». Я распечатал фотографии и принес русскому совладельцу. В момент просмотра карти-

нок на будущего хозяина фьюжен-ресторана нахлынули какие-то воспоминания. Он отвернулся и закрыл лицо руками, возможно чтоб я не увидел скупую мужскую слезу. Успокоившись, он сообщил, что на первом этаже нашего ресторана будет ирландский паб.

Ирландский паб? Во Вьетнаме? Хозяева русский и вьетнамец? Все это конечно отдавало маразмом. Но наш проект, как разогнавшийся поезд, уже летел вперед, и нас было не остановить.

Прежде всего, я детально изучил классический дизайн ирландского паба. Затем нарисовал подробный чертеж стойки, стульев и шкафа под бутылки. Получилось очень симпатично. С помощью Хынга мы нашли хороших мастеров краснодеревщиков и нужный материал. Оказалось, что недалеко от города, находился целый поселок, специализирующийся на распиливании старого бруса, оставшегося со времен французской колонизации. Во Вьетнаме много ценных пород древесины, но самая дорогая – махагон (известная всем как «красное дерево»). Из нее и планировалась наша мебель. В Европе один кубометр такого дерева стоил почти две тысячи евро, но нам обошлось все в три раза дешевле, хотя по вьетнамским меркам это все равно были бешеные деньги.

Изучив мой чертеж, мастер по дереву с уважением посмотрел на меня. В его взгляде читалось: «Надо ж, белые тоже умеют чертежи нормальные чертить». В ответ я улыбнулся, всем своим видом давая понять: «Чего ты хочешь? Два

высших образования!». Краснодаревщики получили задаток и пообещали, что через две недели все сделают.

В свободное время я занялся маркетинговыми исследованиями в надежде найти секрет успешности известных ресторанов нашего города.

Сразу бросилось в глаза то, что у каждого заведения была не только своя «фишка», но и своя грустная история.

Французский ресторан «Nine» готовил «hand made» шоколад, круасаны и удивительно мягкую куриную грудку в сливочном соусе. Качество продукции всегда было на высоте, потому как ежедневно контролировалось хозяином французом. Среди местных экспатов считалось хорошим тоном раз в месяц посещать «Nine». Помимо нежнейшей куриной грудки, здесь подавали сочные стейки из австралийской говядины и французский домашний хлеб. После несколько лет успешности, в лучших традициях бизнеса во Вьетнаме, на француза обрушились неприятности. Жена вьетнамка ушла к другому, богатому австралийцу, а хозяева помещения, видя, что дела идут хорошо, решили там открыть свой ресторан, выдавив иностранного арендатора заоблачной арендой. Спустя время, стойкий французский «restaurateur», все же открылся в другом месте, и продолжил работу.

Другой и наверно самый известный в нашем городе ресторан под звучным названием «Давид» постигла та же участь. Находясь в самом центре набережной, он вызывал раздражение и зависть своей успешностью у местного истеблиш-

мента. По знакомой схеме итальянское заведение выдавили с насиженного места. Хозяин-итальянец проявил чудеса трудопособности. Он практически заново отстроил ресторан в другом месте и, за счет своего имени и наработанной годами клиентуре, не сильно потерял в деньгах. Фишка «Давида» была в том, что на первом этаже располагалась единственная в нашем городе, печь на дровах, в которой выпекалась самая вкусная в мире пицца. Да, да! Несмотря на то, что в Италии мне посчастливилось быть три раза, именно здесь, во Вьетнаме, я попробовал самую вкусную пиццу. Скорее всего, это произошло потому, что в любой стране туристов таскают по туристическим местам, а там, как известно с качеством еды никто не заморачивается. Здесь же готовилось всё в основном для местных клиентов, которых Марко знал в лицо! Помимо пиццы, ресторан изобиловал всей палитрой итальянской кухни, приготовленной из высококачественных продуктов. Если в блюдо добавлялась моцарелла, то это была настоящая итальянская моцарелла, приготовленная в Италии. То же относилось и к горгонзоле, пармезану и маскарпоне. Как и везде, во Вьетнаме, время от времени все дорожало, но Марко просто поднимал цены, а не уменьшал количество сыра или сливок в блюде, как это делали все остальные. Особую гордость ресторана представляла «холодная» комната под хранение вин.

Нашему ресторану тоже предстояло сделать, что-то свое, что-то особенное, до того как вьетнамцы турнут нас с на-

суженного места. Но я был ограничен в возможностях. Русский учредитель каждый день пил пиво вместо воды, с раннего утра до позднего вечера. Разговор с ним порой не получался, потому что у него был на все свой особенный взгляд. Он не понимал местную специфику и мерил все московскими мерками. А вьетнамский партнер, наоборот мыслил исключительно вьетнамскими категориями. В его представлении ресторан должен быть чуть красивее уличной закусочной с маленькими пластиковыми стульями и столами. «Меню должно быть простое и вьетнамское, чтобы вьетнамцы не путались» – повторял он. В чем-то, конечно, Хынг был прав. Азиаты мыслят совсем по-другому. Вот например, зачем делать дорогие деревянные стулья по оригинальному дизайну, если в магазине продаются пластиковые, в сто раз дешевле. На этих стульях тоже можно сидеть. Они прекрасно моются водой из шланга. А если сломались, то можно купить новые за три копейки.

Одним словом, я был «между молотом и наковальней». И все же, иногда, мне удавалось пропихивать некоторые свои идеи и задумки. После того, как перекрасили помещение в нормальный цвет, я настоял, чтобы повесили шторы в тон, а на стенах разместили картинки-плакаты с изображением старой рекламы алкоголя и еды. Мне так же удалось убедить хозяев ресторана сделать французский «вип» по моим эскизам, в стиле позднего барокко. Звучало это гораздо красивее, чем получилось и все же, результатом я был доволен.

В самом дорогом мебельном магазине Вунг Тау, мы купили красивый кожаный диван и кресло с кривыми ножками. Мебель была украшена золотом с азиатским размахом, и поэтому ничего придумывать не пришлось. В подсобке магазина Славик (так звали русского босса) заметил очень красивый комод, стилизованный под эпоху Филлипа Орленского. Откуда он мог взяться в Вунг Тау ума не приложу! Хозяева магазина, видимо долго, не могли его продать и отчаявшись, стали использовать для хранения лампочек и ключей. После небольшого торга красивая штукавина перешла в нашу собственность.

По аналогии с интерьером французского дворца мне хотелось сделать больше лепнины, в том числе на стенах, но из-за слабой квалификации вьетнамских рабочих, пришлось ограничиться гипсовой розеткой на потолке. Окно задрапировали плотной бордовой тканью и украсили позолоченными кистями и подхватами. На стенах, в золотых тяжелых рамках, повесили картины эпохи возрождения. Расчет делался на то, что вьетнамцы, любящие золото и роскошь, будут отмечать здесь узким кругом праздники в окружении всего этого великолепия.

С марокканским «випом» была другая песня. Его созданием лично руководил русский учредитель. На него опять нахлынули какие-то воспоминания, и он с невиданным энтузиазмом бросился созидать. Для начала, мы заказали специальный «п-образный» диван. Затем проехали по посуд-

ным лавкам в поиске аксессуаров, напоминающих арабские. В одном маленьком сувенирном магазине мы нашли настоящий марокканский светильник, сделанный из глины. Как он попал в наш городок из далекой Африки, осталось загадкой. Сложнее всего было объяснить вьетнамскому совладельцу, зачем в марокканском «випе» нужно окно в виде витража из цветных стекол. К моим причудам Хынг почти привык, но тут на всем настаивал пропитанный пивом русский собственник. Для полного погружения в культуру Северной Африки из Эмиратов привезли дорожные кальяны. Это сейчас курение через водичку получило распространение в Европе и Азии. А тогда все было в новинку, тем более во Вьетнаме. Из дома я принес камбоджийские подушки ручной работы, которые остались от старых квартирантов. Расшитые цветными узорами на черно-красном фоне, они очень подходили под создаваемый стиль. Но жемчужиной нашей «VIP – room» был настоящий марокканский пуф, купленный на интернет-аукционе. Он был сделан из толстой верблюжьей кожи, а по всему периметру диковинной сидухи, красовалось золотое теснение в виде народных африканских мотивов.

Потихоньку ресторан оживал, наполняясь предметами интерьера. Я уже стал подумывать, что может быть идея с «фьюжен едальней» не такая уж и плохая. По крайней мере, такой солянки и смешения стилей точно нигде нет!

Сердце любого ресторана – это кухня. В наследство от предыдущих арендаторов нам достались жутко грязное и

вонючее помещение, кишашее огромными тараканами. Из оборудования была только пара холодильников и четыре газовые печи с подставками для «вок». Ни одной нормальной плиты для приготовления европейской еды не было. Дело в том, что вся азиатская кухня, включая некоторые супы, готовится на восточной сковороде (традиционной китайской сковородке с круглым дном). По-хорошему, нужно было купить конвекционную печь, жарочную поверхность, подовую печь, электромясорубку, кофемашину, и еще много чего. Но эти атрибуты хорошего ресторана стоили очень дорого, да и работали на электричестве, а во Вьетнаме это непозволительная роскошь. Во-первых, потому что электроэнергия стоила дороже, чем в России. Во-вторых, потому что, свет постоянно выключали. Чтобы избежать этих проблем, абсолютно все заведения покупали электрогенераторы, которые работали на бензине, что тоже удовольствие не из дешевых.

Еще одно нерадостное наблюдение расстроило меня. Как только я заводил разговор о новых расходах владельца начинали напрягаться. Оказывается, деньги, которые они планировали на открытие ресторана, уже закончились.

Почему же так получилось? Выяснилось, что пару месяцев назад, во время очередной пьянки, от избытка чувств и средств, приятели решили «что-нибудь замутить». В связи с тем, что фантазия у них была небогатая, они свой выбор остановили на ресторане. Русский партнер, видимо, мыслил киношными стереотипами, где у каждого уважающего себя

гангстера есть свой ресторан, а вьетнамский совладелец был в плену почти такого же штампа, только в его варианте – каждый уважающий себя чиновник должен иметь свой ресторан. Бизнес-план естественно не составлялся. Ни штат, ни фонд заработной платы не обсуждался. Русский обещал все профинансировать, вьетнамец пообещал помочь с формальностями. И всё! Сколько все это может стоить, никто не считал и не обсуждал. За основу была взята сумма двадцать тысяч долларов. Предполагалось, что сразу после открытия, заведение пойдет «в плюс». Отрыли фирму на родственника вьетнамца, купили машину. Стали искать место для ресторана. По предварительной договоренности руководить всем должен был родной племянник вьетнамского совладельца. Но в какой-то момент русская сторона настояла, чтобы взяли меня. Помещение им, что называется «впарили», убеждая, что ресторан готов к работе на сто процентов. В принципе, если бы это было вьетнамское заведение, то возможно всего бы хватило, включая голубые облезлые стены. Но русский хозяин был, как и все мы, тщеславен и под спиртовыми парами решил открыть в Вунг Тау, что-то особенное.

Мне было отчетливо ясно, что так дальше работать нельзя. Я решил откровенно поговорить с владельцами бизнеса и объявить им свое видение ситуации. Нужно было набирать штат, учить поваров и официантов, ну и, как-то выкручиваться с оборудованием. А это все деньги и немалые.

Надо отметить, что, по большому счету, хозяева бизне-

са были людьми хорошими. Если не брать в расчет русское пьянство и вьетнамскую жадность, то владельцы были люди вменяемые, и с ними можно было договориться. Для меня главное качество человека, с которым ты работаешь, это возможность прийти к единому знаменателю. Если нет, то заставить делать что-то вместе, не могут никакие деньги.

Русский босс был яркой неординарной личностью с интересной биографией. Он воевал в Чечне, был в плену. Закончил МИИТ. Уж не знаю почему, но долгое время жил в Китае, где работал в международной логистической компании. Последнее время зарабатывал тем, что ездил в какие-то опасные экспедиции в Африку. Там он скупал алмазы и вез их в Эмираты, где делали их огранку. Затем сбывал камни в Юго-Восточной Азии, возможно через Хынга и его друзей. По пьяни он показывал мне горстку бриллиантов и рассказывал, что его ищет «De Beers». Парень был дерзкий и щедрый. Каждый месяц, втайне от вьетнамского партнера, он давал мне денег, чтоб я, пока ресторан не откроется и не «раскрутится», имел дополнительные средства на жизнь. Две вещи вызывали во мне беспокойство. Первое – это его беспробудное пьянство. Пил он в большинстве своем пиво но, когда переходил к крепким напиткам, становился неуправляемым. Изредка, я успевал поймать его трезвым, и в эти минуты он казался мне очень милым и рассудительным человеком. Второе – это ненормальная любовь к матери. При нем нельзя было вслух произносить слово «мать». Ему казалось,

что окружающие плохо говорят или думают именно о его матери. Как-то, я стал свидетелем его нервного срыва на этой почве. Во время очередной пьянки, люди незнакомые с особенностями восприятия этой темы, случайно затронули проблему материнства и ответственности детей за родителей. В какой-то момент, на моего ресторанного начальника, нахлынули чувства и воспоминания. Он в своей манере закрыл лицо руками и, после минутного молчания, громко произнес:

– Скоро придет моя мама, и если вдруг с ней здесь что-нибудь случится я вас всех «порешу». Понятно?

Не было никакой причинно-следственной связи между собравшимися и пребыванием его мамы во Вьетнаме. Никто не собирался её встречать, никто не собирался оказывать ей какие-либо услуги. Но в мозгу моего босса, атакованного психоактивным действием этилового спирта, всё было по-другому. Говорил он на полном серьезе. Правдоподобности его словам и помыслам придавало загоревшееся красным пламенем лицо и окровавленные белки глаз.

Обезумевший в мгновение ока, босс подходил к каждому сидящему за стойкой бара и лично справлялся, насколько его поняли. Когда очередь дошла до меня, я решил не испытывать судьбу и отведя глаза в сторону, спокойно произнес: «Всё понял. Если случится, порешишь». А вот мой сосед, то ли прослушал смысл опроса, то ли решил поартачиться. На произнесенную в пятый раз фразу: «Ты понял?», он бесцеремонно ответил: «Не понял. И что?». Без всякой прелюдии

и предварительного разбирательства, шеф заорал: «Убью!», и залепил «обидчику его матери» между глаз, одним ударом делая нашу компанию на человека меньше. Несмотря на то, что после нокаута мой сосед не помышлял не то, что спорить, но и шевелиться, хозяин фьюжен-ресторана бросился его душить. Кое-как, мы оторвали потенциального убийцу от потенциального трупа. Все это меня немного потрясло, но за время работы в баре я насмотрелся таких случаев и почти привык, что по пьяни людей просто «клинит». Тем более, что смертельных случаев в нашем комьюнити зарегистрировано не было. Потасовки заканчивались максимум выбитыми зубами и поломанными носами.

Вьетнамский совладелец тоже представлял собой своеобразную персону. У него получилось сделать карьеру от учителя русского языка, до заместителя иммиграционного департамента. Хынг родился и вырос в небольшом городке на севере Вьетнама. Проявив усердие в изучении русского языка, он добился права обучения в Советском Союзе. Во время учебы начал коммерческую деятельность, приторговывая советскими вещами. В то время все от холодильников до мотоциклов везлось во Вьетнам из СССР. Окончив институт в Минске, его направили работать в школу учителем русского языка.

После 1975 года, когда американцы ушли из Вьетнама, компартия решила расправиться со всеми, кто помогал агрессору. В первую очередь пострадали южане. Нача-

лись чистки, аресты и гонения. В результате, все руководящие должности на юге заняли северяне. Мало кто знает, но во Вьетнаме жители севера жутко не любят южан, а южане в свою очередь просто ненавидят северян. Масло в огонь вражды подлило сотрудничество жителей юга с американцами.

После войны Вьетнам начал полномасштабное сотрудничество с Советским Союзом, который так помог вьетнамцам одержать победу. Нужны были работники со знанием русского и поэтому, из года в год, с севера на юг приезжали специалисты, которые обучались в «союзе». В числе этих переселенцев приехал и Хынг. Наверное ему помогли какие-то родственники, без этого не бывает, но это не умоляет его достоинств.

Прошли годы и теперь, абсолютно все руководящие посты в полиции, налоговой, таможне, ну и конечно в компартии, занимают северяне.

Как и все вьетнамцы, Хынг был жутко жадный и страшно экономный. Это чувство распространялось не только на свои деньги, но и чужие. Видя, как русский партнер каждый день выкидывает пачки денег, он ахал и охал, хватаясь за сердце.

На срочном совещании я объяснил боссам ситуацию, в которую мы попали и размер возможных расходов. Предоставил выкладки и краткий бизнес план. В качестве компромисса с оборудованием, я предложил купить две бытовые газовые плитки с четырьмя конфорками и духовкой. Всё осталь-

ное предлагалось оставить на потом. Так как финансировала все русская сторона, решение было за любителем пива, который на удивление быстро со всем согласился, под стоны вьетнамского сокамерника. Теперь, можно было спокойно работать. Я дал объявление о наборе персонала.

Квалифицированных поваров и официантов в Вунг Тау было не найти. Точнее сказать поваров и официантов было море, но все они были «заточены» под азиатскую кухню. Я решил, что нужно набрать человек сто, начать учить их, а потом в процессе обучения выбрать лучших. Обращения в рекрутинговые агентства результата не дали. Там подход был такой – вы нам дайте денег, а мы вам кого-нибудь найдем, а если не подойдет, то опять дайте денег и опять кого-нибудь найдем. Азиаты не могут удержаться от соблазна обмануть белого человека. Если даже профессиональная гордость восстает против наглого «кидалова», то внутренний инстинкт, сродный с инстинктом самосохранения, оказывает верх. Я решил делать все сам без посредников, тогда можно было надеяться на нормальный результат.

Напечатав объявление на вьетнамском языке о наборе персонала в европейский ресторан, я пошел в народ. За два дня мною было роздано более трехсот объявлений. Главным местом распространения я выбрал продуктовый рынок. Уж куда куда, а сюда, вьетнамцы ездят каждый день, как на работу.

На протяжении многих веков в Азии сложилась традиция

ежедневно посещать рынок. Может быть, это было продиктовано тем, что здесь очень жарко и продукты быстро пропадают, а может потому, что люди привыкли каждый день есть все только свежее. Причем здесь, в отличие от России, совершенно нормально купить двести грамм мяса или маленький кусочек курицы. Вьетнамцы не понимают, зачем нужно покупать несколько килограмм мяса, если на следующий день можно пойти на базар и купить столько, сколько тебе надо. И это касается не только блюд из мяса или рыбы. Я помню, как местные женщины подняли меня на смех, когда узнали, что я сварил рис и поставил его в холодильник, чтоб доесть на следующий день.

Вообще я считаю, что людям, которые хотят посмотреть настоящую Азию, в первую очередь, нужно показывать продуктовый рынок. Вьетнамский базар – это что-то особенное. Наверно в других странах мне просто не представлялось возможным узнать получше это место со всех сторон. И только во Вьетнаме, я мог ежедневно изучать обычаи и нравы, покупающих и продающих со всех сторон.

Первое, что бросается в глаза или правильнее сказать, втыкается в нос – это жуткая вонь на подходе к рынку. Многие европейцы не могут пройти этот первый рубеж и убегают с рвотными позывами. Дело в том, что перед входом на рынок продается множество рыбы и морепродуктов, которые тут же потрошатся и разделяются. Обрезки бросают рядом, оставляя их гнить при тридцатиградусной жаре. По

окончании торговли, это место, конечно убирают, но едкий вонючий запах с каждым днем въедается в асфальт и его уже не убрать никакими средствами. Если ты в состоянии проскочить завесу из вони, то тебя встречает приятный запах лимонного сарго, толченого чеснока и базилика. При входе в рынок продается огромное количество зелени. Вьетнамцы ежедневно потребляют много растительной пищи, которая прекрасно растет в здешнем климате. Я как-то посчитал, что круглый год продается пять видов салата, три разновидности базилика, шесть сортов лука, ну и, конечно, петрушка, кинза, укроп, мята. И это только то, что я знаю, а в продаже присутствует еще десяток неизвестных мне травянистых растений, которые они используют в пище. По мере продвижения дальше, ты опять сталкиваешься с запахами. Они не столь ужасны, но все равно не очень приятны. Начинаются мясные и рыбные ряды. Дело в том, что рынок находится в огромном бетонном помещении, которое не продувается и искусственно не вентилируется. Как следствие – все запахи концентрируются внутри. Если снаружи плюс тридцать пять, то внутри плюс тридцать. Можете представить себе эту душилровку. После мясных рядов идут фрукты и овощи. Здесь уже можно дышать.

На рынке закупаются в основном местные женщины. Большинство из них одеты в пижамы и шлепки. У меня сложилось впечатление, что встав в пять утра, прямо из постели, они не переодеваясь, едут на базар. Попадают и муж-

чины. Частенько это интеллигент в очках с козлиной бородкой. В руке обязательно список, который написала его эмансипированная супруга, не желающая тратить время на поход за продуктами. Но такие типажи редкость.

Как и везде – рынок центр новостей и сплетней. И поэтому я решил, что лучшего места для набора персонала мне не найти.

Вьетнамцы, привыкшие к тому, что на базаре им постоянно раздают какие-то листовки, увидев белого мужчину с пачкой объявлений, немного оторопели. Как правило, под такую «раздачу» подражается вьетнамская молодежь, которая не хочет ходить на работу и довольствуется копеечным вознаграждением за несколько часов работы. Обычно это парни в облезлых черных джинсах с крашеными волосами. Вьетнамцам, как и всем азиатам, очень хочется быть похожими на европейцев и поэтому, некоторые из них, чтобы обратить на себя внимание и выделиться из серой массы, красят волосы. Но в Азии у всех толстый, черный волос. Покрасить такую шевелюру сложно и поэтому, обычно, вместо блондинов получают азиаты с темно-рыжими или темно-бордовыми волосами. Смотрится это все ужасно на фоне желтого среднестатистического лица. Именно такие персонажи раздают на базаре листовки или проводят рекламные акции с бесплатной раздачей кофе или шампуня. А тут я «белый», в белой майке и светлых шортах. Мимо меня не прошла ни одна женщина. Все с нескрываемой радостью брали у меня

бумажки, ожидая в тексте объявления чего-то особенного.

За два дня моей работы в качестве промоутера, ресторан нашел более ста потенциальных работников. Телефон администратора «разрывался». Люди хотели у нас работать.

Первый раз с проблемой кадров я столкнулся, работая на берегу в баре. Вьетнамцы устроены удивительным образом. Как только они что-то узнали или чему-то научились, они сразу начинают искать новую работу в надежде на светлое будущее. А если вдруг, им пообещали чуть больше денег, то мгновенно покидают прежнее место. Поэтому я старался приглашать на работу русских, зная, что они не сбегут при первой возможности.

Последний раз, я взял двух девушек из Москвы на должность барменов. Одна из них работала менеджером в сети «Шварцвальд», но решила убежать от московской суеты куда-нибудь подальше. Звали ее Маша. Вторая – Лена, долгое время работала в Египте, администратором на серф-станции, но ненадолго вернулась в столицу и застряла. Девушки откликнулись на мое объявление на сайте wind.ru и, после недолгой переписки, приехали в Вунг Тау.

Вьетнам, что называется, их «не принял». С первых минут пребывания на земле вьетов, начались сплошные неприятности. Потерялся багаж, заболели, обокрали их гостиничный номер. Апогеем стало ночное нападение. В два часа ночи, закрыв бар, девушки направились домой. По дороге в гостиницу к ним пристали местные наркоманы. По вьетнам-

ским улицам мало кто передвигается пешком. Местные ездят на мотиках, туристы на такси. Но мои работницы решили сэкономить, и не думая о безопасности, везде передвигались пешком. Вначале нападавшие просто угрожали ножом, но потом, видя, что девушки отдавать сумочки не хотят, нанесли несколько колотых ран. Честно говоря, если бы такое количество происшествий случилось со мной, то я бы давно покинул эту неприветливую страну. Но не тут-то было. Девушки сменили отель, купили нужных таблеток, и чтобы обезопасить своё передвижение, решили научиться кататься на мотике. По фатальной случайности, не было никого рядом, кто бы мог внятно объяснить девушкам что-то дельное о процессе управления мотобайком. Маша села за руль, включила первую передачу, крутанула ручку газа и, пролетев двадцать метров, врезалась в столб. Мотик раскололся на две части, а девушка сломала два ребра, ногу, получила серьезную травму головы. Когда я примчался к месту аварии, Машу уже заносили в скорую. В тот день ни одна больница Вунг Тау её не приняла. Вьетнамцы боялись брать на себя ответственность, а русские врачи, работающие в совместном предприятии, даже разговаривать не захотели, несмотря на то, что имели прекрасное оборудование и специалистов. Пришлось везти в Сайгон. Там в госпитале «Чарой» Машу прооперировали, но выставили огромный счет, который девушка не могла оплатить. И только, вмешательство генерального консула решило все проблемы.

Уже третий месяц Маша маялась без дела, путешествуя по городу на костылях. Нога не заживала, а денег для возвращения на родину не было. Я предложил ей заняться обучением персонала нашего ресторана. Она, с нескрываемой радостью, согласилась.

Мебель сделали, помещение покрасили, персонал был в процессе обучения. Теперь предстояла борьба за правильное меню.

Приехала мама русского совладельца. Это была милая добрая женщина, умеющая прекрасно готовить. Все было в ней замечательно, кроме одного, она и близко не представляла специфику работы кухни в ресторане. В принципе и у меня тоже не было опыта такого рода, но с первых дней я засел за книги, скаченные в интернете, и уже через месяц приблизительно понимал, что и как надо делать. С большим энтузиазмом Ирина Петровна (так звали маму русского совладельца) взялась за обучение поваров и написание конечного меню. Главная ошибка её занятий была в том, что вместо четкой рецептуры и правил приготовления, она фонтанировала идеями о том, как и что, можно заменить, если чего-то нет. Лозунг, он же девиз: «Я могу сделать что угодно из того, что есть в холодильнике», нам не подходил. Такой вариант хорош для дома, но когда человек приходит в ресторан и заказывает конкретное блюдо, ему не объяснишь, почему вместо курицы в салат положили колбасу. Я уже молчу про то, что у вьетнамских поваров начинали закипать мозги,

от отсутствия какой-либо конкретики. Для азиатов вообще многое странно в европейской кухне. Например, они очень долго не могли вместить, как жарятся котлеты. Для них было не понятно, зачем поджаривать котлету с одной стороны, чтобы потом перевернуть на другую. Логичнее сразу бросить все в кипящее масло, обжаривая сразу со всех сторон. И это только один момент, а таких моментов ежедневно всплывало множество. Всё нужно было показывать, всё нужно было объяснять. Добавьте к этому каждый день по пять новых блюд, да еще с возможными вариациями. Повара и официанты были в шоке в отличие от русского босса, который читая меню проваливался в воспоминания семейных блюд своего детства и отрочества. Я не перечил и не вмешивался, в надежде, что рано или поздно здравый рассудок восторжествует, но время шло. На одном из занятий с поварами я не выдержал:

– Ирина Петровна, вам не кажется, что у нас слишком большое меню и вьетнамцы не в состоянии его выучить, – произнес я, понимая, что могу поплатиться своим здоровьем, за недружественный жест-протест против мамы босса.

– Георгий, а вы ненужное уберите, – услышал я совершенно логичный ответ.

– Хорошо, осталось только придумать, как это сделать и главное, как объяснить это вашему сыну.

Ряды «помощников» открытия ресторана пополнялись. Приехала подруга русского совладельца. Я терялся в догад-

ках, как может выглядеть девушка вечно пьяного и временами очень нервного человека. Представлялось два варианта: пьющая разведенка или отставшая от тура «группы рокерша». Но, вопреки моим прогнозам, это оказалась манерная русская девушка, живущая в Шанхае (там они познакомились), с ровными ногами и красивыми карими глазами. На вид, ей было чуть больше тридцати. Она была хорошо одета и образована, знала китайский. Работала модельером-технологом в компании по пошиву спортивной одежды. По всему было видно, что надежда перевоспитать пьющего бойфренда её еще не покинула. Тот, в свою очередь, при ней вел себя смирно. Наблюдая за «модельершей» и «охотником за бриллиантами» я понял, в чем секрет их союза. Есть две модели отношений, в первой доминирует мужчина, во второй доминирует женщина. Других вариантов нет. Кто-то должен быть главным, кто-то подчиненным – это закон. Если оба «доминанты», то ничего хорошего из этого не выходит, как было в наших отношениях с Аленой. «Разноименные заряды притягиваются, одноименные отталкиваются» – физика седьмой класс. В данном случае, несмотря на внешнюю крутость и брутальность мужчины, доминировала женщина. Шеф этого, то ли не осознавал, то ли просто мирился с этим положением. Его девушка умело поддакивала и подкидывала идеи, направляя своего избранника в нужное русло, чтобы в конце концов, он сам сознательно принял требуемое решение.

С приездом подруги наметилась положительная динамика.

ка. Босс подуспокоился и стал меньше пить.

Гостья из Шанхая похвалила меня за интерьер и экстерьер ресторана и, после недолгих размышлений, тоже захотела внести свою лепту в общее дело. На повестке дня был один важный, и до сих пор нерешенный, вопрос – меню. Обнаружив на местном рынке огромный выбор морепродуктов, она полезла в интернет с диким желанием всех нас удивить. К блюдам первого варианта присоединился еще десяток. В попытке перещеголять друг друга, мама и невестка предлагали все более и более изысканные яства. Наметилось около тридцати только основных блюд, плюс десяток супов и десяток салатов. Это притом, что про десерты они видимо забыли. Столько наименований еды ни повара, ни официанты запомнить не могли. Причем, никому почему-то в голову не приходило, что нужно ежедневно покупать огромное количество продуктов, чтобы содержать такое меню.

Мнение директора заведения никого не интересовало. С первого дня я был сторонником минимального количества блюд. Моё твердое убеждение заключалось в том, что лучше сделать несколько позиций, но довести их до «абсолюта». При таком варианте одни плюсы. Готовить два-три основных блюда можно научить любого вьетнамского повара, а при проблемах, легко заменить на нового «шефа». Продуктов нужно минимум, значит держать их можно всегда свежими. Главное, нужна «фишка», то ради чего человек придет к нам.

В подтверждение своей теории я прочитал статью о ресторане «Burger & Lobster» в Лондоне. Там, в меню, было всего два блюда и это не мешало не только забивать ресторан до отказа, но и открыть по франшизе 12 ресторанов в семи странах мира.

Я попытался поговорить с изрядно протрезвевшим начальником, но разговор не получился. Видимо, в его организме не хватало дневной нормы алкоголя, от чего нервная система не получала «успокоения».

– Твоя задача слушать и совсем соглашаться, – процедил он сквозь зубы, – не зли меня.

– Все понял, – ответил я традиционно.

После этого разговора стало понятно, что моя работа в ресторане долго не продлится, и уход – лишь вопрос времени. Как говорил Ходжа Насреддин: «Кто-нибудь из нас троих обязательно умрет – или эмир, или ишак, или я!». Первым, с таким подходом, должен был умереть ресторан!

Чтобы хоть как-то ослабить ежедневный прирост блюд в меню, я попытался переключить внимание подруги русского учредителя на униформу официанток, про которую почему-то тоже все забыли. Это была «её тема», и она, схватив в охапку любимого, помчалась по всем лавкам, продающим материал, в поисках нужного цвета и текстуры. Через несколько дней нам представили очень красивую форму для персонала «Черного кота». На стройных молодых вьетнамских девушках прекрасно смотрелись темно-бордовые узкие

юбки и белые приталенные блузки. Для законченности ансамбля, на шею каждой официантки предлагалось повязать шелковый платок с изображением маленьких кошечек. Издалека наши работницы были похожи на стюардесс авиакомпаний «Вьетнам Кошка Эйрлайнс», только без пиджачков.

Из ста человек, пришедших устраиваться к нам на работу, до конца занятий дотянули только двадцать, из которых мы отобрали пять официанток и двух барменов. Предпочтение отдавалось красивым, знающим английский, девушкам. Шеф поваром стала немолодая женщина, которая до этого готовила для австралийской семьи. В помощь ей выделили двух способных поварят. Посудомойку и уборщицу найти не составило труда.

Приближалось торжественное открытие ресторана. Хынг долго определял дату в соответствии с лунным календарем, который так почитают все вьетнамцы. Я настоял, чтоб перед открытием, мы в закрытом режиме, поработали хотя бы несколько часов и обслужили пяток столиков, за которыми будут сидеть наши знакомые. Таким образом, по моему мнению, наш персонал должен был сдать своеобразный экзамен.

За неделю до открытия, мы пригласили друзей. Среди воображаемых клиентов был русский инвестор с подругой и Хынг с племянником.

В общей сложности, персоналу ресторана предстояло обслужить пять столиков.

По условиям экзамена, официанты без моей помощи при-

нимали заказ на английском языке, а кухня должна была приготовить без ошибок нужное блюдо. В это время, бармен делал «фреши» и заказанные коктейли.

Экзамен был провален. Больше всего вопросов было к кухне. На обслуживание десяти гостей ушло более двух часов. По вьетнамским меркам, это целая вечность! Помимо того, что все делалось очень долго, были ошибки в содержании блюд и их сервировки.

Когда ресторан опустел, начался «разбор полетов». Естественно, все вопросы были обращены ко мне. Хынг молчал, а русский босс нервно искал причину моей плохой работы.

– Друг мой, я плачу тебе деньги и немалые. Что это сегодня было?

– Но я говорил.

– Что ты говорил? Что ты говорил? Надо делать, а не говорить.

– Но меню.

– Что меню? Ты когда будешь работать?

Мне очень, очень хотелось уйти, хлопнув дверью никому ничего не объясняя. Почему меня никто никогда не слушает, а если что не так, делают «козлом отпущения»? Ну, а с другой стороны, такая ситуация со мной не первый раз. Все мои бывшие начальники, в случае провала бизнеса всегда делали меня виноватым. Можно было уже привыкнуть. Решив, что все дела нужно доводить до конца я произнес:

– Сегодня вам будут высланы мои соображения в отноше-

нии работы ресторана. Прочитайте внимательно и решите, нужен я вам или нет. Если нужен, то прислушайтесь к моему мнению, а если нет, я пойду работать в другое место.

– Окей, – ответил Хынг, под молчание русской стороны.

На следующий день, прочитав мой ультиматум, хозяева ресторана прислушались и согласились с главными требованиями: «сокращение меню до нескольких позиций и обучением персонала кухни по моей методе». Открытие отложили. У меня было две недели, чтобы поправить ситуацию.

Но, как обычно бывает, неприятности пришли оттуда, откуда их совсем не ждали. Наш шеф-повар объявила, что уходит от нас по семейным обстоятельствам. Оказывается, на прежней работе у нее сложился роман с одним стареньким австралийцем и теперь он позвал ее не только замуж, но и на свою историческую родину. Сказать, что я был в бешенстве, это ничего не сказать. Почти два месяца она молчала, ходила к нам на работу, получала деньги и вдруг, как гром среди ясного неба, свадьба.

На первый взгляд выходов из создавшегося тупика не было. Заставить ее подождать не представлялось возможным. Избранник был в годах, и мог вообще не дотянуть до свадьбы. Да и потом, каждую минуту, такого завидного жениха атакывали молодые вьетнамки. Не молодой «молодой» нужно было торопиться и устраивать свое счастье, а не спасать наш ресторан. Мне предстояло просто смириться с создавшейся ситуацией.

Наоравшись с горя на берегу океана, я попытался успокоиться и что-нибудь придумать. Единственным возможным вариантом было временно самому занять место шефа и, в процессе работы подготовить на эту должность одного из поварят.

Первым делом, я заказал большие фотографии выбранных мной блюд, чтобы повесить их на стены кухни для наглядности. Вьетнамцам нужно было видеть, как выглядит европейская еда на тарелке в конечном варианте. После того, как они подали жареную рыбу, обложенную огурцами и апельсинами, я понял, что понятие «красиво» у них несколько отличается от нашего. Следующий шаг был вдолбить в азиатские головы четкий алгоритм приготовления каждого блюда, без всяких отходов в стороны. Под каждой фотографией блюда мы написали на вьетнамском языке состав и особенности блюда. Затем определили, что можно приготовить заранее, чтобы держать в качестве полуфабрикатов. Вьетнамцы долго не могли понять, как можно подавать свекольно-капустный суп (борщ), сваренный за день до этого. Несмотря на мои длительные объяснения, понятие «настояться», они так и не освоили, потому как во Вьетнаме понятие вчерашняя еда практически отсутствовало.

В качестве единственного десерта выбрали морковный пирог с шоколадным сиропом по рецепту Ирины Петровны. Это блюдо из местных продуктов получилось вкуснее, чем в России.

Через две недели ресторан был более-менее готов к работе. К этому времени и мама и подруга шефа покинули нас, поэтому владельцу «Черного кота» можно было расслабиться и хорошенечко напиться.

Во Вьетнаме, открытие такого рода заведений происходит с размахом. За несколько дней до намеченной даты рассылаются пригласительные билеты. Обычно приглашаются руководители полиции, народного комитета, департамента по работе с иностранцами. Ну и конечно, все знакомые и незнакомые соотечественники.

К этому дню мы подготовили «шведский стол» и разного рода выпивки на сто человек. Для рекламы ирландского паба по моему дизайну сделали двести черных маек с принтом «Bar Duck». Конечно, если соблюсти правила английского языка, то было бы правильнее написать «Duck Bar», но мы сознательно пошли на ошибку, чтобы по-русски название звучало как «Бардак».

В назначенный день ресторан наполнился гостями. У входа, на деревянных треногах, стоял десяток венков. Создавалось впечатление, что ресторан не открывают, а провожают в последний путь, но во Вьетнаме поздравительные букеты по любому поводу делаются в виде наших траурных венков, от этого создается такое невеселое ощущение.

Закуски сделали заранее, поэтому работы на кухне было немного. Я переоделся и вышел к гостям. Ничем особенным этот праздник не отличался. Если не считать цветов у вхо-

да, отмечающих событийность момента – обычная пьянка. Несколько десятков важных человек пили и ели бесплатно, попутно хваля всех и вся. Единственный эпизод заставил меня запомнить эту дату надолго.

Под конец торжества в баре осталось несколько человек, включая русского учредителя. Я позволил себе немного выпить и устав от британской музыки, которая весь вечер играла в баре, решил «поменять пластинку» на отечественную. Первая в моем сборнике была песня всенародно любимая, а по пьяни приводящая в неистовство. «Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной» – звучало в ирландском «бардак» пабе. Что-то в этой песне есть глубокое, истинно русское, волнующее душу. Надо сказать, что взволновала она не только меня. Уже на втором куплете, я увидел, как танцует хозяин классического «фьюжен» заведения. Собственно не танцует, а извивается вприсядку. К этому моменту, он естественно уже был «в дымину». В этот раз на него не только нахлынули какие-то воспоминания, они его аж пришилили, вогнав в страшный транс. Лицо стало пунцово-красным, а вылезшие из орбит глаза традиционно налились кровью. На третьем куплете он уже стоял на коленях и держал себя за голову, видимо боясь, что она оторвется и куда-то улетит. Когда текст песни дошел до фразы: «Полети в мою сторонку, скажи маменьке моей, ты скажи моей любезной, что за родину я пал», он буквально завыл, как волчара в жутком фильме про оборотней. В этих строчках бы-

ло все, и про маму и про родину, видимо поэтому его так «вставило», другого слова не подобрать. Чтобы хоть как-то заглушить этот вой, который возможно был криком больной души, я сделал музыку погромче, но от этого реакция моего шефа на грустную песню стала только сильнее. Наверное если бы на его голове были волосы, он бы их драл, но так как растительности было немного, я боялся, что он начнет драть волосы на окружающих. Кое-как, в состоянии жуткого стресса от ожидания неприятностей, я дожид до конца «ворона», а в этом исполнении это было четыре минуты пятьдесят шесть секунд. Следующая композиция на моем народно-патриотическом диске была «Когда мы были на войне» в исполнении кубанского казачьего хора. Она не была такой фатальной, но я решил не испытывать судьбу и быстро вернулся в бар британо-ирландские напевы.

В надежде избежать общения с перевозбужденным шефом, я тихонько вышел на веранду, подышать свежим воздухом и успокоиться. Через несколько минут, внешне спокойный, с бокалом виски в руке, русский совладелец вышел из бара и направился ко мне. Такая быстрая перемена его состояния, не только насторожила, но еще более напугала.

– Садись, надо поговорить, – удивительно членораздельно начал он.

Не ожидая ничего хорошего, я присел на краешек плетеного кресла.

– Ты служил? – продолжил босс.

– Да, моряком-пограничником в Абхазии, я же тебе говорил.

Вспомнив, что начальник воевал и был в плену, я загрустил еще сильнее. Разговор о службе ничего хорошего не сулил. Тем временем, на пьяного, расстроенного «черным вороном» шефа, накатывали очередные воспоминания. Спокойствие покинуло его, и он опять закрыл лицо руками. Пауза затянулась. Вместо того, чтоб тихо сидеть и ждать, когда все закончится, я сдуру решил продолжить диалог.

– С тобой все нормально? А ты где служил?

Собеседник на секунду замер и медленно, видимо боясь спугнуть меня раньше времени, убрал руки с лица. Тут я сделал еще одну ошибку. Доселе, мой взгляд блуждал по сторонам, помня, что дикому животному нельзя смотреть в глаза, но тут я случайно взглянул в сторону шефа и наши глаза встретились.

– Служил, – тихо прошипел он, – писарем в штабе. Веришь?

После того, как вышел фильм «Брат», много людей хотело быть похожими на Данилу Багрова. И это был не первый случай, когда я слышал такой издевательский ответ на фразу: «Где ты служил?», но это был первый случай, когда передо мной сидел человек, реально готовый разорвать меня на части, без всякой на то причины.

– Не верю, – произнес я, случайно усугубляя ситуацию.

Думаю, в этой ситуации любой ответ не устроил бы шефа,

но отрицание, которое он услышал в моей фразе, послужило началом к боевым действиям.

– Не веришь? – процедил он сквозь зубы и бросился на меня.

Сомкнув пальцы на моем горле, безумный пьяный босс вряд ли соображал, что может отнять у меня жизнь, но мне от этого было не легче. Я пытался разомкнуть его мертвую хватку, но как можно разжать сомкнутые челюсти бультерье-ра? Вспомнив, что попав в пасть крокодила, нужно давить пресмыкающемуся на глаза, я попытался одной рукой выдавить глаз взбесившемуся соотечественнику, но от этого его хватка стала только сильнее. Силы покидали меня, и уже в полузабытьи я ощутил сильный удар, от которого агрессор обмяк. Руки убийцы разжались. Сбросив с себя тело, у меня получилось откашляться и задышать полной грудью. Над собой я увидел большого толстого австралийца с тяжелым барным стулом в руке.

– Are you alright? That fucking son almost killed you? – произнес он.

– Thank you. You saved my life. Are you kill him? – ответил я, удивляясь правильности построения фразы после произошедшего.

– I don't think so, – ответил мой спаситель и, бросив стул в сторону, спокойно вернулся к стойке бара.

Босс тем временем простонал и перевернулся на спину. Недолго думая, я схватил свои вещи и отправился домой.

Выключив телефон и включив компьютер, я написал учредителям «Черного кота» письмо о том, что очень ценю свою жизнь и больше не намерен работать на этой должности. Приготовив деньги, которые мне дал начальник-душитель в качестве «подъемных», лег спать, предварительно напившись корвалола.

Проснулся от стука в дверь. Посмотрел в глазок. Стоял опухший босс с перемотанной бинтом головой. По поведению, он вроде не хотел моей смерти. Я открыл дверь и впустил вчерашнего душегуба. Шеф сел на кресло в гостиной и без прелюдий, сразу «взял быка за рога», не давая мне опомниться, и выговориться.

– Вот тебе тысяча долларов за вчерашнее. Извини, я перебрал. Мы с тобой тут не девочки, ты должен меня понять.

– Что я должен был понять? Что ты по пьяни чуть не задушил меня?

Но вызывать чувство вины не получалось.

– Когда мы начинали, ты мне пообещал сделать работу и запустить ресторан! Помнишь?

– Помню, но я не думал, что мне нужно было брать с тебя обещание не душить меня?

– Обещал – сделай. Запусти ресторан и иди куда хочешь. Я вложил деньги, я на тебя надеялся. За вчерашнее, еще раз прости. Эта штука «баксов» за беспокойство, понимай, как хочешь. Я завтра уезжаю и приеду не скоро. Год, а то и два буду в Африке, так что решай сам.

Я молчал и думал. У японцев есть такое понятие «гири» – долг чести, некая моральная обязанность, необходимость, заставляющая человека порой делать что-то, против собственного желания, или вопреки собственной выгоде. В чем-то он был прав. Раз обещал надо сделать.

Но с другой стороны... Хорошо, уйду я, покажу характер, и что? Останусь без работы и без денег. Возвращаться в бар? Стыдно! Да и потом, вряд ли они возьмут назад перебежчика. Я бы не взял. Лететь домой, «несолоно хлебавши», тоже не вариант. В моих мечтах, возвращение на родину было, ну если не со щитом, то по крайней мере, на белой лошади. А если остаться в ресторане, и работа и «подъемные», остаются у меня. Плюс штука «баксов» за минуту дискомфорта органов дыхания. А с другой стороны, что было бы, если не окажись рядом смелый австрал? Меня, наверное уже паковали бы в цинковый гроб.

– А ты точно надолго уезжаешь? – поинтересовался я.

– Да. Сегодня еду в Сайгон, завтра самолет, – сказал босс и не дожидаясь моего ответа, уходя бросил на журнальный столик деньги.

Много чего я не понял в этом человеке. Возможно, после участия в войне у него сломалась психика, и ежедневное потребление алкоголя было единственной возможностью заглушить боль, а может, его действия были просто продиктованы обычным алкоголизмом. Истины я так и не узнал. Он улетел, и как обещал, появился только через два года, оста-

вив бизнес на попечение своего вьетнамского партнера.

На следующий день я вышел на работу в качестве директора и по совместительству шеф-повара русского-вьетнамского «фьюжен» ресторана. Это был интересный период и удивительный опыт моей жизни. Я учил вьетнамцев секретам европейской кухни, а они открывали мне тайны азиатских ресторанов. Например, я долго не мог понять, почему жареный рис с морепродуктами во Вьетнаме такой вкусный. Готовя дома, по такой же рецептуре у меня получалось совершенно иное блюдо. Ларчик открывался очень просто. Вьетнамцы просто добавляли в рис усилитель вкуса в виде бульонного кубика. И все! Помимо этих незамысловатых хитростей, я учился нарезать и жарить продукты по-азиатски. Все это тоже влияло на вкус блюда. В свободное время, совместно с поварами мы постоянно что-то придумали и вот, наконец, родилось фирменное блюдо нашего ресторана. Это был сибас, приготовленный в концентрированном кокосовом молоке с местными пряностями и луком. Для подачи использовали кокос. Если рецепт был совместный, то название принадлежало исключительно мне. Так в нашем меню появилась: «Рыба по-мальдивски». На Мальдивах я его не ел, и даже не слышал про что-то подобное. Просто в этот день на меня, как и на русского шефа, накатили воспоминания о нашем отдыхе с женой. Набрав в «гугле» «рыба по-мальдивски», ничего кроме «рыба по-молдавски» не выскочило, что собственно и решило судьбу названия.

Не все шло гладко, но потихоньку, помаленьку ресторан начинал завоевывать публику.

Среди недели клиентов было не много. Лишь по выходным, когда город наполнялся туристами и богатой публикой из Сайгона, у нас сидели люди. Местные соотечественники заходили редко, отдавая предпочтение насиженным местам. Меня это немного обижало, но зная ментальность русского народа, я терпеливо ждал. Тем более, что в механизме ресторана еще были сбои. Но были и положительные моменты. В процессе работы я продвинулся в изучении вьетнамского, выучив не только названия овощей, фруктов и специй, но и некоторые обороты речи.

Радовало еще и то, что один из поварят схватывал все на лету и, буквально через две недели у нас уже был новый молодой шеф. Освободившись от работы на жаркой душной кухне, я мог себе позволить, время от времени, сидеть на веранде, любуясь океанскими закатами. Одним словом жизнь потихоньку наладилась до такого уровня, о котором во Вьетнаме я и не мечтал. У меня было все: хорошая должность, достойная зарплата, уважение окружающих и даже известность в узких кругах. Удивительно, но почему-то все окружающие считали хорошим тоном дружить с директором русского ресторана. Это распространялось не только на соотечественников, но и местных экспатов. Несмотря на то, что ресторан позиционировался, как «фьюжен», все знали, что он «русский».

Глава 24. « Миллионерская дочь» – 2

Прошло полгода. Приехала Наташа. О том, что она в Вунг Тау я узнал случайно, от нашей общей знакомой. Звонок на ее вьетнамский номер результата не дал. Лишь спустя сутки, она перезвонила.

– Привет.

– Привет. Ты давно здесь?

– Неделю.

– А чего не сообщила?

– Гера, понимаешь, у меня сейчас такой период, – произнесла Наташа и остановилась, видимо подбирая нужные слова.

Когда из уст девушки звучит фраза «у меня сейчас такой период», ничего хорошего ожидать не стоит. Обычно, в «такой период» видеть вас не хотят.

– Я рассталась с одним человеком, и мне нужно отдохнуть от всего этого, – продолжила она.

– Понял, – сказал я, нажав «отбой» на трубке своего телефона.

Ну о чем, можно было говорить дальше? Опять о погоде?

Несмотря на то, что мое финансовое и социальное положение улучшилось, на личном фронте продолжались неуда-

чи. Новой любви во Вьетнаме я так и не встретил, а к старым связям вернуться не получалось. Жена на контакт не шла и в гости приезжать не собиралась, несмотря на мои многократные приглашения. Я уже было собрался написать Алене, но доброжелатели сообщили, что она вышла замуж за Михалева. Это событие меня несколько расстроило, но я, понимая, что дело к этому давно шло, отнесся к этому философски по-взрослому – напившись до бессознательного состояния.

В ресторане работало несколько милых девушек, но начинать служебный роман с местными красавицами было не в моих принципах. Чтобы как-то отвлечься от неустройства личной жизни, я сублимировал, направляя все силы на работу. Пытаясь продвинуть наше заведение в интернете, я создал в сети свой сайт vungtauinfo.com, на котором выкладывал основные события города, не забывая подчеркнуть, что в ресторане «Черный кот» можно вкусно поесть и приятно провести время.

После того, как ресторан начал нормально работать, мы стали организовывать тематические вечеринки, по образу и подобию тех, что были на берегу в баре. Достаточно быстро, эти вечера стали популярными у русских и теперь каждую субботу в ресторане не было свободных мест. Несмотря на то, что некоторые жительницы русского микрорайона оказывали мне знаки внимания, завязывать романы с замужними дамами в маленьком городишке я не торопился. Уж очень быстро в нашей «деревне» распространились слухи.

Среди недели, когда ресторан отдыхал от бурных выходных, к нам пожаловала русско-вьетнамская семья Альберта Александровича в полном составе, включая Наташу. Я поприветствовал дорогих, в прямом и переносном смысле гостей, не обращая никакого внимания на возмутительницу моей сердечной мышцы, делая упор на повышенное расшаркивание перед ее папой. Мне очень хотелось, чтобы наше заведение понравилось Альберту Александровичу, потому как мужчина он был богатый и влиятельный, а если ему все нравится, значит, он будет рекомендовать наше заведение своим друзьям и знакомым. Поужинав во «французском» «випе», «Саша Муромский» остался доволен и на прощанье пообещал все дальнейшие встречи проводить в «Черном коте». Наташа с папой не уехала, оставшись посидеть в нашем баре.

Я выдержал получасовую паузу и затем подсел к ней.

– Ну, и как тебе наша едальня? – сдержано поинтересовался я.

– Очень все здорово, ты молодец.

– Как отдыхается?

– Скучно. А ты отвезешь меня сегодня на маяк?

Да, от этой девушки неизвестно чего ожидать. Неделю назад: «у меня такой период», а сегодня «отвези меня на маяк».

– Окей. Во сколько поедет? – произнес я, смирившись с такими психологически нестабильными «качелями».

– Да хоть прям сейчас.

– Сейчас не могу, а вот через час, могу за тобой заехать.

Ты где живешь с папой?

– Нет, я с сыном разместились в доме его вьетнамской жены, на Фан Чу Чи 109.

– Хорошо, в десять буду.

Как только Наташа села в такси и отправилась домой, я предупредил администратора, что мне нужно срочно уехать и пулей рванулсЯ домой, чтоб принять душ и переодеться, не забыв прихватить бутылку «Мартини».

В назначенный час я стоял напротив дома под номером 109, на улице Фан Чу Чи.

Вышла Наташа. Осмотрев меня сверху донизу, она произнесла:

– А чего в шлепках? В нормальном виде приехать нельзя было?

Нутро мое начинало закипать. Одет я был в черную майку и рваные джинсы. Можно было конечно к этому наряду надеть туфли или кроссовки, но тридцатиградусную жару практичнее были шлепки. Еле сдерживая свое возмущение, я произнес:

– Мы же, вроде как, на природу собрались, на пикник. К чему пафос?

Наташа с этим, видимо, была не согласна. «На природу, на пикник» она оделась, как на прием. Короткое прямое платье цвета бирюзы, открывало вид на уже загорелые ноги в сандалиях «гладиаторах». На губах искрился блеск, а тушь подчеркивала и без того длинные ресницы.

– Ладно, поехали, – произнесла разочарованная моим видом спутница, сев на заднее сиденье моего мотоцикла.

Настроение моментально испортилось. «Надо быстрее напиться, станет легче. А вообще с Наташей нужно завязывать», – подумал я.

Поднимаясь вверх к маяку, наши тела ощутили приятное понижение температуры. На смену влажно-душного городского воздуха, состоявшего из выхлопных газов и канализационного амбре, пришел концентрированный запах эвкалипта и свежего океанского бриза.

Бросив мотик на импровизированной стоянке, мы направились к краю смотровой площадки, где можно было посидеть вдали от глаз случайных посетителей маяка. Расстелив на теплый камень плед, и достав одноразовые стаканчики, я предложил сесть.

– Ты я смотрю подготовился, а лед взял?

– Взял немного в кулёчке, так что если ты хочешь выпить «Мартини» холодным, не тяни.

Еще раз взглянув на Наташу, я для себя твердо решил, что с такой мне явно не по пути. Она конечно девушка милая, стильная, но уж очень сложная и временами высокомерная. Все эти ее смены настроения и прямолинейные высказывания жутко раздражали. В моей памяти еще были свежи строчки из ее письма, про «время и расстояние». Не успел я от них оправиться, а тут «у меня такой период». Последнее время женщины ничего не давали мне, а лишь забирали си-

лы и нервы. Понимая, что это еще одна игра не в мои ворота, я стал готовить себя к тому, что скоро и этой женщины в моей жизни не будет.

– Садись, – сказал я почти строго.

Наташе, конечно, не нравилось подчиняться, но слыша в нотках моего голоса раздраженность и несильную заинтересованность в ее персоне, послушно села и взяв стаканчик, застыла в ожидании напитка. Ее поза меня удовлетворила, и я аккуратно положил кубики льда в ее пластмассовую посуду, залив их сладким дурманящим напитком. Пока я суетился, завязывая кулек со льдом, Наташа к моему удивлению терпеливо ждала. В конце концов, можно было выпить. В один присест, мы осушили маленькие стаканчики, оставив на дне кусочки льда, которые уменьшались на глазах. Вторая порция была выпита так же быстро, как и первая, без тоста и разговоров. Льда не стала. Теперь можно было не торопиться. Почти мгновенно я ощутил прилив сил. Вермут быстро пробежал по «венам-рекам», улучшая настроение и запутывая мысли.

– Знаешь, как будет по-вьетнамски «Черный кот»? – начал я.

– Ты продолжаешь учить вьетнамский? Молодец! Папа живет здесь уже пять лет и ни слова не знает! Ну и как?

– «Кон мяу ден».

– А у вьетнамцев есть разделение на кота и кошку? А то в английском, что кошка, что кот одинаково, – продолжила

лингвистическую тему Наташа.

– По-вьетнамски кот – «мяу дык», а кошка – «мяу кай». В отношении английского варианта точно не знаю, но по-моему австралы называют кота – «he-cat».

– Понятно, – произнесла Наташа, и о чем-то задумалась.

– А ты знаешь, меня тут чуть не убили, причем два раза. Один раз пьяный русский учредос, а второй раз вьеты.

– Да ты чего? – оживилась ночная собутыльница.

– Первый раз на открытии, но тут мало чего интересного, а второй раз в День Поминовения Усопших.

– Это когда они деньги жгут?

– Да. Представь, выхожу из нашего ресторана, а под деревом сидит вьет, из соседней кофейни, и жжет фальшивые доллары. Огонь палит бедное деревце, а ему хоть бы хны. Я начинаю возмущаться. Так мол и так, чего ты сволочь делаешь? Зачем дерево портишь? И действительно, отошел бы на пять метров к дороге и никому бы не мешал. Он не обращает на меня внимание, хотя я на ломаном вьетнамском объяснил ему, что: «палить дерево нехорошо, дереву больно». Короче, результат переговоров – «ноль». Вьет продолжает жечь деньги. Тогда я аккуратно решил эту урну передвинуть ногой подальше от дерева, но случайно повалил ее набок. И что ты думаешь, сделал этот молодой наглец?

– Что?

– Он, как заорет благим матом на своем языке, и как зафутболит урну с горящими деньгами ногой так, что она по-

катила на дорогу. Естественно на этот ор обернулись люди из соседней кафешки. И что они увидели? Стоит чужеземец, урна с пеплом из денег валяется на дороге, а молодой вьет криком объясняет, что это я ударил урну, выражая ненависть к местным усопшим.

– А зачем они вообще жгут деньги?

– Вьетнамцы считают, что сжигая деньги, они отправляют их в потусторонний мир, своим предкам, а взамен духи помогают живущим обрести материальные блага. Если ты заметила, на каждом углу здесь продают фальшивые деньги. Причем на стодолларовых купюрах вместо строчки: «Соединенные Штаты Америки», по-английски написано «Банк Загробного Мира». Каждый месяц они делают такую процедуру, но тот день был особенный.

– И что дальше?

– А дальше народ, видя, как пришлый человек оскверняет их обряд, решили меня убить, ну или по крайней мере избить. Вся эта подвыпившая толпа ломанулась ко мне с какими-то палками и стульями в руках. Объяснять им, что я ни в чем не виноват не было времени. Единственно верное решение было скрыться в здании ресторана. Но и двери ресторана их не остановили. Люди орали, визжали, напирая друг на друга с диким желанием первым стукнуть меня по «тыковке».

– Вообще-то такое поведение не типично для вьетнамцев.

– Согласен. Обычно, они не разобравшись, никого не

бьют, тем более иностранца. У них всегда присутствует пре-людия, а уж после начинают «мочить», причем сразу на поражение. Возможно, что-то такое проорал этот молодой сжигатель деревьев, а может, после того, как они увидели, что я трусливо убегаю, решили, что «белый» сделал что-то не подобающее. Благо, именно в этот момент приехал Хынг. Видя людскую толпу с палками, он сразу что-то крикнул так, что все замерли. Возможно исход решило еще и то, что в этот момент он был в форме. Думаю, ты видела, что работники эмигрейшен ходят в форме, похожей на военную, а у него должность то ли полковника, то ли генерала. Уж не знаю, что там ему обо мне рассказывали, но он сразу определил главных соискателей на мое тело и взяв из бара две бутылки русской водки, отправился в соседнее заведение с группой товарищей, улаживать международный конфликт.

– И чем все закончилось?

– Да ничем. Через час вернулся Хынг и сказал мне, чтобы я больше так не делал. Попытки объяснить, как все случилось, успехом не увенчались. Верить мне он, видимо, не собирался. Возвращаясь домой, я обнаружил, что колеса на моем мотике порезаны. На этом месь «соседей» закончилась.

Опять возникла пауза.

– Ну что, давай еще выпьем? – предложила Наташа.

– Давай, только «Мартини» уже теплый.

– Да и хрен с ним.

Мы выпили еще, потом еще, пока бутылка не опустела.

– А у тебя были за это время женщины?

– Да нет. Времени не было, – соврал я.

Времени было море, а вот с женщинами сплошные проблемы.

– Предупреждаю, я очень ревнивая, – произнесла ночная посетительница смотровой площадки, и приблизилась ко мне на неприличное расстояние. Я, забыв про свое обещание убрать эту женщину из своей жизни, подался навстречу, сократив расстояние между нашими губами до нуля.

После близости на маяке, наши встречи стали ежедневными. Днем моя новая пассия купалась и загорала с сыном, а ночью, когда ребенок засыпал, а ресторан закрывался, мы встречались и наслаждались тем коротким отрезком времени, оставшимся до отъезда Наташи.

Несмотря на то, что после двенадцати ночи в Вунг Тау мало что работало, мы умудрялись найти себе развлечения, заканчивая ночной променад посещением одного и того же отеля, иногда оставаясь там до утра. Ко мне домой Наташа ехать отказывалась, потому как в моем кондоминиуме жили несколько работников ее папы.

Наши отношения протекали так спокойно, что идею расстаться с ней я выкинул из головы. Прошла неделя. У меня сложилось впечатление, что у Наташи есть какой-то план или, точнее сказать, романтический список, который нужно обязательно выполнить. Возможно в нем было: «вместе

встретить рассвет», «полюбоваться закатом», «получить в подарок 101 розу», «искупаться ночью голышом», и так далее. Очень искусно она подводила меня к выполнению этих пунктов. Я делал вид, что ничего не замечаю, предлагая еще более изощренные романтические фортели. Один раз, купив двести роз, я украсил номер лепестками, рассыпав их абсолютно везде, не зная, что вьетнамские розы, возможно искусственно подкрашенные, пачкают все, включая простыни и наволочки. Не удержавшись, мы бухнулись на кровать, украсив постельное белье и свою одежду розовыми пятнами.

Если не брать в расчет романтическую обязаловку, то проводить время с Наташей было очень приятно. Изредка она включала «строгую мамочку», но после того, как я ее одергивал, превращалась в милую, удивительно заботливую и добрую девушку. Первый раз, за последние два года я пребывал в прекрасном расположении духа, но как это всегда бывает все хорошее рано или поздно заканчивается.

Очередной раз, встретившись с Наташей, я заметил, что она приехала на встречу совершенно без настроения.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– У меня завтра самолет.

– Что так быстро?

– Да, прошел уже месяц.

Возникла пауза.

– Гера, я хочу тебя предупредить, очень может быть эта встреча последняя. Очень может быть, я приеду сюда с кем-

нибудь другим. Ты должен быть готов к любому развитию событий.

– А то, что ты приедешь сюда через полгода или год, одна с сыном, и мы будем месяц любить друг друга, такой вариант не рассматривается?

– Ты женат, поиграешься и вернешься к жене, а мне нужно замуж выходить, мне нужна здоровая семья.

Конечно, она была права. У нас был типичный курортный роман, при котором люди встречаются у моря, проводят какое-то время вместе, а потом разъезжаются в разные стороны. Но от осознания этого мне было не легче. Десять-пятнадцать лет назад я мечтал бы о таком варианте отношений, но теперь я возможно поумнел и стал нуждаться в спутнице жизни.

– Хорошо. Я все понял, – расстроенный и подавленный молвил я.

– А теперь давай, последний день проведем на полную катушку, и поедем в отель до утра! – произнесла моя временная, как выяснилось, подруга, обрадовавшись, что я почти спокойно воспринял эту информацию.

– Нет, Наташа, сегодня ничего не будет, больше ничего не будет! – произнес я, чувствуя как слезы, подступают к глазам.

Желания продолжать разговор дальше не было и я, сев на мотик помчался навстречу океанскому ветру от очередной истязательницы моего сердца. Ситуация повторилась «как

под копирку», только теперь я уезжал с запахом жженой резины от Наташи. Что там случилось, меня мало интересовало. Возможно, вышел на контакт ее бывший, с которым она рассталась перед поездкой, а может, отдохнув, «миллионерская дочь» стала готова к новым поискам второй половины. Все ищут варианты и эта молодая женщина не была исключением.

Слезы застилали глаза, но вместо того, чтобы остановиться и успокоиться, я прибавил газу. В момент душевного кризиса многие делают непростительные ошибки, за которые, потом расплачиваются очень долго. Я не был исключением и, поддаваясь внутреннему порыву, что «жизнь говно» пролетел на бешеной скорости городскую набережную, вплотную приблизившись к небольшому серпантину. За сто метров до опасного поворота навстречу мне вдруг, выскочило несколько мотоциклов. Причем, понял я это только по звуку, потому как ехали они с выключенными фарами.

Знакомые рассказывали о сообществе «безумных максов», которые, накурившись, гоняли по округе без света и тормозов. Один раз мне показалось, что я видел их по дороге на маяк. Несколько молодых парней, без шлемов, на полуразобранных мотоциклах с диким ревом пронесли мимо меня. Но, тогда они ехали со мной в одну сторону, да и узкая извилистая дорога не давала им разогнаться. Теперь же искатели острых ощущений летели навстречу мне. Среагировать на двоих из них у меня получилось, но с третьим все

же произошел контакт. Я услышал резкий щелчок-удар, как будто по мне выпустили крупнокалиберную пулю, которая без усилий прорезала тело моего мотика. Удержать равновесие не получилось. Вместе с моим двухколесным другом я юзом полетел к краю дороги.

Минуту я лежал, боясь пошевелиться. Потом поднял голову и осмотрелся. К моей великой радости, пальчики рук и ног безболезненно двигались. Если бы на мне были шорты, то возможно повреждений было больше. Крепкая джинсовая ткань защитила, дав дорожному покрытию немного ободать правую ногу. Голову спас шлем, который приял на себя встречу с асфальтом. Мотик пострадал сильнее. Его пластмассовый обвес с одной стороны был распорот, словно после встречи с гигантской бензопилой. Глядя на израненного двухколесного друга, в голове зазвучало: «А у дельфина, взрезано брюхо винтом, выстрела в спину, не ожидает никто!»

Беда опять обошла стороной. Видимо Небесный Покровитель уберег, и очередной раз давал время исправить ошибки.

Я отделался легким испугом, ссадинами и небольшими ушибами. Иначе как чудом, такой исход не назовешь. Поверни я тогда руль чуть вправо, или чуть влево, меня пришлось бы соскрести с асфальта.

Глава 25. Возвращение блудного сына

За десять лет жизни во Вьетнаме со мной произошло бесчисленное количество историй.

Так как, я был человек практически местный, ко мне часто обращались за помощью. В большинстве своем это были туристы. Ситуации, в которые попадали мои соотечественники, были самые разнообразные. Как-то, пришлось везти в госпиталь питерского парня, который танцуя на стойке бара с девушкой, упал на стекло холодильника находившегося внизу. Девушка отделалась легкими порезами, а вот её партнеру наложили в ту ночь шестнадцать швов. Другой раз, с моей помощью выводили из запоя летчика, который до такой степени пристрастился к местному виски, что никак не мог оторваться. Пришлось по всему городу искать доктора, который знал, чем нужно прокапать летуна, чтобы он встал на ноги. Но чаще всего я разыскивал пропавших людей. «Разыскивал» – наверно громко сказано, точнее сказать помогал найти. Вьетнам удивительная страна. Дружелюбные люди и теплый климат располагают к отдыху. Здесь много чего разрешено и люди не задумываясь о последствиях, творят такое, что в России им в голову не могло прийти. Как следствие, разного рода истории. Обычно, все злоключения

плотно завязаны на алкоголе, наркотиках и продажных женщинах. Этих историй хватит на пару книг, но я остановлюсь лишь на одной, особо поучительной истории.

Прохладным зимним вечером, когда температура опустилась аж до плюс двадцати пяти, в ресторан приехал начальник крупного отдела российско-вьетнамского предприятия. Звали его Павел Юрьевич Трубецкой. Несколько раз его отдел заказывал у нас банкеты для проверяющих из Москвы. Мужчина он был добрый и нежадный. Заказав чашку кофе, возможный потомок тех самых русско-литовских Трубецких спросил:

– Георгий, я слышал, ты недавно нашел сына какого-то северного губернатора?

– Да было дело, там ничего серьезного. Моё участие было минимальным, – ответил я.

– И все же, поделись, что там было? – настаивал гость.

В мои обязанности входило развлекать гостей, да и дел в тот момент, особо не было. Попросив официантку принести мне зеленого чая, я рассказал не самую интересную историю по поиску «блудного сына».

Несколько недель назад, в наш город приехал молодой разгильдяй. Типичный маменькин сынок, вырвавшийся из под опеки с золотой картой в кармане. Его специально отправили в Вунг Тау, так как здесь за ним было кому приглядеть! Какие-то дальние родственники его матери трудятся в «Русьвьетойл». Через два дня парень перестал выходить на

связь. Такое и раньше с ним случалось, но на родине. Мать забила тревогу. Во вьетнамскую полицию и генконсульство РФ решила не обращаться, сами понимаете, папа – губернатор. Через каких-то знакомых они вышли на меня и пообещали хорошее вознаграждение, если я им помогу хоть чем-нибудь. Я конечно согласился.

Перво-наперво, нужно было осмотреть место проживания. Кое-как уговорил работников отеля вскрыть номер, где проживал наш гость. Вьетнамцы вначале отказали, но когда я, на вьетнамском пошутил, что возможно в номере труп, испугались и пошли навстречу. Все вещи были на месте, сейф закрыт, а постель аккуратно заправлена. Девочка с «ресепшен» сказала, что уже три дня жилец не появляется. Тогда я прокатился по тусовочным местам. «Локолы» сообщили, что видели «пропащего» в обществе Кати, танцовщицы из Томска. Через бармена из Бич Клуба я нашел дом, который снимала томская тусовка и там обнаружил в дымину пьяного губернаторского отпрыска, который пообещал сто оленей, если я ничего не расскажу его маме. Щедрая северная душа!

– Да, история, – с нотками горечи, произнес Трубецкой, – у меня та же херня! Сын пропал!

– Андрей? Я неделю назад видел его с вьетнамкой в «Текиле»!

– В том то и дело, что с вьетнамкой. Засранец, я его устроил на отличное место, а он уже неделю не появляется на работе. Мне стыдно в глаза людям смотреть. Из-за него и

моя карьера может пострадать. Наши «безопасники» уверены, что он сидит на наркоте. Будь другом, найди его и поговори. Послезавтра он должен быть на работе и кровь сдать на наркотики. Я пообещал. Чтобы они грязью моего сына не поливали.

– Если честно, ничего на сто процентов пообещать не могу. Попробую.

– Попробуй. Очень надо! Я в долгу не останусь.

Трубецкой встал, расплатился за кофе. Пристально посмотрел мне в глаза и произнес: «Очень прошу тебя, помоги!».

Дело в том, что сына Трубецкого я давно знал. Андрей работал в отделе встреч и сопровождений совместного предприятия. Парень он был хороший и добрый, такой же, как отец. Я частенько обращался к нему за помощью, и он никогда мне не отказывал. Но у него была одна пагубная страсть – вьетнамки.

С первых дней жизни во Вьетнаме я стал наблюдать за женской половиной населения. Вначале, впечатление было, что это довольно милые и приветливые создания. Но, чуть позже, я понял, что уважение и почтительность, оказанные мне, были продиктованы исключительно корыстью. Во Вьетнаме, как и везде, любят иностранцев, в первую очередь потому, что с них можно что-то получить.

Огромное количество мужчин в мире хочет иметь азиатскую женщину, в прямом и переносном смысле. Мне кажет-

ся, это желание продиктовано в первую очередь, киношным образом, созданным Голливуде. Там азиатка либо проститутка, либо покорная домработница. Причем проститутка всегда китаянка, а домработница филиппинка. Всё! Больше у азиаток нет ни профессий, ни национальностей. Конечно, иногда появляется секретный агент в юбке с узким разрезом глаз, но это большое исключение. Естественно, на подсознательном уровне, мужчине хочется женщину, которая в постели ведет себя как проститутка, а сразу после соития бросается готовить еду и убирать дом! Но увы, киношные стереотипы далеки от реальности.

Прожив столько лет в Азии и посетив почти все страны этого региона, я понял, что в каждой азиатской стране женщины разные и род занятий у них самый разнообразный. Только вот характер практически у всех один.

Чисто внешне, больше всего мне понравились девушки Бирмы (сейчас это государство Мьянма). Там они высокие, фигуристые, с большими «персицкими» глазами. Говорят, что произошло это потому, что на территории современной Мьянмы перемешали кровь индийские и китайские племена. Нашествие монголов и английская колонизация тоже принесли свой вклад в создание неповторимости образа бирманских красавиц. В отличие от бирманок, абсолютно все вьетнамки маленького роста. Если на глаза попадается высокая девушка, значит настоящей вьетнамской крови в ней, в лучшем случае, половина. Обычно это продукт любви мест-

ных корней и соседей по азиатскому региону. Очень много браков с кхмерами, соседями из Камбоджи. Полных женщин во Вьетнаме мало. Большинство стройного телосложения. Почти у всех узкие бедра и чуть широковатые плечи. Такая фактура, при взгляде сзади, делает их похожими на маленьких мужичков. Кожа у вьетнамок, как и у всех азиаток, удивительно гладкая, как шелк. От повышенной влажности она не сохнет и даже у женщин в возрасте, мало морщин. Нормально одевается только молодежь, остальные женщины могут позволить себе ходить в пижамах с утра до вечера. Да, да, именно в пижамах, причем «ядерных» расцветок. На юге Вьетнама круглый год +30. Летом температура поднимается до сорока и выше. «Хэбэшная» пижама – идеальная одежда. Она легкая, не стесняет движений и дает телу дышать. Но самое главное – стоит копейки. Когда первый раз это видишь, возникает шок, потом глаз привыкает, и ты уже не замечаешь ничего необычного в одежде окружающих. Прошли годы. Сейчас в крупных городах и туристических центрах все реже и реже можно увидеть женщин в пижамах. Но если рано утром поехать на окраину или на рынок, увидишь настоящий, «непричесанный» пижамный Вьетнам.

Продолжая анализ прекрасной половины, замечу, что почти во всех магазинах и ресторанах заправляют бизнесом женщины. Первый я раз обратил на это внимание, когда покупал бокалы для бара. Приехав в магазин посуды, бросилось в глаза, что всем рулит женщина и ее дочь. Когда же

наступила очередь упаковать купленный товар, хозяйка что-то крикнула, и из подсобки прибежал пузатый муж, который стал заворачивать бокалы в бумагу и помог отнести мне пакет до мотобайка.

Но далеко не все женщины работают на руководящих постах. Удивлению моему не было предела, когда я впервые увидел женщин, замешивающих раствор для строительства площадки на территории нашего бара. Совершенно спокойно прораб вьетнамец отдавал команды двум немолодым тетками, заставляя мешать песок и цемент в нужной пропорции. Я поинтересовался:

– А что, мужиков нет?

– Мужики есть, но они дороже! – вежливо ответил строитель.

Следующее открытие ждало меня на небольшом вьетнамском празднике. Как-то, совершенно случайно, я попал на День Рождения молодой вьетнамки, работающей официанткой в нашем баре. Оказалось, что на вечеринке я был единственным мужчиной. Мне, конечно, это очень нравилось, но я не удержался и спросил: «А где парни?». Выяснилось, что парней подружкам не показывают, чтоб чего дурного не случилось!

Продолжая свои исследования, я стал расспрашивать знакомых встречающихся с вьетнамками. Не все откровенничали, но один русский геофизик, пролил свет на истинную картину взаимоотношений. Тусуясь в русском баре, он вы-

пивал, веселился, а вьетнамка тем временем, сидела за стойкой и терпеливо ждала конца каждого вечера, чтоб отвести проспиртованное тело бойфренда домой. Я поинтересовался, насколько затратно содержать местную подружку. Выяснилось, что его герлфренд «на окладе». Каждый месяц он ей платит триста, а иногда четыреста долларов за то, что она, якобы тратит на него время, а могла бы где-нибудь работать. Это притом, что средняя зарплата обычной девушки во Вьетнаме сто, ну максимум двести долларов в месяц. Триста-четыре сотни долларов получают квалифицированные специалисты в серьезных крупных организациях.

На юге всю низкоквалифицированную работу делают только девушки из среднего Вьетнама. Там нет работы, и поэтому все едут на заработки подальше от родных мест. Многие хозяйки ресторанов, отелей, массажных салонов набирают девочек и не платят им зарплату вообще. За работу дают кров и чай с рисом. Деньги девушки получают только в виде «чаевых». При хорошем раскладе сто долларов чаевыми можно заработать, но для этого нужно изрядно попотеть. Но вернемся к профессии «girlfriend». Как выяснилось, помимо оклада абсолютно у всех подружек иностранцев каждый месяц, а то и каждую неделю, болеет или умирает какой-нибудь родственник на севере страны, а значит нужно помочь! Это еще сто долларов. Причем врут, без страха и упрёка, а если ты не веришь – истерика, слезы, убегание домой, возвращение и опять убегание! Прибавьте к этому еще новые туфли,

платья, выход нового айфона и т.д. Иногда девушкам удается раскрутить на покупку дорогого мотоцикла, а иногда и новое авто. Если посчитать «вкруговую», то содержание подружки может обходиться до тысячи долларов в месяц.

– А что будет, если не платить? А что если по любви? – поинтересовался я.

– Если не платить, то ничего не будет! Ни по любви, не без нее, – с грустью ответил обладатель молодого вьетнамского тела.

Вьетнамские женщины, как и все представительницы женского пола в мире, хотят жить в комфорте и богатстве с любимым мужчиной и детьми. Разница только в том, какими путями они идут к счастью и на что готовы.

Если почитаете историю Вьетнама, то обязательно наткнетесь на одно интересное повествование под названием «Восстание двух сестер». Уж не знаю, сколько там правды, а сколько вымысла, но отчасти оно открывает завесу на ментальность вьетнамских женщин.

«Восстание двух сестер»

Произошло это в сороковом году от Рождества Христова. В то время на севере современного Вьетнама было древнее царство Намвьет, которое образовалось ещё до нашей эры.

Сестры Чынг родились в семье военного генерала. Но скоро отца не стало, и воспитание дочерей легло на плечи матери. Как сейчас принято говорить, сестры росли и воспитывались в военно-патриотическом духе. Прошли годы, девочки

повзрослели. Старшая вышла замуж.

В Китае, в ту пору, правила могущественная династия Хань, войска которой оккупировали Намвьет. Китайское влияние росло, и на всех захваченных территориях велась политика насильственного насаждения китайской культуры. Намвьетам, естественно, это не нравилось. Муж старшей сестры Чынг пытался поднять мятеж против империи Хань, но его пленили и казнили, в назидание всем борцам за независимость. Смерть мужа потрясла женщину и сподвигла взяться за оружие. Вместе с сестрой она возглавила народное восстание. Чак и Ни, так звали сестер, вначале изгнали небольшое китайское войско из своей деревни, а потом собрали армию, состоявшую в большинстве своем из женщин. За несколько месяцев сёстры Чынг освободили от китайцев все намвьетские территории. По окончании освободительной войны старшая сестра Чак провозгласила себя королевой. В течении двух лет намвьеты отражали китайские атаки. Но правление королевы Чак Чынг продержалось недолго. Китайцы, разозленные своими неудачами, отправили в Намвьет огромную карательную армию для усмирения восставших. По легенде, китайские солдаты вышли на битву против женщин раздетыми. Это так смутило намвьеток, что вначале они разбежались. Но потом женщины собрали волю в кулак и бросились на неприятеля. Древняя летопись упоминает удивительный случай, произошедший во время битвы. Одна из военначальниц пошла в бой беременная и родила прямо

на фронте. Сразу после появления на свет ребенка, перерезав пуповину своим мечом, она ринулась в бой. Несмотря на героические усилия, сестры проиграли сражение, но сдаваться в плен не захотели. Чтобы защитить свою честь, они утопились в реке. Остальные воины, вслед за своими королевами, покончили жизнь самоубийством. Сестер Чынг по сей день почитают во Вьетнаме за то, что они впервые в истории Вьетнама восстали против двухсотлетней китайской оккупации.

Некоторые ученые приводят эту историю, в доказательство матриархата, царившего в древнем Вьетнаме. Но мне кажется, не надо так глубоко копать, чтобы понять, что матриархат продолжается и сейчас.

Какой же вывод можно сделать, прочитав эту историю? Прежде всего, нужно отметить, что вьетнамские женщины – это «мужики с яйцами», готовые идти на смерть ради достижения цели. Они такими были, есть и будут! За тысячу лет ничего не изменилось! И в наше время потомки сестер Чынг борются за счастье любыми способами, это у них в крови.

У каждой вьетнамской представительницы женского пола, независимо от возраста, есть программа максимум и программа минимум. Максимум – дети, большой дом, доходный бизнес, минимум – деньги, деньги и еще раз деньги.

Всё вьетнамское население достаточно долго не имело достатка. Нужны были десятилетия, чтобы страна пришла в себя после войны. В «нулевые» Вьетнам, а точнее сказать, его

компартия взяла курс, на частично капиталистическую модель экономики, дав возможность населению заработать. Если раньше, в большинстве своем общество состояло из бедных, то сейчас зародилось прослойка богатых. У женской половины появилась возможность заполучить материальные блага, не только организуя свой бизнес, но и продавая свою красоту. Проституция на юге Вьетнама была еще во времена французских колонизаторов, но сейчас продажность меняла свою форму и содержание.

Страна начала развивать туризм, создавать совместные предприятия. Во Вьетнам ринулись тысячи иностранных специалистов, которые, в отличие от местных состоятельных мужчин представляли собой легкую и богатую добычу. С их помощью можно было получить максимум, связав себя минимальными обязательствами. Причем те девушки, которые встречались с иностранцами, всегда были особой кастой. Основная часть – это бывшие работницы баров и борделей. Далеко не каждая семья разрешит общаться с чужеземцами. Но если близкие, по каким-то мотивам не против, то девушка для такой «работы» серьезно готовится, учит английский язык, тратится на внешний вид, следит за модой.

Каждый иностранец, начиная общаться с местной девушкой, пребывает в приятном заблуждении, что ему повезло, потому что именно его роман замешан на настоящих чувствах.

Как же так получается, что местным женщинам удается

обманывать не только молодых, но зрелых умных мужчин? Причем многие «обманутые вкладчики» еще до вьетнамок имели опыт, причем плачевный.

На курсах повышения уровня английского языка, я познакомился с преподавателем, милым англичанином по имени Большой Джон (так он просил, чтобы его называли). В Англии его бросила жена. Забрала детей и ушла к негру. Рассказывая эту историю, он акцентировал на том, что жена от него не просто ушла, а «ушла к негру». Видимо для потомка англосаксов, уход женщины к «черному», какое-то невиданное позорище. Это событие настолько потрясло Большого Джона, что он уехал во Вьетнам навсегда, чтобы здесь жить и умереть. Встречался англичанин с молодой вьетнамкой, которая высасывала из него все соки и деньги, но его это почему-то не расстраивало.

Другую историю я услышал от австралийца-пенсионера. Когда ему исполнилось шестьдесят, от него ушла жена. Причем, ушла к молодому любовнику. Начался бракоразводный процесс. С помощью юридических лазеек, бывшая половина, «отжала» у мужа большую часть имущества. Устав от судебных разбирательств, по совету друзей, он приехал во Вьетнам. Хорошая австралийская пенсия и небольшие накопления, позволяли не только спокойно жить, но и содержать молоденькую вьетнамку. Во время очередной пьянки в нашем ресторане, он сообщил мне, что только сейчас встретил девушку, которая его по-настоящему любит. Позже я

слышал, что он даже собирался на ней жениться и оставить в наследство какую-то недвижимость в Австралии.

С моими русскими друзьями и знакомыми происходили похожие ситуации, но горький опыт коварства женщин ничему их не учил и они наступали «на те же грабли», только теперь, с еще более «продуманными» вьетнамками. Почему же так происходило? Неужели предыдущие истории ничему не научили их?

Дело в том, что у вьетнамских женщин есть определенная «метода», о которой никто особо не распространяется. Кое-что я понял сам, но большую часть мне рассказали те, кто нашел в себе силы вырваться из цепких лап вьетнамской «зависимости».

Первый метод – дать мужчине почувствовать себя шейхом.

Тебе моют ножки, массируют спинку. В постели – все, что захочешь. За столом – ешь, пей до отвала, никаких ограничений! Набрал вес – отлично, другим не понравиться. Захотел встретиться с друзьями – не проблема. Накрасила личико, надела короткую юбку. Сидит рядом, молчит. Закончилась пьянка – тебя отвезли домой.

Я, как-то, попал в гости к одному своему русскому товарищу, который уже два года жил с вьетнамкой. Потряс уровень приема моей скромной персоны. Как только моя тарелка пуста, мне тут же накладывали. Как только я выпивал рюмку, в нее мгновенно наливали. Причем всё делалось с улыбкой

и почитанием! В полночь у нас закончились пиво и кровати, но вьетнамка пулей метнулась на мотоцикле в темноту, и через полчаса на столе было всё, чего не хватало. Конечно, после современных эмансипированных женщин, такое отношение приятно поражает и располагает любого мужчину. Ну а если дело дошло до совместной жизни и детей, то абсолютно все заботы берет на себя вьетнамская сторона. Мужчина ест, спит, пьет с друзьями. Единственно, что он обязан делать – это платить за всё!

Если первый метод не оказывает должного воздействия в ход идет метод «номер два».

Второй метод – создать на начальном этапе отношений, психологическую зависимость.

Как выяснилось, подобная методика широко использовалась спецслужбами. Вначале девушка начинает устраивать «сцены» по любому поводу, изображая ревность. Например: у тебя звякнул телефон, пришло сообщение. Не разбираясь, подруга начинает истерить и со словами «Я так и знала, что у тебя есть другая женщина!», убегает. Ты, естественно, бежишь за ней, и показываешь, что это сообщение обычный спам. Затем, с периодичностью «каждый день», она сбегает и плачет по любому поводу. Не важно, позвонил ли тебе друг или возникли какие-то сложности на работе, все это классифицируется, как доказательство твоей неверности и повод для того, чтобы заплакать или убежать. Возникает резонный вопрос, а что будет, если ты не препятствуешь и да-

есть возможность убежать? Через пять минут присылается десяток сообщений о том, что теперь ей «стало все понятно», «в своих подозрениях она была права», «она тебя так любила, а ты сделал ей больно» и так далее и тому подобное. Таким образом, через месяц «убеганий» у тебя на подсознательном уровне уже возникает потребность ежедневно её возвращать, а это уже зависимость. Причем держат тебя постоянно не только «в тонусе», но на коротком поводке, ежеминутно контролируя. Моряки, которые по месяцу находились в море, рассказывали, что как только их корабль приближался к берегу настолько, что начинала работать содовая связь, мгновенно поступал звонок от подружки. Складывалось такое впечатление, что она не выпускает из рук телефон, чтобы не пропустить возможность позвонить тебе и проконтролировать. Еще один момент, как только вьетнамка стала твоей официальной девушкой, путь ко всем распутницам в барах тебе закрыт. Девочек быстренько проинформируют о том, что ты «занят». А если кто-то нарушит правило и переспит с тобой, то с ней жестоко расправятся.

Если ни первый, ни второй метод не срабатывает, тогда «любимого» обрабатывают приворотными средствами и наркотиками. Как вы понимаете, цена вопроса достаточно высока и некоторые азиатки идут даже на такие меры, чтобы не упустить свой шанс и приобрести материальные блага!

Третий метод – создать зависимость с помощью психотропных средств.

Последнее десятилетие наркотики в тренде. Собственно в тренде они давно, еще со времен шумерской цивилизации, но на протяжении веков, общество то осуждает эту пагубную страсть, то закрывает на неё глаза. Для себя я отметил удивительную закономерность, что особую популярность наркотики получают, тогда, когда общество становится больным.

Показательна ситуация в дореволюционной России, когда в связи с началом Первой мировой, в августе 1914, объявили сухой закон. Запретили всё, от водки и самогона до пива. Что сделало общество, которое без алкоголя жить не могло? Стало искать замену, и очень быстро её нашла, перейдя на кокаин! В то время, в любой аптеке можно было купить порошок, свойства которого никто до конца не знал. При средней зарплате в тридцать-сорок рублей, его продавали по пятьдесят копеек за грамм. Правда потом, когда народ распробовал и пристрастился, цена подпрыгнула в пять раз. Заметьте, первый кокаин был немецкий! А воевала Россия с Германией! Странное совпадение! Или не совпадение?

Спустя два года, Москва и Питер «плотно сидели» на кокаине. Кокаиновая зависимость затронула все слои населения и все социальные группы. Большевики не стали исключением. Конченными кокаинистами оказались многие балтийские матросы. Это они ввели в обиход выражение "балтийский чай", делая раствор кокаина в этиловом спирте. Такая смесь продлевала и усиливала эффект. Среди "нюхачей" нередко встречались не только проститутки и уголовники,

но и питерские рабочие-пролетарии, готовые на любое преступление за полосу "кошки" (так, в то время, на жаргоне называли кокаин). В пристрастии к наркотикам были замечены и видные революционные деятели. И к чему это «обдолбленное» общество нас привело? Лично мне кажется, что одна из причин революции в России это отсутствие трезвых личностей. Все нормальные люди погибли на фронтах первой мировой, а больные «наркоманисты» способствовали захвату власти. Ведь где совершаются революции? В столице, а не на периферии.

Сейчас мы опять больны. Судя по количеству сцен в фильмах и на телевидении, общество ничего не осуждает и считает употребление наркотиков обычным делом. В Голландии, вместе с кофе, можно заказать «косяк», а в Калифорнии вам выпишут «покурить» при бессоннице или глаукоме. Подчиняясь общим стереотипам и модным тенденциям, все больше и больше людей, приобщаются к этому вроде бы безобидному способу отвлечься от проблем насущных.

Для любителей «покурить» Вьетнам рай, а вьетнамки становятся не только подружками, но личными драгдилерами. Достать здесь легкие наркотики достаточно просто. Обусловлено это в первую очередь тем, что Вьетнам находится рядом с «Золотым треугольником» в который входят северные провинции Бирмы, Таиланда и Лаоса.

Для создания привязанности, местной подружкой создается причинно-следственная связь: встретился – «покурил»,

«покурил» – хорошо! А раз «хорошо» – значит встречаться с подружкой тоже хорошо! Всё! Больше ничего не надо!

Таким нехитрым способом пользуются не сознательные вьетнамские девушки, чтобы получить денег и заодно размягчить мозг своим бойфрендам. Причем если «Будду» (так местные называют марихуану), найти достаточно легко, то с «тяжелыми» наркотиками в стране сложнее. Вьетнамское руководство жестко пресекает попытки завести в страну героин и кокаин. Мне как-то попался на глаза репортаж, в котором рассказывали, как граждане Нигерии в сообществе с одним вьетнамцем пытались наладить трафик героина. Всех быстро поймали. Нигерийцам дали по двадцать лет, а вьетнамца расстреляли.

Скорее всего, так происходит потому, что старые вьетнамские партийцы еще помнят как «Galvanized Iron» (американские солдаты) употребляя наркотики, превращались в хлам. Во время войны каждый пятый, а к концу войны каждый третий вояка был героиновый наркоман. Тогда, в Сайгоне опиум можно было купить по доллару за дозу. Для удобства его курили и нюхали, а шприцами почти не пользовались. Когда американское руководство столкнулось с героиновой проблемой, то об употреблении марихуаны вспоминали как о детских шалостях.

Но вернемся к способам привораживания. «Травяная» зависимость не единственная. Говорят, что для усиления эффекта, местные девушки подсыпают в еду своим «любимым»

еще какие-то снадобья.

Во Вьетнаме достаточно долго не было традиционной медицины. Этим обусловлено обилие народных способов и средств на все случаи жизни. Например, для повышения потенции у мужчин, существует большое множество настоек. Палитра самая разнообразная, начиная от змей, скорпионов и морских коньков в водке, до заспиртованных фаллосов копей. Самым редким и дорогим средством от этой мужской проблемы, считается лекарство, сделанное из костей тигра. Трое суток их вываривают, а потом, получившийся «желатин» формуют. Удовольствие не дешевое. Маленький брикетик, размером со спичечный коробок, стоит тысячу долларов. Затем полученное снадобье год настаивают на домашнем самогоне и пьют по одной стопке в день. Говорят, помогает обрести «второе дыхание».

С приворотными средствами я знаком меньше. Одна из моих работниц рассказывала, что «фарфоровый цветок» (цветы дерева плюмерия), во Вьетнаме сушат и кладут в чай своему избраннику. Уж не знаю, традиция это или одно из средств, но на этом мои познания заканчиваются, потому, как такие рецепты держатся в строгом секрете.

Где берут подобные зелья? Думаю, мест хватает. Как и у нас, во Вьетнаме существует большое количество бабок-ведуний, которые используют темные силы для зарабатывания денег.

Многие скажут: «Все это чушь? Какие колдуньи-ведуньи?»

Какой приворот в двадцать первом веке? Люди в космос летают, а тут такое средневековье!».

Моё твердое убеждение – если вы не верите в темные силы, значит они (силы), хорошенечко закрыли вам глаза!

Известный британский писатель, ученый и богослов Клайв Стейплз Льюис (кстати «Хроники Нарнии» – это его произведение), написал повесть под названием «Письма Баламута». Если вкратце, то это послания старого умудренного беса своему племяннику, бесу молодому. Дядя советует, как лучше отправить человека в ад и дает подробные рекомендации о распространении греха. Во вступлении автор пишет: «Есть два равносильных и противоположных заблуждения относительно бесов. Одни люди не верят в них, другие верят и питают к ним ненужный интерес. Сами бесы и тем и другим рады».

Продолжая свои наблюдения, в какой-то момент я засомневался. Уж очень много всего нереального было в моей теории о сверхспособностях простых вьетнамских женщин. Быть может, современные мужчины просто размякли? И дело совсем не в приворотных средствах и способах заполучить мужа. Но один знакомый, рассказал историю о своем коллеге, которая в полной мере подтверждала все мои выводы и предположения.

Началось все стандартно. Встречаясь с местной девушкой, русский парень решил, что это та кого он ждал всю жизнь. Сняли квартиру. Начали жить. Но душевный и фи-

зический комфорт продлился не долго. После месяца совместного проживания, нашего соотечественника, стали посещать ведения. Ему казалось, что когда он остается один, незримое око преследует его. Вначале, он тешил себя надеждой, что это просто «шугняки» после вчерашнего застолья, но периодичностью каждый день, незримое око «грело затылок», контролируя все его перемещения. Списывая эти «наблюдения» на усталость и тропикоз, парень решил сильнее расслабляться, перейдя с пива на легкие наркотики, но курение «Будды» лишь на время отвлекало от навязчивой идеи. И только тогда, когда рядом была «любимая», он обретал относительное спокойствие.

На работе забеспокоились. Начальник, видя перемены и пустые стеклянные зрачки, поставил вопрос его о профпригодности и досрочном расторжении контракта. В панике, любитель экзотики поклялся «завязать» со всем и в первую очередь с вьетнамской подругой. Относительно спокойно, вчерашние влюбленные расстались (разбитый телефон и ноутбук не в счет), но очень скоро выяснилось, что парень, не может заниматься любовью ни с кем кроме своей вьетнамки. Он уезжал в другой город, покупал проститутку, но результат был нулевым! Мужское начало не работало, а незримое око стало проявлять себя сильнее, подталкивая к суициду. Не выдержав, он вернулся к «любимой», которая без проблем его приняла. Потенция пришла в норму, «око» успокоилось. Получив передышку, он опять замыслил побег, кото-

рый осуществил через неделю. Но «на свободе» его ждали те же проблемы. Все возвращалось на круги своя. Спасло парня, только то, что его отправили в долгосрочную командировку на Сахалин. На родине две недели тело и голову «ломало», но после посещения Православного Храма «отпустило».

Но вернемся к «истории любви» Трубецкого-младшего. Она типична и показательна. В отличие от меня, Андрюша был любителем всего вьетнамского. Начал он ночными забавами с девушками из бара, а закончил сожительством с проституткой и употреблением наркотиков. Андрей был парнем неглупым, и по идее, должен был разбираться «что такое хорошо и что такое плохо», но местные распутницы расставляют свои силки так, что если ты хоть немного лоялен к чему-то азиатскому, выбраться из этих ловушек порой не возможно.

Времени у меня было сутки и поэтому, нужно было срочно начинать поиски пропавшего сына. Для начала я позвонил Андрею. На звонок, естественно, никто не ответил. Если он был «в плену», то подруга, скорее всего не разрешала ему ни с кем разговаривать, потому что: «все его русские друзья хотят их разрыва» или «завидуют их счастью». Это стандартная схема построения защиты. Собственно, на беседу по телефону я и не рассчитывал. Следующим шагом была отправка смс на русском языке: «Андрей, нужно срочно поговорить, у папы из-за тебя неприятности. Давай встретимся

в «Текиле» в девять. Если меня понял, напиши просто «Ок». Хорошо?».

Я очень надеялся, что вьетнамка даст ему прочитать мое сообщение, и он мне ответит. Вряд ли в «ок» она заподозрит что-то пугающее, ведь я специально написал все по-русски, без всяких чисел.

В ответ тишина. Прождав полчаса, я написал другое сообщение: «Andrey! I want to give you the money I borrowed from you. Let's meet in Tequila at 9 p.m. Ok?». Почти мгновенно пришел ответ. «Ok!»

Глупая обезьянка «купилась». Какая же вьетнамка откажется от денег? Скорее всего, телефон Андрея был в ее руках.

Ровно в девять я был в «Текиле». Набор посетителей в это время стандартный. Пара пьяных моряков с группой хостес-вымогательниц и группа австралов, пьющих пиво после игры в гольф. У стойки ко мне сразу подошла девушка, предложив выпивку и общество. Я отказался и от того, и от другого, заказав «содовую».

Время шло. Андрюши не было. Через полчаса в бар заглянула русская компания, состоящая из молодых работников совместного предприятия. Кое-кого я знал. Один из парней подошел ко мне.

- Привет Гера! Кого ждешь?
- Трубецкого жду, младшего.
- Андрюху? Он здесь на днях был со своей вьетнамкой.

Я перекинулся с ним парой фраз. Вот парень попал, она не отходит от него ни на шаг, и ни с кем разговаривать не дает. Представь, он ее в баре «снял», а она говорит ему, что первый день вышла на работу, а вообще, она бедная несчастная девочка у которой все родственники болеют, и поэтому подалась в консуматорши. А страшная, худая! Жуть!

– Стандартная история. А ты не знаешь, где они живут?

– Не знаю, говорят, где-то под горой комнату снимают. Ну ладно, давай, пока! Я пошел к нашим. На неделе зайдем в «Кота».

– Пока! Заходите.

Взглянул на часы. Десять. Пока все мои жуткие прогнозы сбывались.

– Hello! I'm Andrey's girlfriend, – прозвучало за спиной с характерным вьетнамским акцентом. Повернувшись, я увидел молодую вьетнамку. – Do you owe him money? Give it to me!

Как и описывал мой знакомый, подруга Андрея, была худая и некрасива. Даже в красном полумраке, она не выглядела привлекательной. Я видел много девочек в барах и с твердой уверенностью могу сказать, что даже после бутылки виски, мало у кого она может вызвать какие-то эмоции.

– Where's Andrey? I will return the money only to him. I don't know you, – ответил я твердо, не давая повода усомниться в моих последующих действиях.

Вьетнамка быстро поняла, что ей в руки деньги никто не

даст.

– How much money do you owe him? A lot of? – продолжила она.

– A lot of! Where's Andrey?

Всем видом я показывал, что начинаю выходить из себя.

– Andrey is busy!

Ох уж это вьетнамское «бизи». Они говорят это слово и в тему и без темы, как впрочем и «because».

– Sorry, I am busy too! – передразнил я и показал на часы.

Вьетнамка впала в раздумье. Андрюша, минимум неделю не появлялся у папы, а значит, деньги заканчивались.

– One minute, – произнесла она и, достав из сумки последнюю модель айфона, вышла на улицу позвонить.

Я думаю, для Андрюши была новость, что кто-то хочет ему отдать деньги и поэтому его избранница вернулась через минуту с включенным телефоном в руке.

– Andrey asks, what is your name?

– Let me talk to him! – сказал я и вырвал телефон из рук вьетнамского цербера.

Девушка заорала благим вьетнамским матом, но я с телефоном в руке, быстро пошел к выходу, успевая сказать несколько слов узнику любви, в момент, когда на меня набросилась худышка, извергая визги и вопли.

– Андрюша, это Гера из «Черного кота». Срочно мне перезвони!

В этот момент в мою руку впились острые крашеные ко-

готки, да так что полилась кровь. Через секунду, паховая область ощутила удар. Дыхание перехватило и айфон выпал из руки. Было жутко больно. Пока я прыгал на пяточках, чтоб прийти в себя, в кармане зазвонил телефон. Это был Андрей. Я не стал учить жизни блудного сына, и не стал говорить, что вьетнамки и наркотики это плохо, я просто попросил его срочно позвонить папе.

На следующий день Трубецкой-старший сухо, без всяких подробностей, поблагодарил меня по телефону. Чем закончилась история с сыном, он не сообщил, а я с расспросами не лез. Лишь позже мне рассказали, как развивались события. Оказалось, что Андрей, опасаясь родительского гнева, естественно не перезвонил, но в баре в тот момент был личный референт Павла Юрьевича. Он поехал на мотике, за подругой сына своего начальника. Та, в расстроенных чувствах, торопилась домой, чтобы взять под опеку Андрея и слежки не заметила. После того как нашелся дом, в котором снималась небольшая квартирка, туда заявился возбужденный отец с другом из местной полиции. Найти убежище сына в небольшом строении не составило труда. Буквально на следующий день Андрея уволили с работы и ближайшим рейсом, отправили в Россию. Через неделю, любитель всего вьетнамского, тайно вернулся к своей вьетнамке, потратив на билет все деньги, что дал его родитель на ближайшую жизнь. Беглеца опять выловили и отправили в Россию, но в этот раз с сопровождением, причем сопровождали до

наркологического реабилитационного центра, где продержали несколько месяцев. Говорят, Андрей избавился от зависимости и начал писать стихи. Узнав, что был подсадной уткой, я немного расстроился, но с другой стороны дело сделано, парень спасен. Что еще нужно?

Как и везде, во Вьетнаме есть разные представительницы женского пола. Но от русских их отличает первобытная звериная хватка. Они никому не позволят вторгнуться в свое личное пространство. В любой области ими руководит холодный расчет и чистый прагматизм. В России тоже наступает эра, когда все по расчету, но все же некоторые наши девушки, пропитанные «достоевщиной», могут позволить себе любовь «по любви» и принятие решений, не продиктованных целесообразностью.

Глава 26. Роман Сергеевич

Большинство встреч одноразовые. Познакомился с человеком, поговорил, выпил, пообещал, что не забудешь и благополучно забыл. Записал телефон, а через год уже не вспомнить время и место. Но есть встречи фатальные, когда случайное, ничего не предвещающее знакомство меняет твою жизнь в корне, открывая новые возможности и горизонты.

Одной из таких судьбоносных встреч, как позже выяснилось, стала встреча с Романом Сергеевичем.

Познакомились мы случайно. В то время я работал на берегу в баре. Пьяной звездной ночью, в компании двух девушек-геохимиков мы сошлись на теме музыки. После закрытия бара, Роман Сергеевич пригласил «продолжить» в большом трехэтажном доме, который он снимал, недалеко от центра. Я охотно согласился.

В два часа ночи домработница, привыкшая к ночным гостям, открыла ворота и бросилась накрывать стол. Через пять минут на столе были соленые огурчики, грибочки, сырокопченая колбаса и хлеб домашней выпечки. Одним словом, стандартный русский набор.

Всю ночь мы вели беседы о «совке» и о странной ментальности русских людей. А под утро пели песни, по очереди играя на гитаре.

С тех пор мы частенько встречались.

В какой-то момент, мой хлебосольный знакомый куда-то пропал, а через год опять появился. В это время я уже работал директором ресторана.

В «Черный кот», Роман Сергеевич пришел с очередной пассией, привезенной из столицы. Дело в том, что у него была страсть – очень молодые девушки модельной внешности. «Очень молодые» – это на столько, насколько позволяло российское законодательство, то есть восемнадцать-девятнадцать лет. Ему было очень тяжело находиться рядом со столь бестолковыми созданиями, но жажда обладания молодым телом была сильнее. Каждый раз во Вьетнам он приезжал с новым эскортом, потому как от хорошего обращения, девушки быстро нагтели и «садились на шею». Знакомясь с Романом Сергеевичем, у каждой из них появлялась нездоровая уверенность в завтрашнем дне, которая возникает у вновь прибывшего работника «Газпрома» после первого корпоратива.

В этот раз, на пороге ресторана стояла высокая красотка в прозрачном коротком платье. Сквозь невесомую розовую ткань было отчетливо видно всё, в том числе тонкотканное кружевное бельё, но девушку это не смущало. Золотые туфли на платформе и огромном каблуке делали временную избранницу Романа Сергеевича почти двухметровой. В момент ее появления, все, включая вьетнамский персонал, замерли. Немногочисленные посетители, уставив взгляд на русскую красавицу, как по команде прекратили есть и пить.

Я сопроводил гостей в конец зала и усадил за столик в углу, чтобы дать возможность посетителям продолжить принимать пищу. Такие девушки для Вьетнама большая редкость, а в таком наряде тем более.

Роман Сергеевич представил меня своей знакомой:

– Кристиночка знакомься, Георгий, управляющий этого заведения и мой хороший знакомый, а это Кристина.

– Очень приятно, – ответил я.

– Ты не хочешь к нам присоединиться? Будь любезен, составь компанию. Если не хочешь есть, так хоть посиди с нами, – почти попросил Роман Сергеевич.

Клиентов в ресторане было немного, и я охотно согласился! Гости заказали салат с морепродуктами, устриц в соусе «бешамель», красной икры и бутылку французского шампанского.

Роман Сергеевич был высокий мужчина, чуть за пятьдесят. Он всегда источал бодрость духа и свежесть тела. Во Вьетнаме у него были какие-то интересы, но о бизнесе он никогда не распространялся. Это был единственный из моих знакомых, кто не питал привязанности к деньгам. Он всегда щедро одаривал, окружающих его людей, постоянно произнося: «С деньгами нужно расставаться легко, без стонов!».

Измученный общением с молодой спутницей, сразу после первого выпитого бокала, Роман Сергеевич предложил дискуссию о культурном наследии. Заспорили о современной литературе. Выслушав тираду об интеллектуальной им-

потенции наших дней, я позволил себе не согласиться.

– Может, конечно, сейчас и литературный застой, но книги писать надо! Обязательно! Иначе, на каком фундаменте будут расти следующие поколения? Книги писали во все века и времена. Вы знаете, сколько было написано Евангелий?

– Сколько?

– Более пятидесяти, а канонизировано всего четыре. Время расставило все по местам. Что-то кануло в лету, а что-то читают уже две тысячи лет. Так что писать надо!

– Георгий! О чем ты? Кругом одни бездарности! Все это больше похоже на духовный онанизм, а не на литературу.

Доселе молчавшая спутница, разглядывающая цветы, сделанные из моркови в салате, вдруг решила присоединиться к нашей беседе.

– Давным-давно, – начала она, – в царские времена, когда люди еще занимались онанизмом, но глубоко это не афишировали....

– Кристиночка, ты, что будешь пить? – ласково, по-отечески перебил ее глубокую мысль Роман Сергеевич, – а то я вижу шампанское тебе не нравится.

– Да, кислятина. Георгий, а какой у Вас хороший коктейль? «Мохито» есть? – обратилась она ко мне, с видом знатока.

– Да, конечно. Сейчас закажу, – сказал я и пошел в сторону бара, не дожидаясь медлительных вьетнамских официанток.

Через несколько минут принесли «Мохито» и бутылку русской водки в белом инее. В наших встречах, всегда после пары бокалов шампанского, наступала очередь крепкого напитка.

Подали устрицы, но Роман Сергеевич, изголодавшийся по умному разговору больше, чем по морскому моллюску, предложил обсудить тему современного варварства, которая ему была особенно близка.

– Я считаю, что именно в степени варварства находится ключ к пониманию конфликтов между народами и отдельными людьми. Основным моментом должно быть какое-то законное разделение людей, исходя из личного "индекса варварства". Права и свободы – не для всех, это удел цивилизованных людей и сообществ. Хочешь благ? Работай над собой, а затем по мере исправления посмотрим, насколько можно удовлетворить твои потребности. Вот вьетнамцы, заработали немного денег и сразу хотят стать частью мирового сообщества. С чего это вдруг? Им нужно расти, еще очень долго расти.

– Как то все это пахнет фашизмом, вы не считаете? – парировал я.

– Фашисты сами были варварами, видимо потому и проиграли.

Кристина тем временем окончательно заскучала. Достаточно долго, она терпела наш умный разговор, поглядывая то на меня, то на своего «папика». Но, как только мы сделали

паузу, чтобы хлопнуть «беленькой» и закусить, она решила переключить внимание на себя.

– Георгий, у меня сильно яркие глаза, может я болею? Вы как считаете?

– Что вы Кристиночка, у Вас очень красивые глаза, – ответил я, совершенно не понимая суть вопроса.

Вытерев кончики губ белой матерчатой салфеткой, Роман Сергеевич продолжил:

– Надо «кобелировать»! Это очень важное и нужное, для здоровья занятие!

У Романа Сергеевича была собственная теория. В основе которой, лежало понятие «пожизненно важный кобеляж». Причем не «жизненно важный», а «пожизненно важный»! Он считал, что как только человек заводит потомство и прекращает «кобелировать», организм получает программу на старение и завершение жизненного цикла. В случае если ты продолжаешь «кобелировать», на какое-то время тебе удастся обмануть природу. Роман Сергеевич был убежден, что постоянно меняя молодых спутниц, он получает жизненно важную энергию от молодого тела, тем самым продлевая себе жизнь.

– Старение, – это, прежде всего потеря способности размножения и регенерации. «Кобелирование» – это возможность доказать всем и в первую очередь себе, что ты готов размножаться, что ты жив. Гормоны синтезируются организмом, и ты опять в строю.

– Занятно!

– Вот, например, лосось, – продолжил Роман Сергеевич, намазывая бутерброд маслом и красной икрой, – живет год-два, откладывает потомство и сразу умирает, а осетр живет до ста пятидесяти лет, потому что «кобелирует».

Кристина, тем временем, решила блеснуть знаниями и, включив планшет, нырнула в мировую паутину. После не долгих поисков, она процитировала: «Кобель – зоо семантическая метафора по отношению к мужчине, возможно намекающее на половую распущенность».

– За распущенность, которая дает нам силы, – тут же предложил Роман Сергеевич.

– За тестостерон! – подхватил я.

После того, как мы выпили и закусили, Роман Сергеевич задал мне вопрос, который немного меня смутил, но как выяснилось позже, оказался отправной точкой в новый виток моей вьетнамской жизни:

– Георгий, скажи мне пожалуйста, ты кто по образованию?

– У меня два образования, по одному я инженер-технолог композиционно-полимерных материалов, по-другому – менеджер по антикризисному управлению.

– Ничего себе! Как же ты до Вьетнама докатился?

– Долгая и неинтересная история, как-нибудь потом расскажу.

– Давай завтра встретимся у меня дома и спокойно пого-

ворим, у меня к тебе есть предложение.

– Договорились!

– В двенадцать устроит?

– Как скажете!

Тем временем Кристина, демонстративно надула пухлые губки, показывая степень своей расстроенности.

– Пупсик потерпи, – успокоил Роман Сергеевич, – сейчас докушаем и поедем тебе чего-нибудь купим.

– Ура, – обрадовалось молодое создание и захлопало в ладоши, – а во Вьетнаме так поздно работают магазины?

– Золотая лавка работает допоздна!

На следующий день, ровно в двенадцать я был на вилле у Романа Сергеевича.

– Привет Георгий! Как себя чу?

– Спасибо, нормально!

– Представляешь, полночи не спал.

– Кристина не давала?

– Да нет. Какие-то работяги в два часа ночи начали щепень грузить. У нас тут дорогу делают. Я послал домработницу спросить, в чем дело и попросить перенести работы на утро. И что ты думаешь, они ей ответили?

– Что?

– «Завтра не можем, потому что сейчас воруем!»

– Вот люди!

– Ладно, теперь к делам. Я начинаю работать с «Русь-вьетойл». Нужен представитель, то есть человек, который

постоянно находится здесь. Предлагаю тебе работу. Первое время будешь просто носить бумажки. От тебя ничего особо не требуется.

– Мне для этого нужно бросить ресторан? – поинтересовался я.

– Нет, работай пожалуйста. Единственное требование, ты должен подтянуть английский, потому как, изредка тебе придется общаться с сингапурским офисом нашей компании.

Для порядка я сделал небольшую паузу.

– Если дело пойдет, зарплата будет достойная, – продолжил Роман Сергеевич.

– Меня все устраивает, когда приступать? – сказал я, стараясь скрыть внутреннее ликование.

– Завтра поедem в офис партнеров, я познакомлю тебя с людьми, и заодно выпишем пропуск, – произнес мой новый босс.

Вот так, совершенно случайно, а может совсем и не случайно, я приобрел дополнительный доход и новое поприще.

С первых дней, на новой работе, которую мне предложил Роман Сергеевич, все складывалось, как нельзя лучше.

Босс улетел, а мне поручил завизировать и по возможности проследить движение нескольких бумаг. Обычно, подписание подобных документов занимало до месяца, но удача улыбнулась мне. В коридоре русско-вьетнамского предприятия я случайно встретил Трубецкого-старшего.

– Привет! Ты что здесь делаешь? Деньги за банкет выбираешь?

– Да нет, – ответил я, почему-то стыдясь своего нового статуса, – взялся подрабатывать. Работаю на полставки представителем.

– Что ж, это хорошее дело! Может я, чем помогу?

– Павел Юрьевич, да мне как-то неудобно вас просить.

– Прекращай, ты же с сыном мне помог. Что там у тебя показывай.

Трубецкой пробежался со мной по кабинетам, где нас радушно встречали и быстро все подписывали. Причем подписывали не только потому что со мной был важный провожатый, но и еще потому, что всех этих людей я оказывается знал. Все они пили со мной, кто в баре, кто в ресторане. Люди обычно запоминают не твою должность, а то, что они с тобой где-то по пьяни братались. Так произошло и в моем случае. Народ помнил меня, помнил, что пил со мной, но мало кто помнил, где это, было и по какому поводу.

У работников «Русьвьетойл» были деньги, и было много свободного времени. А что делать там, где круглый год лето и теплое море? Конечно же, отдыхать и веселиться! Основные развлечения русского сообщества, выпадали на пляж. Пытаясь извлечь максимум из заграничной командировки, народ плавал и загорал до тошноты. Спортивная часть нефтяников шла дальше купания и солнечных ванн, осваивая серфинг или кайтсерфинг. Но помимо моря, как такового, здесь

еще было море дешевого алкоголя, и те, кто не тяготели к здоровому образу жизни, а их было большинство, начинали злоупотреблять, причем крепко. «Вся их жизнь имела такой вид, что рождались они для водки, работали ради водки и отправлялись на тот свет при ближайшем участии и помощи той же водки». Эта фраза великого русского писателя удивительно точно определяла смысл жизни многих людей, работавших в то время во Вьетнаме. Несмотря на борьбу с пьянством, которую безуспешно проводило руководство, почти каждый год, весной, когда наступала жуткая жара, умирал работник совместного предприятия. Официальная версия всегда была одна и та же – «сердечная недостаточность». Но в большинстве своем проблемы были вызваны исключительно употреблением горячительного.

Работая в баре, а потом в ресторане, «по долгу службы», я ежедневно выпивал с разными людьми, не вникая, где и кем они работают. Теперь же наступило время «собирать камни». За испорченную печень я начинал извлекать дивиденды.

Через несколько дней все бумаги были подписаны. О своих успехах я немедленно отрапортовал. На следующий день пришел e-mail от Романа Сергеевича:

«Молодец! Не ожидал от тебя такой прыти! Получим первый контракт, можешь смело бросать свой ресторан, возьму тебя на полную з/п. Скоро прилечу.»

Р. С. Вот записал в свой цитатник очередные «перлы»»

от Кристины. Были с ней на прошлой неделе на Крите, она там фонтанировала. Цитирую: «русских было не писаное море», «идиот найдет одно слово, debil десять», «вот почему я такая уникальная?», «в меня это всаживается, как-то раз, что вспомнить потом не реально», «ребята, чистите их хорошо, не злите мое алкогольное состояние». Как тебе? Девке двадцать лет, а в голове такой винегрет!»

Глава 27. Аня

Помимо новой перспективной работы, в тот момент на меня свалилось еще и временное душевное пристанище.

Среди недели, когда ничто не предвещало ни беды, ни радости, я в состоянии средней расслабленности, любовался закатом сидя на веранде. В ресторан зашли пять незнакомых женщин славянской наружности. Излишне описывать мою радость такому подарку судьбы. В беседе выяснилось, что компания приехала во Вьетнам отдохнуть из Южно-Сахалинска. Я усадил клиенток моей мечты за лучший столик и лично принял заказ. Как сладости в кондитерской лавке, женщины были на любой вкус, от изящных сливочно-молодых, до заварных-возрастных «в теле».

Одна из женщин настолько произвела на меня впечатление, что я как «зашоренная» лошадь, весь вечер смотрел только на нее, не уделяя внимания остальным. Мои томные взоры трудно было не заметить, но никаких ответных знаков на «продолжение банкета» с ее стороны не следовало.

Объекту моего внимания было чуть меньше сорока. Приятное лицо, темные волосы до плеч, черные глаза, острый ровный носик. На первый взгляд, в ее внешности не было ничего из ряда вон выходящего, но я не мог отвести глаз. Мистика какая-то и всё! Когда она встала из-за стола, чтобы сделать традиционные фотографии с официантками и лоб-

стером, я понял, почему меня тянет к ней. Помимо идеальных пропорций «туловище-ноги», женщина обладала безупречными манерами. В ее походке, неторопливых жестах и движениях, читался образ аристократки позапрошлого века. Спокойная, уравновешенная, учтивая. Я думал, что таких женщин уже не бывает. В конце ужина, угощая соотечественниц «напитками за счет заведения», я дал ей визитку ресторана, с просьбой позвонить, если что-нибудь понадобится.

Прошло два дня. Тишина. Мысль еще раз увидеться с «аристократкой» не покидала. От избытка чувств и свободного времени я решил заняться ее поисками. В первую очередь нужно было «отработать» все отели, находящиеся в пешей доступности. С детской непосредственностью, вьетнамские работники показывали мне паспорта русских постояльцев, проживающих на тот момент в гостиницах. Как это обычно бывает, в последнем отеле нашлась та, которую я искал. Звали ее Анна. Сгоняв на цветочный рынок и купив охапку роз (во Вьетнаме они в десять раз дешевле, чем в России), я попросил работника отеля вызвать незнакомку в фойе под любым предлогом. Аня спустилась. Не особо веря в успех моего предприятия, без всяких хождений «вокруг да около» я вручил цветы и сообщил, что она мне понравилась. Затем следуя местной традиции, пригласил её на маяк.

– Когда едем? – спокойно прореагировала новая знакомая, без лишних расспросов о том, как я ее нашел.

– Давайте, прям сегодня, после того, как ресторан закроется. Часов в одиннадцать!

– Хорошо, жду вас в одиннадцать возле отеля.

Честно говоря, я был немного удивлен реакцией этой женщины на все произошедшее. Она не жеманничала, не изображала недотрогу, не набивала себе цену, хотя с ее внешностью могла бы, она просто со всем соглашалась. Ее спокойствие немного настораживало. Я искал подвох, но подвоха пока не было!

После поездки на маяк, которая к моему удивлению закончилась близостью в номере Ани, у нас начался стандартный курортный роман. Все в наших встречах было спокойно и размеренно, а главное без, ненужных сложностей и напряжений. Пока я работал, Аня развлекалась с подружками, а после закрытия ресторана мы встречались у нее в отеле, проводя почти каждую ночь вместе. Вьетнамский персонал гостиницы привык к моим посещениям и плату за ночное проживание не брал.

Когда у меня выпадали выходные, мы ездили в горы или путешествовали по побережью. Несмотря на то, что в обществе Ани, мне не нужно было напрягаться и что-то придумывать, время от времени я старался её удивлять. И вот, когда все стихи были рассказаны, а песни под гитару спеты, пытаюсь показать свою «многостороннюю разносторонность», я дал почитать ей путевую лирику, рассказы, которые изредка пописывал, чтобы не забыть все то, что происходило со мной

за последние годы.

Несмотря на наличие в тексте нескольких любовных похждений, Ане мое творчество понравились.

– Я как лицо не заинтересованное сообщу, тебе определено нужно писать. Не все у тебя там стройно и красиво, с литературной стороны, но есть «изюм». Какая-то ироничная легкость, – произнес мой первый читатель, возвращая распечатанные листы с исправлениями.

– Ты серьезно?

– Серьезно! Пиши пока хотя бы «в стол». Как говорят тебе надо «выписаться».

– «Выписаться»? Я и слов то таких не знаю. А если честно, мне хочется написать что-то серьезное, о страстях человеческих, – понесло меня на радостях от первой рецензии.

– Так пиши! Во Вьетнаме у тебя уйма времени. Вот я уеду, и начинай.

– Уедешь?

Я забыл, а точнее сказать, старался не думать, о том, что Аня когда-нибудь уедет. Мне казалось, этот праздник душевного и полового комфорта будет длиться вечно. С этой красивой и во многом непонятной женщиной, было хорошо. Я привык к её спокойному нраву и утонченным манерам. Я привык к её роскошному телу.

– Гера! Ты чего закрутил? У нас еще есть неделя! – произнесла Аня и нежно поцеловала меня в лоб.

– Неделя? Так мало?

Как я ни пытался остановить прекрасные мгновения, но семь дней пролетели пулей. Наступал последний день, предвещающий последнюю ночь.

Как обычно, проспав всего несколько часов перед рассветом, стараясь не шуметь, я стал тихонько собираться домой.

– Ты во сколько сегодня придешь? – произнесла сонная, но не теряющая своего обаяния подруга.

– Я приеду, как закроемся. Сегодня банкет на пятьдесят персон. Будет весь бомонд «Русьвьетойл». Я должен быть до конца.

– Ты хочешь чего-то особенного? Я купила чулки и красивое белье. Хочешь, одену?

– Хочу, – безрадостно произнес я, – все равно «перед смертью не надышишься»?

– Прекращай! – как обычно спокойно сказала Аня.

– Хорошо, прекращаю! Как освобожусь, позвоню.

День выдался тяжелым. Банкет был заказан организацией, которая не только делала хорошую выручку ресторану, но и являлась партнером компании с другого места моей работы. Мне хотелось организовать все по высшему разряду. Ведь при хорошем стечении обстоятельств, представлялась реальная возможность познакомиться с первыми лицами нефтяного гиганта. Все закупки и готовку контролировал лично, не доверяя никому, от этого, еще до начала мероприятия, я был как выжатый лимон.

Банкет прошел «на ура». Всем всё понравилось, а мне уда-

лось завязать нужные знакомства.

В двенадцать часов ночи позвонил Ане и сообщил, что через десять минут буду.

Приехал. Поднялся на второй этаж. Постоял перед дверью. Мысли о том, что последняя ночь радости не принесет, не покидали весь день. Постучался. Аня открыла дверь. Какая же она восхитительная. Стройные ноги, чулки, классическая шпилька. Накрашенные ресницы, губы, завитые локоны. Фигура, какая фигура! Такой в сорок лет не бывает!

Стараясь не показывать свое раскисающее состояние, я вошел и сел на стул возле туалетного столика. Номер мерцал маленькими ароматическими свечами, расставленными, где только можно. На столе бутылка моего любимого виски, шампанское, бокалы, фрукты.

Возникла пауза. Мысль о том, что это я должен был организовать такой праздничный номер для последней ночи, окончательно испортила настроение.

Аня сняв туфли, села на середину огромной кровати.

– Ты устал? Иди ко мне. Давай я помассирую тебе голову.

Я покорно лег на кровать, положив голову на колени женщине, к которой так прикипел за последнее время. Нежно, как мать своему ребенку, она гладила меня по волосам. Боль от того, что сейчас она моя, а завтра её не будет, рвала сердце. Я не заметил, как провалился в сон. Проснулся от скрипа кровати. Свечи потухли, наполнив комнату цветочно-хвойными ароматами.

– Сколько время? – произнес я, ужасаясь, от того, что так бездарно провел время, которого и так не осталось.

– Два часа.

– А чего ты меня не разбудила?

– Ты же устал.

– Прощлую ночь я почти не спал, а днем отдохнуть не получилось из-за банкета. Извини, – произнес я, пытаюсь реабилитироваться.

– Я все понимаю, – как обычно спокойно сказала Аня, – может, выпьем?

– Не хочу, ты, если хочешь, пей.

– Тогда я тоже не буду.

– Ты единственная женщина, с которой мне было хорошо, – начал я, – может, конечно, мне кажется, но первый раз за свою жизнь я абсолютно счастлив.

– Гера! Это всего лишь курортный роман. Не принимай это все близко к сердцу!

– Приезжай сюда насовсем! Давай жить вместе! Найдем тебе работу, а не хочешь работать, загорай целыми днями на пляже!

– У меня в «Южном» двое взрослых детей и муж! Я рано вышла замуж. Мне с тобой хорошо, но мою жизнь уже не изменить. В России дом, работа, родители. Я не могу все разом бросить, да и не хочу. Тебе нужно просто смириться с этим положением дел. Хочешь, я через год приеду, и мы опять будем вместе целый месяц?

– Хочу! Но я хочу, чтоб ты была все время рядом, – сказал я с интонацией ребенка, у которого забирают любимую игрушку.

Аня никогда не говорила о своей личной жизни. Двое взрослых детей – это конечно был аргумент, очень веский аргумент.

– Извини. Настроение чего-то пропало. Наверно мне лучше поехать домой, – произнес я в полной растерянности.

Аня сидела на кровати и молчала. Да, собственно, о чем было говорить? Она подготовила мне прощальный вечер, а я все испортил. Конечно, у такой красивой женщины должны быть дети, должна быть семья. А чего я хотел? Надеялся на ее одиночество? Возможно, ее моральный облик шел в разрез с аристократическими манерами. Ну что? Не мне её судить. Да, это просто курортный роман, который просто заканчивается. И не надо из этого делать трагедии. Головой я все понимал, но расстройству моему не было предела. Очередная женщина уходила из моей жизни.

Встав с кровати, я взял сумку и направился к двери. Мне очень хотелось, чтоб Аня остановила меня, но этого не последовало. Она сохраняла «олимпийское» спокойствие, не показывая никаких эмоций.

На следующий день, вместо того, чтобы пить водку и пускать слюни, я начал писать. Удивительно, но очередной разрыв подействовал на меня как психостимулятор. Голова заработала с невиданной силой. Все свободное время я прово-

дил возле компьютера. От монитора глаза болели, но я был не в силах остановиться. Меня творчески «прорвало». Я старался не упустить ни одно событие последних лет, начиная от встречи с Аленой, до расставания с Аней.

После двух месяцев ежедневных трудов, у меня был почти готов четырехсот страничный роман о приключениях и любви.

Говорят, незаконченную работу никому не показывают, но мне после лестной рецензии Ани, очень хотелось дать кому-нибудь почитать хотя бы главу моей писанины. Большинство друзей, в той или иной степени, были участниками будущей книги, и поэтому их мнение могло быть необъективным. Перебрав всех своих знакомых, я почему-то решил, что мой новый начальник Роман Сергеевич идеальный цензор и критик. В конце очередного письма-отчета я попросил его написать отзыв на несколько глав из моей будущей книги. Ответ пришел быстро. Желание творить моментально пропало. В рецензии босс не щадил мое детище, оборачивая острые углы в мягкие материи общих фраз:

«Привет! Прочитал. Ты знаешь слабо. Временами ничего, но по большому счету, тебе нужно подучиться. Ты же знаешь мое отношение к современной литературе. Слишком все посредственно и примитивно! Извини за правду. Не хочу тебя обманывать. На гитаре ты играешь, лучше, чем пишешь!».

Мнение одного человека по определению не может объ-

активно. Чтоб составить полную картину, во-первых, нужно прочитать всё произведение, а во-вторых, иметь хотя бы десяток критических замечаний. Но я первую неудачную рецензию воспринял, как приговор и поклялся больше никогда ничего не писать.

Думаю, что у всех литераторов были свои «Романы Сергеевичи», но если бы после первой критики на «Двойника» Достоевский бросил писать, то мир не увидел величайшего писателя.

В моем случае малодушие и тонкая душевная организация не дали довести начатое дело до конца.

Глава 28. Возвращение домой

Прошел месяц. Прилетел Роман Сергеевич. Если мои литературные потуги его не впечатлили, то вот усилия на трудовом фронте очень радовали. После того как наша компания заключила первый контракт с «Русьвьетойл» я получил должность руководителя филиала и жалование, которое в два раза превышало зарплату директора ресторана.

А в ресторане, тем временем, дела стали идти хуже. Из-за очередного экономического кризиса русских туристов стало меньше, а бережливые вьетнамцы вернулись в свои дешевые забегаловки. Как следствие, выручка упала. После первого убыточного месяца вьетнамская сторона забила тревогу и, в экстренном порядке, вызвала из Африки соучредителя. На совещании боссов «фьюжен-едални», как я и предполагал, во всех бедах, обвинили меня. После недолгих раздумий, было решено реорганизовать люксовый ресторан во вьетнамскую закусочную эконом-класса. Штат и зарплату сократили. Директором назначили племянника Хынга. Мне предложили копеечную должность администратора.

Имея хорошо оплачиваемое место в структуре Романа Сергеевича, естественно, от работы в ресторане я отказался. На мой вопрос о выплате последней заработной платы, глаза русского совладельца начали наливаться кровью. Я понял, что не стоит испытывать судьбу дважды и быстро удалился.

Был ресторан, а теперь его нет! Всё когда-то заканчивается!

С этого момента, у меня стало в два раза больше времени и денег! Ощущение того, что жизнь удалась, не покидало. Я был «со щитом» и теперь, мне хотелось славы и почитания. Хотелось вернуться на родину на пике своей финансовой формы, и показать всем чего я добился. Я попросил у начальства отпуск. Роман Сергеевич дал мне неделю и денег, на разграбление родного города.

Не информируя никого, я прилетел в Россию. После суток, проведенных с родителями, встал вопрос, куда двигать дальше. По-хорошему, нужно было навеститься домой, но встречу с женой я отложил и отправился искать Алену. Найти ее было несложно. После двух телефонных звонков выяснилось, что она работает директором крупной туристической сети. Не предупредив о визите, я заявился в её офис.

При виде меня и без того большие глаза Алены увеличились в размерах. Она встала из-за своего огромного директорского стола, развела руки в стороны и, улыбнувшись, замерла, видимо подбирая слова. Время шло, но слов не было. Не зная, насколько далеко можно зайти в объятиях на глазах у подчиненных, я дружески чмокнул Алену в щечку и с поспешностью сел на гостевой диван, невозмутимо осматриваясь по сторонам. Добротный дорогой офис значительно отличался от помещения «Золотой жемчужины», где я первый раз встретил Алену.

– Привет! – наконец-то произнесла моя бывшая любовь, – ты чего не предупредил?

– Не знаю. Хотел сделать тебе сюрприз.

– У тебя получилось.

После минутной паузы Алена предложила:

– Может, пойдем в кофейню, посидим, поболтаем?

Возникло ощущение что, несмотря на то, что меня здесь никто кто знает, ей не хотелось делать достоянием общест-венности нашу встречу.

– Я не против. Веди меня. Я в этом городе уже ничего не знаю.

Направляясь к выходу, Алена демонстративно прошлась по офису, раздавая распоряжения. Возможно, этим дей-ством, она хотела подчеркнуть свой статус, а может, просто продемонстрировала подтянутую задницу.

Пока мы спускались на лифте, я поймал себя на мысли, что должен благодарить Алену за то, что она меня бросила. Ведь, если бы не расставание с ней, я не пожил бы за гра-ницей, не посмотрел мир и в конце концов, не получил бы должность в серьезной иностранной компании.

С первого взгляда, в моей бывшей практически ничего не изменилось. Она была так же красива, как и раньше. За пять лет, пока я ее не видел, она по-женски возмужала. Теперь это была не зеленая ягода, а созревшая гроздь, наполнивша-ся сладостью и соком. Чуть изменился стиль в одежде. На смену коротким юбкам пришел строгий брючный костюм,

но скрывать свои перси-прелести она все так же не хотела, расстегивая блузку на лишнюю пуговицу.

В двух шагах от офиса Алены оказалось очень милое, уютное кафе, наполненное запахом кофе и свежей выпечки. Как бывший ресторатор я сразу оценил насколько изменился в родном городе подход к объектам общественного питания. Совсем другой интерьер, совсем другой сервис.

Усевшись в углу на мягкие диваны, мы заказали кофе и парочку круассанов со сливочным кремом.

– Ну рассказывай, как ты? – начала Алена.

– Я в норме. Вот испросил у начальства отпуск на родину. Второй день в Ростове. Во Вьетнаме получил хорошую работу. Работаю мало, получаю много. Пальмы, кокосы. Могу в обед выпить коктейлей и заснуть на пляже, – похвастался я, цитируя тираду известного киногероя.

– Что с женой?

– Не знаю. Давно не виделся.

– Она что, не с тобой?

– Нет. Мы поругались, и она не поехала. Я ей высылаю денег, но контакт слабый. А как ты? Смотрю покрутела?

– Недавно стала генеральным директором в крупном представительстве на Юге России. Как ты понимаешь, это потолок. Выше уже не бывает, – в ответ загордилась Алена.

– Ну, а что на личном фронте?

– С Михалевым развелась. Так что, я теперь свободная.

– Развелась?

Уж чего чего, но этого я не ожидал.

– Да. Не сошлись характерами.

Возникла пауза, которую заполнил горячий кофе и круасаны.

– Ну а у тебя, как с сердечными делами? – поинтересовалась Алена, – хорошо выглядишь, похудел, весь такой моднявый.

Общеизвестно, что мужчины любят комплименты больше, чем женщины и конечно, я «поплыл».

– Спасибо. Вьетнам пошел на пользу. Удалось скинуть почти десять килограмм. Плавание, серфинг, зелень, рыба. Ну, а шмотки там стоят копейки, потому как их воруют с европейских фабрик. Сейчас все крупные бренды переводят производство в Лаос, Камбоджу и Вьетнам. В Китае все очень дорого. Модно, не модно, не знаю. Покупаю, что нравится, и за модой особо не слежу. Это в России нужно быть «в тренде», а во Вьетнаме нужно быть в шортах и шлепках! На личном фронте без перемен. Пока официально женат.

– Здорово! Надо будет приехать «пошопиться». А я читала о тебе в журнале «Сусанин». Там писали: «Наш земляк открыл ресторан во Вьетнаме». И фотка была твоя.

– Да, было дело. Я, действительно, почти два года был директором русского ресторана. Случайно познакомился с сыном директрисы «Сусанина», он там отдыхал с девушкой. Подружились. Ребята пообещали публикацию, но я, честно говоря, не верил до тех пор, пока мне они мне не выслали

экземпляр журнала с моей физиономией. Там другая интересная история приключилась. Как-то к нам приходят «американосы», причем неместные. А у нас русские День Рождения отмечают. Несмотря на все разногласия между нашими странами, усадили гостей на почетное место и давай их угощать. Больше всего американцам понравился наш шашлык и «рибай» из аргентинской говядины в белом соусе. Напили, накормили представителей «вероятного противника», да так, что они еле уползли. Причем на прощание старший американец, заплетающимся языком пообещал, что напишет обо мне в своей книге. Я думал пьяный бред, но через полгода приходят к нам «бэкпекеры» с какой-то книжкой в руках и говорят: «Здесь написано, что у вас лучшие стейки во Вьетнаме». Я посмотрел книгу и действительно, тот дядька что был у нас, написал путеводитель по Вьетнаму, где среди достопримечательностей нашего города был ресторан «Black Cat». К нам много людей по этому изданию приходило, и все американцы.

– А сейчас кем работаешь?

– Сейчас я представитель Сингапурской компании. Продаем вьетнамцам оборудование для разведки нефти.

– Так ты нефтяник? – подытожила Алена.

– Нет. Нефтяники наверное те, кто непосредственно занимается добычей нефти. Мы же чистые коммерсанты. Вокруг вьетнамского месторождения работает больше сотни иностранных компаний. Одна из них наша. Если сказать об-

разно, то я «прислонился» к нефтяному бизнесу.

– А во Вьетнаме есть нефть?

– Да, русские в 1983 году нашли крупное месторождение. Сначала думали, будут вторые Эмираты, но увы, нефти там не очень много.

– Ну, и какие планы на эти дни? – сказала Алена, посмотрев на меня своими бархатными голубыми глазами.

Я слишком хорошо знал эту женщину. Во взгляде и звуке голоса читалось желание новой встречи, с возможным продолжением. У меня не было определенного плана, как действовать с Аленой. Хотелось показать ей, что я в порядке – это случилось. Все остальное, включая ее развод и временную «свободность» в мои планы не входило.

– Честно говоря, пока не знаю. Нужно со всеми повидаться, – ответил я, пряча глаза.

– Понимаю.

Опять возникла пауза. Минуту мы сидели молча. Неловкость разрешил звонок моего бывшего зама.

– Привет начальник, я освободился.

– Окей, подъезжай на пересечение Садовой и Буденовского.

Взглянул на Алену. Она мгновенно вернулась к своему образу «звезды», которую нужно во всем слушаться и развлекать. Красивое лицо исказилось недовольной гримасой. Бывшая любовь была явно не довольна тем, что события развиваются не по ее сценарию.

– Алён, извини, мне нужно бежать, – начал оправдываться я, – мы заранее договорились о встрече. Я на днях тебе позвоню. Можно на прощанье тебя обнять? Ты сегодня такая красивая!

– Ну, наконец-то, хоть один комплимент дождалась!

«Звезда» чуть обмякла и разрешительно распахнула руки-крылья. Мы обнялись. Я прекрасно помнил все «парфюмы» которые дарил Алене. В тот день она благоухала одним из запахов пятилетней давности. Тонкая талия, сдавленная бюстгальтером грудь, горячая щека, волосы с легким запахом лаванды. Тактильная память быстро вернула меня в те безумные дни, когда мы были вместе. Мне захотелось провести хотя бы одну, ни к чему не обязывающую ночь вместе, но я решил не принимать скоропалительных решений. «В конце концов сломаться, и кинуться ей в объятия еще успею!».

Через полчаса, я и мой бывший заместитель, сидели в очередном уютном кафе. Почти тот же интерьер, те же запахи. Разница была только в названии и цветовой гамме обивки кресел и диванов. После дружеских объятий зам принялся меня расспрашивать о моей эмигрантской жизни.

– Ну как ты там? По России не скучаешь?

– Не скучаю. Вначале было не так доходно, как в России, но сейчас у меня хорошая работа и хорошая зарплата.

– А Вьетнам тебе нравится?

– Ты знаешь, за все это время я в него так и не влюбился. Есть свои плюсы и свои минусы. Юго-восточная Азия это

другой мир, другая планета. Там все по-другому, начиная от еды и заканчивая религией.

– Например!?

– Например. Перемешивают соль с перцем и макают в эту смесь грейпфрут или яблоко. Или вот еще. Варят куриное яйцо с зародышем внутри и едят. Я пробовал, очень вкусно, но только если у птенчика еще не полезли перья.

– Фу!

– Там многое нам не понятно. Представь, чтобы жить лучше они в определенные дни жгут деньги и верят, что отправляют их на тот свет, своим предкам.

– Для чего?

– Для того, чтобы предки с того света помогли устроить им дела на этом свете.

– Дурдом какой-то. А деньги настоящие?

– Нет. Подделка. Как из лавки приколов. Причем жгут исключительно доллары и евро.

– А сами вьетнамцы дружелюбные?

– Ты знаешь, да. В большинстве случаев к русским они относятся хорошо, особенно старики. Они еще помнят помощь Советского Союза, а вот молодежь уже ориентирована на Америку.

– И тебя все там устраивает? Возвращаться не собираешься?

– Пока все устраивает. Как говорил Бендер: «Жизнь прекрасна, невзирая на недочеты!». Сейчас приобретаю опыт

работы в заграничной компании. Путешествую по соседним странам. Ты лучше скажи, как ты? Как там наши общие знакомые? Кого видел?

– Я женился. Двое детей. Весь в долгах, в кредитах. Майкла с налоговой посадили. Копали под его дядю и накопили на него. Кстати он как-то там откупился и ему дали минимальный срок, так что скоро выйдет. Наш «смотрящий» Николай Сергеевич сильно болеет. После того, как мы проиграли тендер, с его фирмой тоже что-то случилось. Всё это его морально надломило. Он привык жить на широкую ногу, а тут практически бедность. Еле сводит концы с концами. Сын его, простым водилой на автобусе работает, короче графа Монте-Кристо из него не вышло.

– А Пашку помнишь? Его папик тогда нас от ОБЭПа «отмазал». Что-нибудь про него слышал?

– Да, прекрасно помню. Тоже сидит. Там какая-то мутная история вышла. Говорят, прямо шпионские страсти. За ним даже «наружка» следила. Отец ничего сделать не смог. Выперли Пашу с госслужбы, как обычно, задним числом, и посадили.

– Слушай, но его папа был влиятельный человек!

– Вот именно был! Всё поменялось. Где-то в верхних эшелонах власти произошла ротация кадров и уже никто ничего не решает.

– А Михалев?

– Михалев уже в областной прокуратуре. Говорят, очень

хорошо себя чувствует. Кстати с Аленой он развелся.

– Знаю.

– Откуда?

– Я только что от Алены. А ты откуда знаешь?

– Земля слухом полнится.

– Ну и как там Алена? Ты что опять с ней решил встретиться? Я ее недавно по местному телевидению видел. Важная такая стала. Прямо звезда.

– Она в образе звезды с рождения. Посидели, кофе попили и не более.

– А как там Саша?

– Кстати о жене. Извини брат, мне пора бежать. Потом встретимся, еще поговорим. А лучше приезжай ко мне в гости. Я снимаю большую квартиру, всем места хватит.

– Хорошо. Расплачусь с долгами и приеду. Может тебя подвести?

– Спасибо, не надо. Я возьму такси.

Оставив на столике деньги, я с поспешностью вышел из кофейни и направился домой к жене. Как-то вдруг, у меня возникла острая потребность увидеть ее. Возможно, это был зов совести. Ведь это из-за моих «шараханий» наша семейная развалилась. Переполненный внезапным чувством вины я по памяти набрал номер своей официальной половины.

– Алё, – раздалась на том конце провода.

– Привет Саш, это я.

– Кто это? У меня номер не определился.

– Это я, твой муж. Купил местную «симку». Старую уже выключили.

– Привет муж. Так ты что в России?

– В Ростове. Ты не против, если я сегодня приеду. Не мешаю?

– Приезжай когда захочешь, это же твоя квартира.

– А ты моя жена?

– Ну, а куда я денусь? Конечно я твоя жена, это ты у нас потерялся в пространстве и времени. У тебя ключи есть?

– Нет. Откуда? Я ж тогда их не брал.

– После шести я буду дома.

– После шести я подъеду. Целую!

– До встречи.

Реакция жены несказанно обрадовала. Хотя если посмотреть, то на мой приезд пока все реагировали положительно.

Ровно в шесть я стоял с пакетом, полным деликатесов и шампанского, перед дверью собственной квартиры. Звонок все так же не работал. Постучался. Дверь почти мгновенно открылась. На пороге стояла совершенно неизменившееся жена. В отличие от Алены, которая повзрослела и налилась соком, Саша оставалась все той же молодой девушкой, которую я встретил десять лет назад.

– Ты ни капельки не изменилась, – начал я, – складывается такое впечатление, что ты все это время сидела в холодильнике. Прекрасно выглядишь!

– Спасибо. Ты тоже. Похудел.

– Спасибо.

– Может закончим обмен любезностями и ты зайдешь? А где чемодан?

– Я оставил его у родителей. Сама понимаешь, в первую очередь нужно было зайти к папе и маме.

Огляделся по сторонам. В нашей квартире ничего не изменилось. Каждая вещь лежала на том же месте, что и пять лет назад.

– Ты знаешь, после апартаментов, которые я снимаю во Вьетнаме, наша «двушка» мне кажется крошечной.

– А что, там большая квартира?

– Да. А я что, тебе не писал? Сто квадратов, потолки три двадцать, гостиная, две спальни, кабинет. Тринадцатый этаж. Вид на океан.

Как и в беседе с Аленой, каждой фразой мне хотелось подчеркнуть, что во Вьетнаме я состоялся и смог заработать денег.

– А сколько платишь?

– Триста долларов в месяц. Но там у них все жестко. Платить нужно за три месяца вперед, плюс оставляешь депозит в размере месячной оплаты. Приезжай. Поживешь месяцок другой. Океан, коктейли, кокосы.

– У меня сейчас хорошая работа. Как я ее брошу?

– Возьми отпуск. Ладно, давай выпьем шампанского за встречу и потом все обсудим.

Пока жена возилась с сервировкой стола, а я смотрел

на нее и любовался. В отличие от Алены, которая окружила себя налетом звездности и пафоса, Саша была эталоном скромности и простоты.

– Мне к ужину переодеться? Или так пойдет? – произнесла жена, замечая, что я не свожу с нее глаз.

– У тебя есть какое-нибудь вечернее платье? А то в этом домашнем халатике, как-то не празднично!

– Платье есть.

Через десять минут, Саша же вышла из зала в длинном красном облегающем платье с накрашенными на скорую руку глазами.

– Туфли надевать? – спросила она, подчеркивая мою доминирующую роль.

– Надевать!

При виде жены в столь соблазнительном наряде, первое желание было броситься на нее, пропустив все формальности по налаживанию отношений. Ведь это моя жена, это мой дом. Хотелось верить в то, что я ей всё еще не безразличен!

Усилием воли решил соблюсти протокол, и только, после бутылки шампанского перейти к более близкому контакту.

– За встречу, – произнес я.

– За встречу, – поддержала жена.

– Представляешь, многих натуральных продуктов во Вьетнаме нет, буквально недавно у них появилось цельное молоко.

– А до этого, что было?

– Порошковое, в бумажных пакетиках. Оно у них в магазинах лежит, в ящиках на полу. Да, да, в ящиках на полу. Причем в большинстве магазинов кондиционеров нет. И это «молоко» не пропадает, срок годности месяц. Недавно стали делать кефир, но не в бутылках, а в маленьких пластиковых коробочках по сто грамм. Надо сказать очень вкусный кефир.

– Кефир тоже лежит на полу?

– Нет. Кефир хранят в холодильниках. А еще там нет нормального зефира. Продается только маршмэллоу, который в Америке бойскауты в походах жарят на костре.

– Да я слышала об этом. Его еще в кофе бросают.

– Я как-то попросил одного знакомого привести из Москвы коробку зефира, так он мне вместо маленькой коробочки «Шармель», привез пятикилограммовую заводскую упаковку.

– И что ты все съел?

– Нет. Почти все раздал, но вьетнамцы не оценили. Они больше любят российские шоколадные конфеты.

После первой бутылки шампанского, открыли вторую. Диалог вроде налаживался, но всё равно чувствовалась некая неловкость.

– А у тебя там женщины были? – наконец спросила Саша.

– Я вьетнамок не люблю.

– А русские были?

– Моя единственная и любимая! Ты у меня лучше всех!

– Наверное, мне лучше всего этого не знать!

– Иди ко мне. Я так по тебе соскучился.

Саша покорно села мне на колени.

– А у тебя мужики были? Пять лет это срок!

– Да срок. Представь, что я провела его в тюрьме строго режима.

Саша обняла меня и поцеловала в щечку.

За все эти годы я был с разными женщинами, но только в тот момент ощутил себя Одиссеем вернувшимся к своей Пенелопе.

Понимая, что на следующий день вряд ли выйдет на работу, Саша позвонила своей начальнице и попросила три дня «за свой счет». Можно конечно было соврать, что заболела, но патологическая честность моей супруги не позволяла такой поступок. Начальница упиралась, ссылаясь на то, что и так работать некому, но после того как услышала: «Ко мне муж из Вьетнама, на неделю приехал!» – капитулировала.

Первые сутки мы не вылезали из кровати. Я настолько соскучился по жене, что не мог остановиться, занимаясь с ней любовью и днем и ночью. К исходу вторых суток, силы еще были, но еда и алкоголь заканчивались. Надо было идти в магазин. Решили прогуляться вместе. Я предложил Саше пойти, надев платье на голое тело. К моему удивлению жена с легкостью согласилась. Платье не было ни коротким, ни прозрачным, но осознание того, что под ним ничего нет, очень возбуждало.

Шагая по улице, я ощущал себя абсолютно счастливым человеком. Окружающий мир, под призмой выпитого, был непомерно красив. Трава особенно зелена, а люди бесконечно добры. Милая женщина, под платьем которой ничего не было, шла рядом. Что еще нужно для счастья?

Время от времени мы останавливались и целовались. Ощущение радости было такое же, как летом 1982 года, когда я, после окончания восьмого класса, первый раз приблизился к представительнице женского пола на непочтительное расстояние.

Родители, желая отдохнуть «от всего», невзирая на мои протесты, отправили меня к бабушке, в маленький провинциальный городок. Три месяца лета были обречены. Ни друзей, ни развлечений. Но через неделю, гуляя по тихим полупустым улицам, я совершенно случайно познакомился с девочкой, которая оказалась на два года старше меня. Между нами пробежала искра. Возможно, это была любовь. Первая, юношеская, чистая, замешанная только на чувствах и не на чём более.

Все время мы проводили вместе. Романтические поездки на велосипедах за город, купания в реке, походы на вечерний сеанс в летний кинотеатр. Все это было похоже на сон.

В один из теплых июньских вечеров, наши губы сблизились. Поняв, что она у меня первая, моя подруга решила научить меня премудростям поцелуев. О, какие это были мгновения! Я вошел во вкус, и меня было уже не остановить. В тот

вечер, мы шли по вечернему городу и целовались через каждые двадцать метров, прячась за ближайšie деревья. Я никак не мог насытиться этим непонятным чувством, пробирающим с головы до пят. Особой остроты восприятия придавал тот факт, что целоваться с десятиклассницей было чем-то из разряда научной фантастики.

Проведя три счастливых дня в обществе жены, меня опять потянуло от тихого семейного пристанища, в море страсти и безрассудства.

Мысли об Алене не покидали. «Раз уж вдруг, она оказалась свободной, то этим можно, а может, быть даже нужно воспользоваться!» – решил я и взял курс на сближение.

В «свободность» столь эффектной дамы не верилось. Но в момент нашей встречи она посылала мне четкие сигналы. Оставался открытым вопрос – зачем? Жизнь вроде удалась, она вся такая успешная и востребованная.

Если отбросить эмоциональную составляющую, то дальнейшие мои действия были совершенно нелогичны. В очередной раз, я не понимал, что и зачем делаю. Программу минимум – выполнил, начинать встречаться – не собирался. Что дальше? Просто переспать? Но при таком раскладе, была велика вероятность, опять «заболеть» Аленой. Отомстить? Но как? Встать рано утром после бурной ночи, и не прощаясь, демонстративно уйти. Глупо!

Как преступника тянет на место преступления, меня тянуло к бывшему увлечению.

Причем, началось всё с неприятного телефонного разговора, который однако, не остудил мой пыл и не вернул меня в те дни, когда я рыдал от боли и обиды.

– Привет! Как и обещал, звоню тебе. Сама понимаешь, времени мало, скопилась куча срочных дел. Сегодня временно свободен. Что вечером делаешь? – произнес я, стараясь изобразить занятость.

– И что это были за дела? Нужно было срочно с женой в постели повалялся?

В голосе Алены звучала ревностность и неприкрытая злоба. Трудно было обмануть, столь искушенную, хорошо знавшую меня женщину. Вот тут бы надо было остановиться, но я, опять ведомый желанием соития с роскошной самкой, воспринял ревность как проявление чувств ко мне.

– У меня в России осталось не закрытое ООО, причем, там я генеральный и учредитель. Открывал предприятие сто лет назад вместе с замом и совсем забыл про него. Отчетность естественно не сдавалась, теперь возможны большие штрафы. У вас здесь теперь все строго.

– У нас здесь теперь все строго, – продолжала злиться Алена.

– И что делать? Хотел позвонить нашему бывшему куратору, так он представляешь «сидит».

– Я сейчас свяжусь со своим юристом и бухгалтером и через полчаса скажу, что тебе делать, – произнесла она и отключила телефон.

Ровно через полчаса Алена перезвонила.

– Значит так. Беспокоиться не надо. Твое предприятие закроется само по себе.

– Это как?

– Сейчас, если предприятие в течение нескольких лет не сдает отчетность, не выходит на связь и не имеет никаких долгов, государство само его закрывает, но после такого закрытия ты, в течение трех лет, не сможешь быть учредителем или занимать пост генерального директора любой компании на территории Российской Федерации.

– Это хорошая новость!

Такое предприятие действительно существовало, и эту историю я не выдумал. Просто вспомнилось об этом «висяке», только тогда, когда нужно было соврать Алене о своей занятости.

– Так что ты сегодня делаешь вечером? – настаивал я.

– Вечером у меня встреча, но ты можешь меня оттуда забрать. Я тебе скину адрес.

– Окей.

Встреча проходила в одном из центральных ресторанов города. В назначенное время я был на месте, но войти вовнутрь не решился. Прождав полчаса, отправил сообщение о том, что ожидаю. Еще через полчаса из прозрачных дверей гламурного заведения появилась Алена. В этот раз, вместо делового костюма на ней было короткое синее платье. Уж не знаю, с кем она там встречалась, и что обсужда-

ла, но такой наряд больше подходил для интимных встреч, а не для деловых. Накладные ресницы, имитация татуировки на руке, волосы, уложенные а-ля «голливудские волны», ну и конечно, классическая черная шпилька.

– Почему не зашел? Посидел бы, выпил кофе. Чего на улице стоять? – произнесла Алена деловым тоном, оставшимся после «встречи».

Видимо, ей хотелось, чтобы я увидел ее на очередном рабочем месте, в роскошном ресторане, с деловыми партнерами, но увы и здесь все пошло не по ее сценарию.

Пожив за границей, я стал по-другому смотреть на российский выпендрей. Если раньше национальная идея: «понты – это всё!» меня не раздражала, то теперь, желание большинства россиян выглядеть лучше, чем на самом деле, вызывало отвращение. Ну чем Алена хотела меня удивить в этом ресторане? Показать, что она бывает в таких местах? Или она хотела, чтобы я увидел, как она в обществе серьезных дядей решает вопросы? А может, она так разоделась для меня, и встреча тут не причем?

– Ничего страшного, постоял на воздухе, «а то все кабинет, да кабинет».

– Куда пойдешь? – продолжила она.

– Ну, я так понимаю, что есть после ресторана ты не хочешь? Или там были чисто деловые разговоры за чашкой кофе?

Алена метнула в мою сторону недовольный взгляд, но за-

тем улыбнулась и несколько наигранно произнесла:

– А поехали ко мне домой? Я тебя чаем с плюшками напою, или выпьем чего покрепче! Ты же наверно устал от всех этих ресторанов?

Тактика мгновенно поменялась. Ай да Алена! Теперь она не «звезда», а простая смертная? Более чем интересно! Спусти столько лет у меня появилась возможность увидеть ее в домашней обстановке. «А может, я там ночевать останусь?».

– Читаешь мои мысли. От ресторанов устал, поехали. Я вызову такси?

– Зачем? Я на машине.

За спиной «пибикнула» сигнализация. Я обернулся. Габаритными огнями моргнула новенькая «Тойота-Королла». Странный выбор. Обычно, если у женщин есть такие деньги, они покупают что-то типа «Кашкая» или «Киа». Наверняка машину выбирал, а может, даже покупал, мужчина в возрасте. Для «стариков» «корова» – это эталон качества и надежности.

– Заедем в магазин? – предложил я.

– Дома всё есть!

– Как скажешь. А у меня во Вьетнаме машины нет, – признался я, – передвигаюсь на мотике. Шеф предлагал служебный автомобиль, но я отказался.

– Чего так?

– Город маленький. Пять минут до работы, семь минут до океана. А машину пока разогреешь, пока кондиционер салон

охладит. Одна морока. С мотиком все проще. Вжик, и ты уже в другой части города.

– А ты где, во Вьетнаме живешь?

– В Вунг Тау, на юге, недалеко от Сайгона. Там круглый год плюс тридцать. Единственная проблема – поездка на мотике очень опасное занятие. Люди бьются направо и налево. Очень много смертей и увечий, особенно среди иностранцев. Мотиков много, а ума у вьетнамцев мало. Никто правила не соблюдает. Плюс, почти все мужское население вечером пьет пиво, и не только. Полиция даже бы если сильно хотела, не в состоянии всех проверить, поэтому останавливает только машины и автобусы. Там считается, что если на ногах стоишь, то значит не пьяный.

– А ты уже падал?

– Как говорят байкеры: «Если ты не падал с мотоцикла, значит ты мотоцикл!». Ну что поехали?

Через десять минут мы были возле дома Алены, находившегося в самом центре города.

– Однако! – произнес я, вылезая из машины.

– Дом не престижный, но место хорошее, – произнесла Алена с невозмутимым видом.

Оставив машину во дворе, мы поднялись в квартиру. Несмотря на то, что это была обычная «двушка» в старой «панельке», квартира напоминала Лувр в миниатюре. Присмотревшись, стало понятно, что большинство деталей интерьера фальшивые: камин – гипсовый, а картины в «позо-

лоченных» рамках – репродукции, распечатанные на холсте. Делая французский «VIP-room» в ресторане, мы мастерили то же самое, дабы пустить клиентам пыль в глаза, но как говорят на Ближнем Востоке: «Сколько украшений не вешай на осла, это будет все равно осел!».

Переступив порог оазиса роскоши, я для порядка восхитился убранством и вкусом хозяйки.

– Очень, красиво! Это что барокко или рококо? Я их путаю.

– Между прочим, ты первый мужчина, которого я пригласила сюда в гости! – произнесла Алена, уходя от ответа.

– Спасибо, польщен.

Пока я изучал «будуар императрицы», Алена, не стесняясь, переодевалась в спальне, демонстрируя соблазнительное тело и красивое белье. Верх дорогого комплекта, с помощью современных технологий придавал большой тяжелой груди почти идеальную форму. Низ же, состоящий из нескольких узких полосок, обнажал максимум, оставляя минимум для воображения. Я всегда задавался вопросом, насколько удобно ходить, в таком «dessous». Наверняка, узкие полоски, как сверху, так и снизу, впиваются в тело. Но Алену, видимо, удобство волновало в последнюю очередь. Она была воительницей в мире, где сотни лет, идут сражения полов за влияние. Кто кого себе подчинит, тот на того и влияет! А на войне, как известно, вопрос удобства доспехов не стоит.

Считая неприличным наблюдать за переоблачением быв-

шей, я отправился на кухню. Через минуту Алена появилась в коротком атласном халатике и розовых тапочках с меховыми помпонами. Трудно представить мою жену в таком виде на кухне. Макияж, уложенные волосы, лощенные загорелые ноги. Видимо в этом заключается существенная разница между женой и любовницей. Любовницы понимают, что внимание мужчины нужно постоянно удерживать, а жены считают, что паровоз разогнался, и теперь, до конца жизни все будет двигаться по инерции. Главная ошибка замужних женщин в том, что инерция, на которую они так надеются, происходит от латинского «inertia» – то есть бездеятельность.

За несколько минут Алена накрыла на стол. Движения её были быстры и отточены. Создавалось впечатление, что такой фуршет она делает довольно часто. За мясной нарезкой и сырной тарелкой появились бокалы, лед, коньяк, водка и бутылка хорошего виски. Никаких девичьих напитков и сладостей к моему удивлению на столе не оказалось.

– Что предпочитаешь? – произнесла Алена, указывая на напитки, все тем же деловым тоном, не меняющимся с момента окончания «встречи».

– Виски, но только безо льда.

– Я тоже выпью виски.

Хозяйка квартиры отодвинула водочные стопки и наполнила «роксы» где-то по пятьдесят грамм.

– Да ты я смотрю, при понятиях, – не удержался я в комментариях.

– А то!

Алена улыбнулась. На секунду, мне показалось что она, сбросила свой строгий образ и превратилась в обычную милую девушку, но через мгновение образ вернулся и, сдвинув брови, почти по-мужски, она произнесла:

– Сегодня был тяжелый день! Давай, чин-чин!

Наши стаканы встретились, издав слабый и какой-то не веселый звон. Выпили. Алена закусила кусочком сыра. Я, чувствуя неловкость от того, что пришел с пустыми руками, решил воздержаться от еды.

После третьего бокала Алену «отпустило». Она повеселела и стала рассказывать о событиях последних пяти лет. Из ее повествований я узнал что, делая карьеру, ей через многое пришлось пройти, многое пришлось вынести. В какой-то момент, мне даже стало жаль её, но с другой стороны, карьеризм это ее прихоть, это ее выбор. Хочешь быть «биг-боссом» – готовься к испытаниям. Ничего в этом мире не дается просто так.

Когда в бутылке оставалось меньше половины, захмелевшая Алена произнесла:

– Кто первый в душ, ты или я? А то еще чуть-чуть и я вырублюсь, а завтра рано вставать.

Все это выглядело уж очень по-деловому, без всякого намека на чувства, не говоря уже об отсутствии, какой-либо романтики. В глубине души, я наверно этого и хотел. Выпили, закусили и в кровать. Но на меня накатили воспоминания.

Я представил, что на этой постели, как минимум, с Аленой спал Михалев – человек, разрушивший мою жизнь. Горькие мысли не согласовывались с плотскими желаниями. Взглянув на распахнутый халатик, похоть завопила: «Вот она, красивая, страстная! Что еще надо? Получи, что хотел и свободен». Нетрезвая голова уже склонялась в пользу сценария, задуманного Аленой но, за язык меня кто-то дернул и я произнес:

– А как же твой «женатик»?

– Женатик, как женатик, у тебя же тоже кто-то есть! – совершенно спокойно ответила Алена, без всяких намеков на угрызения совести.

Внутри меня что-то гроыхнуло и упало. Наверное, это была вера в доброе и светлое. Конечно, ни про какого женатика, я не знал. Это было лишь предположение, но тыкнув пальцем в небо, я попал туда куда не следовало.

Если рассудить здраво, Алена была, конечно, права. У меня тоже кто-то есть! И не просто кто-то. У меня несколько женщин, в чувствах к которым я до сих пор не разобрался. А чего я собственно хочу? Ну да, она сказала, что свободна, но на самом деле с кем-то встречается. По большому счету она честнее меня, она не врет и называет все своими именами.

Разговор о «женатике» испортил вечер. Если бы Алена соврала, то наверно все было бы по-другому.

– Иди в душ первая, – произнес я, правдоподобно изображая спокойствие.

– Хорошо.

После того, как Алена удалилась в ванную, я покинул «маленький лувр», стараясь бесшумно захлопнуть дверь.

У разных людей разная реакция на алкоголь. Кого-то тянет в драку, кто-то плачет, а я становлюсь обидчивый. Сколько людей, столько реакций. Один мой знакомый, как только напивался, сразу шел к своей первой жене. Причем начал движение ровно в двенадцать ночи. Все бы ничего, но он был звукорежиссером в нашей рок-группе. А в студенческие годы мы частенько «халтурили», и каждый раз играя на свадьбе, теряли «звукача» ровно в полночь. Уж не знаю, что там, творилось в его голове, но наша «золушка» сбегала из самых удаленных мест. После каждого «исчезновения», мы хотели расстаться со столь ненадежным коллегой, но он клятвенно обещал, что это был последний раз, приписывая свои действия козням темных сил.

Один раз мы играли на юбилее какого-то богатого дяди. Ресторан находился далеко за городом. Мероприятие было ответственное, поэтому организаторы попросили нас не пить. Играть и петь на «сухую» всегда сложновато, но ради солидного гонорара мы согласились. Когда добрая половина гостей разъехалась, а оставшая часть лежала в салатах, можно было расслабиться и «накатить». «Звукач» попросил выпить и пообещал, что в этот раз никуда не пойдет. Я еще раз внятно объяснил ему, что ресторан находится в десяти километрах от города, транспорт не ходит. Поедем все вместе,

как только закончится «халтура». Он кивнул, но как только «пробило полночь», отправился в туалет, из которого не вернулся. Позже выяснилось, что два часа он шел пешком, пока его не подобрала какая-то попутка до города. До сих пор остается загадкой, как реагировала его первая жена на столь поздние визиты.

Выйдя из дома Алены, обиженный, я побрел по теплому летнему Ростову. Возвращаться к своей первой и, пока единственной жене не хотелось. Да собственно ничего в этот момент мне не хотелось. Вспомнив о том, что «бизнесумен» уже вышла из ванной и не нашла меня, предупредительно выключил телефон. Погуляв более часа по набережной, я отправился спать к родителям.

Утром пришло два сообщения. Алена гневно требовала немедленно перезвонить и объяснить свое поведение. Жена тактично выражала сожаление, что я не нашел времени позвонить ей и сообщить, что не приду ночевать. Обоим женщинам отправил краткое смс: «Извини, почувствовал себя плохо».

Оставались сутки до вылета. Пришло время собираться в дорогу. Покупая вьетнамским партнерам селедку, «бородинский» хлеб, я ощутил, что все мои мысли уже далеко, за пределами Российской Федерации. «Как там работа? Что с контрактом, что с поставками? Не обнесли ли мою квартиру в мое отсутствие?» – вертелось в голове.

Российские проблемы почему-то интересовали меньше,

хотя нужно было срочно разбираться со своими женщинами.

Почему Алена резко пошла на сближение хотелось знать, но разговор о «женатике», все еще вызывал желчную горечь во рту, и поэтому я решил общение с ней отложить на потом.

С женой было сложнее. Ощущая чувство вины за очередное собственное предательство, я решил поговорить по телефону.

– Саш, я еще раз предлагаю тебе приехать ко мне. Это не дело. Семья должна жить вместе. Ты же любишь путешествия. Слетаем в Камбоджу, Сингапур. У меня хорошая работа, есть деньги.

– Нет!

– Что нет?

– Нет и всё!

– Объясни.

– Ты пропал на пять лет, жил неизвестно с кем, а теперь, я должна всё бросить и лететь к тебе?

– Но два дня назад, ты говорила мне совсем другое.

– Протрезвела.

– Протрезвела? Как скажешь! Передумаешь, напиши, – сказал я, и обидевшись повесил трубку.

Глава

29. Back in S. R. V.

Возвращаясь на свою вторую родину, мне пришлось провести полдня в столичном аэропорту. После часа сидения в одиночестве, навалилась грусть-печаль-тоска. События по-

следней недели кручинили голову. Чтобы поднять настроение пришлось хлебнуть из бутылки, закамуфлированной под минералку. Через полчаса грусть-печаль ушла, и захотелось наполнить оставшиеся шесть часов до рейса общением с представительницей противоположного пола. Домодедово, как обычно пестрило разношерстными пассажирами. Перебирая претендентов для беседы, на глаза попалась одинокая женщина. Я подсел рядом и после небольшой паузы завел разговор.

– День добрый! Меня зовут Георгий, лечу во Вьетнам, а вы куда?

С некоторых пор я усвоил, что если в первой фразе сообщить незнакомому человеку информацию о себе, то это располагает к дальнейшему общению. Когда же ты начинаешь знакомство с фразы: «Как вас зовут? А куда вы летите?», у человека возникает невольное опасение и излишняя напряженность.

– Светлана. Лечу в Колумбию, – с детской непосредственностью призналась незнакомка.

– Ух, ты! А ближе развлечений нет?

– Что вы Георгий? Какие развлечения!? Я лечу к любимому мужчине, – строго произнесла Светлана, подчеркивая серьезность своих слов и намерений.

Случайной знакомой было за сорок, но одевалась она как ученица старших классов. Зауженные короткие джинсы, кеды на босую ногу, розовая маечка, рюкзачок с меховым зай-

цем. Видимо, возраст был ее большой темой. Она яростно не хотела, взрослеть. Хорошее телосложение издали делало ее похожую на молодую девушку, но по мере приближения предательские морщинки у глаз и на шее выдавали возраст.

– Светлана, сгораю от любопытства, как же вашего любимого мужчину занесло в Колумбию. Простите мое невежество, но пишут, что это же ужасная страна. Красные повстанцы, наркотики, банды, бароны, похищение людей.

– А Россия не ужасная страна? Здесь всё тоже самое!

– В принципе, если последователей Зюганова называть «красными повстанцами», то возможно, вы правы – пытался пошутить я.

– А вот вы, Георгий летите во Вьетнам, там тоже партизаны. Ну, или недавно были партизаны.

– Сдаюсь! Убедили!

– Кстати, а что вы делаете во Вьетнаме?

– Я писатель-путешественник, – соврал я.

Историю про директора ресторана и начинающего нефтяника рассказывать не хотелось.

– Уже публиковались?

– Пока только журналы.

– Если хотите, я могу вам дать контакт моей подруги, она крупный издатель. Может пригодиться.

– Дайте, может и пригодится. И все же. Вернемся к вашему колумбийскому избраннику. Если не секрет, как вы познакомились? Мне просто интересно. Он кто, колумбиец?

На каком языке вы общаетесь? На испанском? Я пять лет живу во Вьетнаме, но с местными женщинами как-то не складывается. Уж очень мы разные.

– Мы познакомились в интернете. Месяц переписывались, а потом, несколько раз общались по «скайпу». Зовут Энтони. Он англичанин. Уже пять лет там живет. Я, как только его увидела, сразу поняла – это мой мужчина.

– У вас хороший английский?

– Нет, но и без слов понятно – это моя половина. Он сразу пригласил меня к себе жить.

– Жить? Не в гости, а жить? А деньги на билет он вам выслал?

– Нет, он мне выслал электронный билет.

Я мгновенно забеспокоился о судьбе этой женщины.

– Надеюсь это билет с открытой датой в оба конца?

– Нет, в один конец, но это не важно. Я не собираюсь возвращаться назад. Дочь уже взрослая и меня здесь ничего не держит.

– Стесняюсь спросить, а дочери сколько?

– Восемнадцать.

– Да... Светлана, конечно, это не мое дело, но вы не торопитесь? Ведь это на другом конце света, а билет в один конец. Может поискать кого-нибудь поближе?

Собеседница на минуту задумалась и поменяла позу, приняв более удобное положение для своей пятой точки.

– Георгий, ну что вы жути нагоняете. Вы лучше скажите,

у вас случайно нет чего-нибудь алкогольно-горячительного? А то, здесь не продают, а до «duty-free» еще далеко.

– Есть немного водки, в бутылке из-под минералки.

– То-то я смотрю, вы от газировки морщитесь.

– А что делать? Теперь в аэропортах «злоупотреблять» нельзя.

Светлана выпила из одноразового стаканчика, оставшегося у неё из под кофе. После второй порции «минералки» словесные шлюзы открылись, и она с упоением стала рассказывать мне об Энтони. Я узнал, что он, не только замечательный мужчина и бизнесмен, но еще и сёрфер, постоянно путешествующий по Латинской Америке. По каким-то невиданным ощущениям, видимо где-то на уровне подсознания, а может просто животного инстинкта, она убедила себя, что это тот, которого она ждала всю свою жизнь. Я слушал ее, и удивлению моему не было предела. Ну ладно я, увидел Алену и потерял голову, но это было «вживую», а не по скайпу. Да и потом, я полгода добивался предмета своего обожания, общаясь на одном, родном для нас языке. А тут, месяц виртуального знакомства на ломаном английском, привел к решению жить вместе. Может, конечно, так бывает, но перешагнув сорокалетний порог, я понял, что только ошибки в мире происходят скоростельно.

– Светлана, прошу Вас об одном, иначе моя совесть будет нечиста, давайте выпишем на листочке, именно на листочке, а не в телефоне, адрес посольства в Боготе. На всякий слу-

чай. Хорошо?

– Хорошо!

В интернете мы быстро нашли страничку русского посольства в Колумбии. В маленький розовый блокнотик я собственноручно записал на русском и английском адрес и все телефоны.

– Уж не знаю, пригодится ли Вам это, но на всякий случай, пусть будет.

– Спасибо, Георгий! Вы настоящий джентльмен.

– Прямо как ваш Энтони? – не удержался я.

– Да, как Энтони, – ответила Светлана совершенно серьезно и взглянув на часы добавила, – мне уже пора, регистрация на рейс до Мюнхена началась.

Мы обнялись, как старые друзья. На прощанье, моя милочка оставила электронный адрес подруги издателя и добавила.

– Георгий, обязательно напишите Верочке, что вы «от селёдки».

– Не понял. Какой Верочке, от какой селёдки?

– Вера Павловна – издатель, селёдка – это я. Мы с ней подруги с детства. А пароль «от селёдки» выделит из общей массы бумагоморателей. Я если не забуду, позвоню ей насчет вас.

– Понял. Спасибо.

Распрощавшись со Светланой, я впал в раздумье. Пять лет назад я тоже летел на край света с билетом в один конец. Ну и

что из этого вышло? Я в порядке. Может быть, и эта женщина устроит себе жизнь и найдет любовь. Мои размышления прервал блондинистый малыш, который медленно, но уверенно направлялся ко мне. Нормально ходить он еще не умел и поэтому передвигался, держась за сидушки кресел. Не дойдя несколько шагов, ребенок остановился и стал приседать. Складывалось впечатление, что внутри его звучит музыка, и он пританцовывает в ритм, слышный только ему. Улыбка не сходила с его милого личика. Он веселился, переполненный какими-то чудесными чувствами. Голубые глаза и ямочки на щеках добавляли уморительной милости этому созданию. Станцевав для меня свой танец, он развернулся и, не дождавшись аплодисментов, направился в сторону своей мамы, стоявшей неподалеку. Родительница танцора была такая же красивая и улыбчивая, как ее ребенок. У нее тоже были белые волосы, голубые глаза и ямочки на щеках. Помимо этих семейно-генетических атрибутов, ее украшал высокий рост и дородное телосложение. Обтягивающий спортивный костюм давал возможность предположить, что до появления малыша, она была почти модельной внешности, но после родов видимо немного прибавила в весе. Такая умеренная упитанность ее не портила, а только украшала, создавая образ настоящей русской женщины.

Я опять загрустил. Мне захотелось не разрываться между несколькими женщинами, а иметь нормальную семью. Сорок три года! Уже пора определиться, пора заводить детей.

С мыслями о возможной матери моего ребенка я побрел регистрироваться на свой рейс.

Полет прошел штатно, в обнимку с бутылкой виски, но во время посадки произошло событие, которое я воспринял, как очередной знак.

Наш лайнер уже был готов коснуться земли, как вдруг двигатели зарычали, а потом завизжали. От резкого ускорения вдавило в кресло. Пассажиры, готовые аплодировать экипажу за прекрасный полет, испуганно переглянулись и бросились к иллюминаторам. А земля тем временем стремительно удалялась. Любой пилот скажет вам, что заход на второй круг – это всегда сложная, сравнимая с аварийной, ситуация. Уж не знаю, что там случилось, но до контакта с взлетно-посадочной полосой, нам оставался метр, максимум два. Самолет с диким рёвом взмыл в небо и накренился, делая крутой разворот. Я мгновенно протрезвел и, вцепившись в подлокотники, замер, боясь пошевелиться, чтоб не нарушить баланс трехсоттонной махины.

Как все же удивительно устроен человеческий организм. За сутки дороги из родного города я употребил неприличное количество алкоголя и тут, в один момент, из меня всё выветрилось.

Мы развернулись и опять пошли на посадку. Прочитал «Отче Наш». Затем, обращаясь к высшей инстанции, очередной раз стал просить Всевышнего дать мне время, чтоб исправить все ошибки, которые совершил за свою никчем-

ную жизнь.

Это был определенно знак, но какой? Пять лет назад, возвращаясь из Вьетнама, у нас тоже были проблемы на посадке. Видимо, тогда меня не хотел отпускать Вьетнам. Если использовать ту же логическую цепочку, то сейчас меня не отпускает Россия?!

На второй раз, шасси нашего «Боинга» без проблем коснулись горячего вьетнамского бетона. Народ истерично зааплодировал экипажу. Пока мы выруливали к телетрапу, я мгновенно забыл про время, которое просил для исправления ошибок и сосредоточился на том, что нужно срочно выпить, чтоб «обмыть» мое второе рождение.

На следующий день после прибытия, в лёгком хмелю, я отправился на работу. В офисе нашей компании мне сообщили, что Роман Сергеевич улетел в Москву и никаких срочных дел в ближайшее время не предвидится. Груз с оборудованием для «Русьвьетойл» в пути и ожидался только через месяц. Я мгновенно расслабился и сократил пребывание на рабочем месте до двух часов в день.

Встал вопрос – чем себя занять. Лето во Вьетнаме – мертвый сезон. С апреля по сентябрь время жуткой жары и дождей. Как назло, именно в это время, спасительный океан наполняется какими-то «козьябрами», которые беспощадно жалят. Получать удовольствие от купания в среде, которая тебя отторгает, не представляется возможным. Туристов минимум, а местные русские на каждое лето уезжают в Россию.

Работая в ресторане, независимо от погоды и времени года, я каждый день был чем-то занят. Теперь же у меня образовалась уйма свободного времени, которое нужно было как-то убивать.

Первое, что пришло в голову, это заняться спортом, но после нескольких посещений фитнес «клуба» пятизвездочного отеля я потерял интерес к идее совершенствования своего тела. Возможно, если бы в спортзале были хорошенькие девушки, а не престарелые австралийцы, я бы продолжил занятия, но увы, и здесь был «мертвый сезон»!

Дожди зачастили. Полупустые бары с вьетнамскими проститутками настроения не придавали. Отсутствие нормального общества и природные условия, настойчиво загоняли домой, в общество компьютера и телевизора. От тоскливого однообразия я стал пить.

Как-то, один из работников нефтяной отрасли, мне сказал:

– Нравится тебе это или нет, но рано или поздно, ты начнешь пить!

– Почему? – поинтересовался я.

– Потому что, это Вьетнам!

На первый взгляд умозаключение странное, если не сказать, глупое. Ведь здесь столько всего интересного, столько того, чем можно заняться. Хочешь – путешествуй, хочешь – учи языки, хочешь – занимайся спортом! Но, несмотря на море возможностей, добрая половина экспатов начинает

пить.

Моя личность не стала исключением. В принципе, я и до этого момента, почти каждый день «принимал на грудь», но занятость многочисленными делами, не давала уйти в запой. Теперь же, моя новая должность требовала минимального или точнее сказать номинального присутствия на работе. Я вообще, мог по несколько дней не появляться на рабочем месте. Роман Сергеевич был в России, а срочных дел, в которых нужно было моё личное участие, временно не было.

Если рассудить здраво, то повода пить особо не было. Все было хорошо. Все были живы и здоровы. Были деньги, была работа. Но, несмотря на положительность моей жизненной ситуации, я ежедневно бежал от действительности, прячась в тумане замутненного алкоголем сознания.

Время от времени, в минуты просветления, я задавал себе вопрос: «Зачем пью?», но моё второе «я» оправдывало «злоупотребление» общей усталостью и неудачами в личной жизни. Возможно, именно тогда у меня начался тропикоз – болезнь странная и мало изученная. Много кто о ней говорит, но четкой формулировки, почему она возникает, я так и не нашел. В интернете пишут, что это расстройство психики, которое иногда наблюдается у европейцев проживших долго в тропическом климате. У меня были похожие симптомы (ослабление воли, быстрая усталость, желание побыть в одиночестве), но я решил, что это просто временный упадок сил, и чтобы взбодриться, стал мешать алкоголь с энергетиками,

которые продавались за копейки на каждом углу. Потихоньку, количество потребляемой «жидкости» увеличивалось, и вот уже на сутки мне требовалось не бутылка, а полторы, плюс две-три банки энергетика. Причем начинал я пить с первыми лучами солнца, встречая рассвет в «прекрасном», как мне казалось расположении духа. Ближе к вечеру, когда внутри булькало уже более полулитра, мне хотелось приключений и женской ласки. Соотечественниц под рукой не было, и поэтому, теперь мой путь лежал по массажным заведениям города. В плотный контакт с продажными девками я всё так же не вступал, но осознание того, что за попу и спину меня трогает противоположный пол, частично успокаивало.

В один из дней я проснулся от легкого тычка в бедро. «Finish Mister!» – слышалось откуда-то сверху. Голова разламывалась, ожидая очередную порцию алкоголя. Осмотрелся по сторонам. Тусклый розовый свет. Маленькая комната для массажа с грязным низким потолком, в которой еле умещалась кровать. Из-за перегородки, словно чья-то голова, торчала половина кондиционера, который был задействован сразу на две комнатухи. Массажистка сидела на краю кровати и напевала песенку на родном мяукающем языке. Взглянул на часы. Три часа дня. «Что-то сегодня раненько я начал терять связь с реальным миром!». Нащупал под кроватью бутылку водки, в которой осталось немного спасительной влаги. Допил в один присест, чтобы хоть как-то погасить головную боль. Вьетнамка перекривила милое, по-детски ку-

кольное лицо, представляя, что твориться внутри меня.

– Бань ёу? – спросил я по-вьетнамски.

– Мот чам нгин! – выдохнула из себя азиатская красотка с глазами, как у Бемби.

Я сделал над собой усилие и поднялся. Достал из сумки сто тысяч донгов и кинул на кровать.

– And tips, – продолжила она, перейдя на английский.

Я, молча, добавил еще двадцать тысяч. Массажистка, оттопырив пухлую нижнюю губу, изобразила недовольную гримасу, показывая всем видом, что эта сумма ее никак не устраивает. Денег я дал «выше крыши», потому как массаж в этом месте стоил восемьдесят тысяч, а если учесть, что, скорее всего меня вообще не массировали, то ее вымогательства были откровенной наглостью. После того, как я почти на карачках заполз в это заведение с бутылкой в руке и через минуту заснул, вряд ли кто-то мучился, чтоб вдохнуть в меня жизнь.

– Хоть бы поспать дали изверги, все равно клиентов нет! – возмутился я зачем-то по-русски. – За эти деньги можно было вообще снять номер на сутки!

– I don't understand you, tips please, – не унималась вьетнамка.

– Поверь мне, деньги портят людей! – продолжал я на родном языке и, не смотря на протесты труженицы массажного фронта, натянув шорты, качаясь, вышел вон.

Подойдя к мотику, стоявшему возле салона, поймал се-

бя на мысли, что не помню, как приехал в «массажницу». А ведь до неё я был на берегу в баре. Как я вообще ехал по дороге? Ведь я мог не только убиться, но и кого-нибудь сбить. Осмотрев колёса и не найдя на них человеческой крови, частично успокоился. Прежде чем двинуться в путь, опять напрягся. Почти три недели я пил. Связь с действительностью еще не была утрачена, но многие мыслительные процессы давались с трудом. Достав из глубин пропитанного алкоголем сознания остаток здравого смысла, задумался. Жизнь «под шофе» вечно продолжаться не могла. Рано или поздно с этим нужно было заканчивать.

Завел мотик. Поехал очень медленно. Кое-как я добрался домой. Начиналась легкая трясучка. Организм требовал «продолжения банкета». Стал вопрос: «Если завязать то когда? Прямо сейчас?».

Я думаю, что добрая половина любителей выпить осознает, что пьянка – это «тупиковый путь». Возможно, даже кто-то собирается покончить «с этим злом», но мало кто может найти в себе силы, чтобы справиться со столь властным змием? Даже великий Хемингуэй придумал великолепное оправдание, говоря: «I drink to make other people interesting» («Я пью, чтобы другие люди стали интереснее»). Как можно расстаться с бутылкой, если с ней трава зеленая, а люди добрые? Где найти краски, которыми можно раскрасить мир без дополнительного допинга?

Многие мои знакомые не могут самостоятельно выйти

из «штопора», и поэтому сразу прибегают к помощи врачей. Внутривенное прокапывание оказывает чудесное воздействие, быстро возвращая людей к жизни.

Я же надеялся на свои силы, имея опыт самостоятельно-го, относительно безболезненного выхода из ежегодного новогоднего запоя. Единственная сложность была в том, что я никогда не совершал столь долгий «заплыв» и поэтому, сроки выходы из сумрака были не ясны.

Большинство «специалистов» рекомендует потихоньку снижать градус, заменяя крепкий алкоголь на вино или пиво, но у меня была своя метода.

Первым делом я позвонил в офис и сообщил, что заболел. Затем, в магазине нашего кондоминиума купил две маленькие бутылки водки «Ханой». В каждом таком «мерзавчике» было двадцать девять градусов и триста тридцать миллилитров. В то время, во Вьетнаме, акциз на водку рассчитывался в зависимости от «градусности», поэтому вьетнамцы сделали интересный маркетинговый ход. Они выпустили одну и ту же марку водки в трех разных бутылках, с тремя разными градусными составляющими. Большая бутылка, «ноль семь», была тридцать девять градусов, средняя, «ноль пять» – тридцать пять, а маленькая, «ноль тридцать три» – двадцать девять. Причем самая качественная водка оказалась в маленьких бутылках.

Первые сутки я пил по половине маленькой стопки «легкой» водки один раз в час. Для успокоения нервной системы,

такой дозы было явно не достаточно, но это была самая легкая часть процедуры. Вторые сутки растянулись во времени и пространстве. Я старался заснуть под снотворным, сделанным на основе местных трав, но вместо сна меня трясло. Страшные мысли приходили в голову и наполняли сознание беспричинными страхами. В какой-то момент мне показалось, что на днях мне выбили зуб. Тогда я этого не заметил, а вот сейчас нащупал языком свободное пространство между зубов. Подойдя к зеркалу, чтоб пересчитать количество резцов и клыков, я невольно взглянул на себя. Опухшая физиономия, заплывшие глаза, слипшиеся волосы. На кого я стал похож? Желание выкарабкаться из этого дерма усилилось, но сил не прибавилось.

После пересчета зубов, которые к счастью оказались на месте, возник новый «шугняк». Почему-то я решил, что потерял все деньги, которые у меня были. Опять истерика, опять поиски по всей квартире. К счастью деньги, как и зубы, оказались на месте. Из-за резких передвижений по квартире участилось сердцебиение. Четко ощутил, что не хватает воздуха. Опять паника. Возникла полная уверенность, что через пару минут я совершенно точно задохнусь. Открыл окно. На секунду захотелось улететь от всего этого безумия, но взглянув вниз, желание летать пропало. Намазал под носом вьетнамским бальзамом. Защипало, завоняло, но отпустило.

Безумный мандраж и эмоциональная болтанка продолжались всю ночь. Ни фильмы, ни интернет, не могли отвлечь

организм от внутреннего беспокойства. В какой-то момент я уже был готов сломаться и пуститься на поиски бутылки, но звякнул телефон. В электронной почте оказалось письмо от Романа Сергеевича. В нем он сообщал, что прилетит через неделю. Появляться пред его очами в таком непотребном виде совсем не хотелось. Нужно было срочно приходиться в себя!

За два дня я проспал в общей сложности пять часов. Наступили третьи сутки, которые могли стать мостиком в нормальное состояние.

Мокрая постель, пахнувшая аммиаком и протухшим кефиром, несказанно радовала. Это был верный признак того, что хворь и яд уходят из организма. Теперь, как говорил «Мальчиш-Кибальчиш», нужно было: «День простоять, да ночь продержаться!». Решив, проспать этот кошмар, я опять выпил снотворного. Прошел час, но «дядюшка Сон», так и не пришел. Беспокойство не покидало. Страхи были уже не столь масштабны, как в предыдущую ночь, но все равно тиритовали нервную систему. Я решил выйти из своего заточения к людям. За руль садиться было рано, но подышать и прогуляться по окрестностям, было бы не лишним.

Вспомнив, что два дня практически ничего не ел, жутко захотелось горячего. Благо во Вьетнаме в первой половине дня суп «Фо» можно поесть на каждом углу. Зайдя в ближайшую «фошницу» заказал большую тарелку. Если европейцы предпочитают на завтрак бутерброд и кофе, то вьетнамцы не представляют себе начало дня без супа.

Если провести аналогию, то «Фо» немного похож на «Хаш». Всю ночь варится бульон из буйволячих ног, с десятком местных специй. Перед подачей, в кипящий бульон, на несколько секунд опускается рисовая лапша и уже сваренная курица, говядина или любая экзотика в виде свиных ушей. На отдельной тарелке приносится репчатый лук, молодые ростки сои, кинза, базилик, красный стручковый перец и ломтик лайма. Говорят, что особый вкус супу придаст добавление хвоста кастрированного вола. Почему кастрированного? Потому что большинство волов во Вьетнаме кастрированные. С незапамятных времен азиаты поняли, что отсутствие яиц стимулирует рост рогов, а рога это «валюта» во все века и времена. Впрочем, такая закономерность распространяется и на современных мужчин. Если у тебя нет «настоящих яиц», то велика вероятность того, что скоро вырастут рога!

Через несколько минут после заказа, на моем столе стояла огромная тарелка супа и гора зелени. Высыпав растительность в горячее, добавил соевый соус. Попробовал – великолепно! После первых ложек на лбу возникла доброкачественная посталкогольная испарина. В середине трапезы почувствовал, как возвращаюсь к жизни. С улучшением состояния захотелось «дернуть» стопочку, для окончательного «выздоровления». От срыва спасло только то, что в «фошнице» не продавался алкоголь.

Не успел я закончить с поздним завтраком, как меня стало

«срубать». Сонливость настолько быстро накатывалась, что я, еле успел дойти до квартиры. Не раздеваясь, я плюхнулся на диван в гостиной, и провалился в долгий, почти здоровый сон.

В полночь открыл глаза. Встал. Прошелся по тёмным комнатам. «Хожу-брожу, соображаю, значит не все так плохо!». Сердце почуяв, что я пришел в сознание, застучало пулеметом. Выпил корвалола. Для полного выздоровления нужно было еще поспать. Через час после рюмки «сердечного фенобарбитала», опять уснул.

Проснулся от духоты и зловонья. Окна закрыты, кондиционеры выключены. Запах перегара. Кислорода ноль. Несмотря на раннее утро, в комнате плюс тридцать. Подушка смердела так, что захотелось её выкинуть. Поднялся. Открыл окна. В надежде, что быто-химикаты справятся, снял все постельное и бросил в «стиралку».

Холодный душ был сродни обряду очищения. Мгновенно ощутил легкость в мыслях и движениях. Глубоко внутри еще что-то вибрировало, но ждать благодного состояния не представлялось возможным. Трое суток истекли, нужно было ехать на работу.

После возвращения из царства алкогольной зависимости, меня опять потянуло писать. Причем в этот раз, захотелось создать что-нибудь глобальное. О чем писать я ни как не мог определиться, потому как одна гениальная идея, сменяла другую. В голове ежеминутно рождались сюжеты вселен-

ского масштаба. «Видимо алкоголь окончательно не выветрился из моего организма» – подумал я, и решил перечитать своё почти законченное произведение.

На двухсотой странице, осенило. Мне захотелось написать новый веселый роман о похождениях дауншифтера, сбежавшего из России во Вьетнам. Выдумывать ничего особо не приходилось. В памяти был десяток смешных биографических историй, оставалось только, должным образом их описать. После недели трудов, были готовы две главы, которые, как мне казалось, удались. Я не удержался и написал письмо издателю, адрес которого мне дала Светлана:

«Дорогая Вера Павловна! Меня зовут Георгий Кирсанов, я от «селедки». С учащенным сердцебиением и большим сомнением в правильности своих действий, отправляю Вам две главы своего нового романа. Вы уж простите мою наглость! Ни на что не надеюсь, но может быть, кто-то из ваших работников найдет время и возможность оценить уровень моей писанины. С ув. Г. Кирсанов.

Р. С. Очень переживаю за Светлану («селедку»). Вы не знаете, как там у нее сложилось в Колумбии?»

Только после того, как я отправил письмо, мне пришла в голову мысль поискать издательство, в котором работала подруга детства «селедки». Написав в поисковике «Вера Павловна издатель» моментально выяснилось, что Вера Павловна Абросимова учредитель и генеральный директор крупного издательского дома в Питере. Эта информация одновре-

менно обрадовала и расстроила. Если бы я знал это раньше, то вряд ли решился отправлять незаконченные творения на личный адрес столь серьезной персоны. Но что сделано, то сделано. Оставалось только ждать. Мысленно, я стал готовить себя к тому, что мне либо не ответят, либо напишут о моей бездарности в какой-нибудь завуалированной форме. От мук ожидания писательский запал пропал. Мысли-скакуны покинули голову, умчавшись в неизвестном направлении.

Чтобы, как-то отвлечься, я решил ходить и учить. Ходить по берегу, учить языки. Для моей дальнейшей карьеры нужна была светлая и, желательно, чем-то занятая голова, а лежание на диване наводило лишь на мысли о культурном (ежедневно и помалу) потреблении спиртных напитков.

Специалисты утверждают, что для работы по профессии, нужно знать двести слов специального назначения на языке страны пребывания. Я распечатал первую сотню терминов на вьетнамском и, для более продуктивной зубрежки, наклеил их по всей квартире. Исключением не стали двери туалета и внутренности холодильника. На работе, я тоже времени не терял, записывая в отдельную тетрадку технический сленг на английском.

Хождение и учение нормализовали состояние нервной системы. Теперь я не боялся «сорваться» и мог ходить по местным ресторанам и барам, употребляя только соки.

Несмотря на внутреннее равновесие, мне было скучно и

тоскливо. Оставалось чуть больше месяца, до начала «сезона», когда город наполнится русскими туристами и жизнь потечет веселее, но я не выдержал. В один из вечеров, когда на небо взошла полная луна, я вдруг решил прервать молчание и написать всем своим бывшим женщинам. В тексте письма была одна фраза: «Ну что дальше?». Из-за разницы во времени мгновенного ответа ждать не приходилось. Помня, что «утро вечера мудренее», я спокойно лег спать.

Наутро в своем электронном ящике обнаружил пять писем.

Первое письмо было от Ани из Южно-Сахалинска:

«Привет! У меня перемены. Я развожусь. Мы давно уже не живем с мужем, но вот сейчас решили официально все оформить. У меня любовь! Извини, но это не ты. Дети взрослые, надеюсь, они всё понимают. Как там твоя книга? Целую. Я.»

Второе от Наташи Майской из Москвы:

«Чего это ты друг, вдруг, вспомнил обо мне? Что дальше? Да ничего! Каждый пошел своей дорогой!»

Третье письмо было от Алены:

«Гера! Я очень надеюсь, что всему этому (твоему поведению), будет объяснение! И твоему уходу и твоему молчанию! Я почему-то придумала себе, что ты все еще любишь меня, что готов опять возобновить наши отношения. Видимо я ошибалась. Если честно, то у меня сейчас очень сложный период. Мне так нужна поддержка. За все эти годы у

меня была возможность сравнить тебя с другими мужчинами и сообщу, что ты лучшее, что со мной было. Приезжай. Мне надо многое тебе рассказать. Если хочешь, я могу приехать к тебе. У меня есть неделя в конце октября. Напиши, не молчи. Алена»

Четвертое сообщение пришло с незнакомого адреса:

«Добрый вечер! Меня зовут Маргарита Сергеева, я руководитель отдела по интернет-продвижению издательского дома «Роза и Лев». Вера Павловна поручила мне связаться с вами. Я не нашла ничего о вас в интернете, но читала то, что вы прислали нашему руководителю. Очень весело. Особенно понравилась глава, где вы описываете, как русские туристы в ожидании цунами, набрали алкоголя и полезли на ближайшую гору. Очень живо представилась эта паника, обесточенный берег и экваториальные звезды. Высылайте все, что у вас есть. Наши специалисты прочитают и сделают докладную записку руководству.

Р. С. И еще... Вера Павловна просила Вам передать, цитирую: «С селедкой все хорошо, она уже дома.».

Последнее письмо было от жены:

«Привет муж! Уж не знаю, обрадует ли тебя эта информация или нет, но кажется, у нас будет ребенок! Саша.»

Продолжение следует.....